

Национальный банк Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полесский государственный университет»

В.М. Крюков

БЫТИЕ И ОРИЕНТАЦИЯ

(Ориентационный подход
в жизнедеятельности человека)

Пинск
ПолесГУ
2008

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Кр. 78

Р е ц е н з е н т ы :

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси

Сороко Э.М.;

доктор социологических наук, профессор,
заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей
Национального собрания Республики Беларусь по образованию,
культуре, науке и научно-техническому прогрессу

Котляров И.В.

Крюков В.М.

Кр78 Бытие и ориентация (Ориентационный подход в жизнедеятельности человека): Монография / В.М. Крюков. – Пинск: ПолесГУ, 2008. – 296 с.

ISBN 978-985-516-001-5

В монографии исследуются предпосылки, сущность и механизмы ориентационного подхода как деятельностного фактора, опосредствующего самоопределение, познание и деятельность человека в изменяющемся мире. «Человеческая ситуация» раскрывается и анализируется в категориях неопределенности, случайности, возможности и действительности. Введен понятийный ряд, выражающий специфику человека как ориентирующегося существа. Дан социокультурный генезис становления, проявления и реализации ориентационной функции в основных формах общественного сознания: науке, религии, философии, искусстве и т.д.

УДК 101.1:316

ББК 87.6

ISBN 978-985-516-001-5

© Крюков В.М. 2008

© Полесский государственный
университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Введение	7
Общая цель, задачи и структура исследования.....	14
Глава 1 Анализ предпосылок ориентационного подхода.....	23
1.1 Ориентация	23
1.2 Место	32
1.3 Зависимость	45
Глава 2 Культурологическая рефлексия ориентационной деятельности и ориентационного подхода	49
2.1 Рефлексия проблемы	50
2.2 Предпосылки и следствия	83
2.3 Опыт теоретической рефлексии.....	97
2.4 Аспект свободы и необходимости	107
Глава 3 Функциональный анализ характеристик ориентационной деятельности и ориентационного подхода	122
3.1 Потребность	122
3.2 Ситуация.....	128
3.3 Определенность.....	141
3.4 Знание	159
Глава 4 Механизмы реализации ориентационного подхода	167
4.1 Основания рефлексии	167
4.2 Гносеологическая реализация.....	179
4.3 Экзистенциальный ракурс.....	221
Заключение	278
Послесловие	283
Библиографический список	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть может, лучше других отношение к истине выразил поэт Р.И. Рождественский, принеся извинения за все свои ошибки, за все, что было не так: «Что-то я делал не так. Извините! Жил я впервые на этой земле».

И мы, живя первый раз, будем с удивлением и вниманием вглядываться в то на земле и в нас самих, о чем справедливо сказано: «Чужды дела твои, Господи!». Будем удивляться тому и размышлять над тем, что века идут за веками, но и в дни Соломона (960 г. до н.э., царь Израиля и Иудеи), и в наши дни голоса истины и добра не доходят до сознания такого количества людей – носителей негативной социальной энергии, что их совокупная деятельность, казалось бы, главенствует и подавляет своей всепроникновенностью всякую иную, создавая впечатление, что зло всемогуще и неискоренимо, ведь у него тысячи путей, а у добра всего лишь один путь. И Соломонов вопрос «Доколе?» сегодня так же актуален, как он был актуален и три тысячи лет назад: «Доколе невежды будут любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание?».

Но только ли Соломонов вопрос озадачивает человека в его многотрудной насыщенной противоречивой информацией и противоречивыми событиями повседневной жизни? Увы, нет. И справедливо было бы сказать, что мера вопросов человека к себе и миру едва ли уравнивается мерой ответов на них. В то время как от качества ответов нередко зависит сама жизнь, а не только ее благополучие и комфорт.

Античные греки в затруднительных ситуациях обращались к оракулам, желая от них получить надежный, пригодный для практических действий совет, но и полученный совет нес в себе, как правило, *неопределенность*, которая нуждалась в истолковании. Так что человеку и здесь в конечном счете приходилось самому отвечать на вставшие перед ним вопросы и нести ответственность за принятые решения, как это имело место в случае с Эпяминоидом. Когда стали приближаться грозные спартанцы, фиванцы обратились к оракулам с просьбой предсказать исход сражения. Но предсказания, как это

нередко бывает и в нашей сегодняшней жизни, были разноречивы: одни предвещали победу, а другие – поражение. Тогда Эпаминанд велел положить таблички, на которых были написаны предсказания соответственно справа и слева от ораторского возвышения, и, взбравшись на него, возгласил: «Если мы дружно ударим на врага, то вот справедливые слова оракулов!» – он указал на таблички, пророчившие победу. «А если оробеем, – вот эти!» – обернулся к предвестникам неудачи (Козлов Л.Р. Музей остроумия. – Мн., 1983).

Последующие века немного изменили в отношении человека к миру и к себе, разве что вопросов стало больше, а информация к размышлению стала обильнее и противоречивее. Вместе с тем за прошедшее от античности до современности время сменилось множество поколений людей, оставивших для потомков свой опыт преодоления *незнания* и *неопределенности*, таящихся в обстоятельствах настоящего и будущего, в обстоятельствах, делающих жизнь человека непредсказуемой и драматичной. Но сотни поколений людей «за спиной» и шесть с половиной миллиардов, «живущих рядом», вселяют в современного человека некую надежду, что ему дано знать и понимать больше, чем предшественникам, что действия его в мире будут более обоснованы и более успешны, что судьба его не будет темна и печальна.

Что есть, то есть. У человека действительно стало больше знаний о мире, о себе, о характере связей с природой, обществом, с себе подобными и т.д. Однако среди других «вечных» философских вопросов, типа кантовских «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что я могу надеяться?», позволяющих постигнуть, пусть и не исчерпывающим образом, сущность человека, есть вопрос, который имеет самое непосредственное отношение к никогда не достигающему предела познанию человеком самого себя, своей определенности, смысла своей жизни. Это вопрос *о его ориентации* в мире, о сущности ориентации, ее роли в детерминации поведения и деятельности человека.

Исторический и логический предшественник данного вопроса обнаруживается в физиологическом учении И.П. Павлова, где в качестве жизненно важного для любого организма фактора выступает ориентировочный рефлекс или, как его называет Павлов, *вопрос «что такое?»*.

Как бы сам собой разумеющийся, вопрос об ориентации никогда в общепhilosophическом плане не получал не то что бы полного, но даже

сколь бы то ни было систематического освещения. Однако явным или неявным образом, в том или ином виде феномен ориентации находил и находит свое выражение и применение в работах философского, психологического, социологического и т.п. профиля.

В недавнем прошлом один из создателей общей теории систем Людвиг фон Берталанфи признавался, что он «стеснялся» распространить на биологические системы принцип причинности, но жизнь заставила ввести понятие системного подхода. Аналогичное стеснение испытывает и автор настоящей работы, сознавая, тем не менее, правомерность и необходимость введения в аппарат научного мышления понятий ориентационного подхода и общей теории ориентации. Однако жизнь, ее обстоятельства и требования заставляют сделать решительный шаг и, преодолев сомнения, вынести на суд читателя идеи, составляющие фундамент теории, находящейся, по мнению автора, в становлении и развитии.

Если взять самый общий план, то речь в настоящей книге идет об исследовании оснований жизнедеятельности человека. Проблема столь же старая, сколь стар и мир человеческого бытия. Но пока существует мир и в нем существует человек, ее придется рассматривать и решать вновь и вновь. То или иное решение данной проблемы призвано обеспечить безопасность человеку, а в своих наиболее совершенных и развитых формах должно приблизить его к пониманию подлинного смысла жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что и гносеология, и методология научного познания давно сформировались в особые направления философских исследований и имеется немало коллективов, успешно работавших и работающих в них (Минск, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Киев, Томск и др.), остаются целые области гносеологических и методологических проблем, не вовлеченные на должном уровне в теоретико-философское осмысление.

К такого рода проблемам, в рамках всестороннего изучения роли философии в познавательной деятельности человека вообще и в научном познании, в частности, относится экспликация и вербализация теоретическим мышлением интуитивно ясного представления о философско-мировоззренческом знании как ориентирующем факторе познавательной и предметно-практической деятельности. За интуитивной ясностью широко используемого представления об ориентирующей функции законов, категорий, принципов диалектической методологии и гносеологии остаются по существу не исследованными природа и действительный логико-методологический механизм, посредством которого, собственно, осуществляется, реализуется ориентационная функция философии; на уровне философско-методологического и естественнонаучного знания остается неисследованным само существо процесса ориентирования как особого рода деятельности.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что наиболее склонная к саморефлексии форма сознания – философия – не рефлексировала на соответствующем теоретическом уровне в исследовании процесса познания своей собственной важнейшей функции. Эта парадоксальность может быть устранена специальной рефлексией, в рамках которой искомая ориентационная функция осознается не только как способность философии эксплицировать в качестве важной, «имманентно» присущей жизнедеятельности человека вообще и процессу познания, в частности, особенности, находиться в ориентационных зависимостях, но и как способность философии вооружать человека умением использовать ориентационные зависимости надлежащим образом.

Именно осознание наличия гносеолого-методологической «бреши» в возводимом усилиями многих философов здании методологии научного познания берется в качестве первичного основания для определения актуальности настоящей работы; выступает первой предпосылкой для осуществления исследования.

К предпосылкам, обуславливающим необходимость, актуальность и определение предметной области данной работы, относится то, прежде всего, что в настоящее время в Республике Беларусь всё более широко развертываются политологические, экономические, социологические, психологические и т.п. исследования, ставящие своей целью анализ жизненных установок, *ориентаций и переориентаций* социального субъекта: его экономического, политического, нравственного, эстетического мышления в условиях повсеместных перемен в системе базисных идеалов и приоритетов общественной жизни. Практический результат и ценность такого рода исследований зависят не только от конкретных социологических методик, но и от общей методологии, опирающейся на корректно осуществленные рефлексию ориентационного подхода, приложение и интерпретацию требований ориентирующих механизмов науки, религии, философии, морали, искусства к объекту научного анализа. Однако в практике современных исследований (социологических, социально-психологических и т.д.) такая методология присутствует в скрытом виде, поскольку общая рефлексия ориентационного подхода и соответствующих механизмов его реализации находится вне рамок социологии, политологии, психологии т.п. — она составляет прерогативу гносеологических и методологических изысканий философского мышления.

Мировоззренческо-методологической предпосылкой, обуславливающей необходимость работы, является то обстоятельство, что реальный прогресс общественной жизни, основывающийся на активном применении научного знания, немислим вне понимания действительного места и роли человека как субъекта познания и деятельности, вне понимания методологических принципов познавательной и практической деятельности, вытекающих из знания того значения, которое имеет для жизнедеятельности человека осуществляемая им рефлексия своего места в мире, роли и смысла жизни; немислим, другими словами, вне учета влияния, которое оказывают на жизнедеятельность человека его *мировоззренческая ориентация и способ,*

каким он ориентируется в сложном, противоречивом, непрерывно изменяющемся мире. Глобализационные процессы, нарастающие в современном мире, не могут быть поняты в полной мере вне исследования таких проблем, как ориентации (ценностные, социально-политические, экономические и т.д.) людей, корпораций, организаций, стран, государств, регионов мира, человечества в целом; вне изучения закономерностей изменения этих ориентаций.

Гносеологической предпосылкой настоящего исследования выступает то, что научное познание, являясь высшей ступенью в деятельностной цепочке (физиологическая деятельность – психическая деятельность – научное познание), оказывается единственным элементом, относительно которого не выяснены должным образом значение и роль момента ориентировки (ориентации), тогда как для физиологической и психической деятельности созданы специальные теории (теория ориентировочного рефлекса в физиологии, теория ориентировочной деятельности в психологии). Вместе с тем уже физиолог И.П. Павлов отмечал, что на уровне человека ориентировочный рефлекс становится основанием научного познания. Изучение существа и специфики ориентации на уровне научного познания как особого момента, стороны познавательной деятельности, оказывается, таким образом, необходимым звеном в целостном исследовании научного познания, в выявлении его гносеологических, методологических, мировоззренческих оснований и характеристик.

Основное содержание настоящей работы составляет философское исследование ориентационной деятельности и ориентационного подхода как форм выражения на уровне жизнедеятельности человека феномена ориентации. В нем выделяются три плана (аспекта): онтологический, гносеологический и методологический.

Указывая в настоящей работе на ориентацию в онтологическом плане, мы подразумеваем и рассматриваем различные формы, виды, уровни ее существования: как явления и свойства действительности, как феномена жизнедеятельности человека, как элемента методологического знания, как особого вида или способа деятельности психики, как фактора социальной организации и т.д.

Говоря об ориентации в гносеологическом плане, мы рассматриваем рефлексию обыденным и теоретическим сознанием в различных формах познавательной и практической деятельности человека, на различных ее уровнях и ступенях особого качественно опреде-

ленного и значимого для формирования и достижения целей этой деятельности феномена, а именно феномена ориентации, во-первых; подразумеваем его экспликацию в качестве особого предмета философского мышления и денотата соответствующих понятий – ориентации, ориентационной ситуации, потребности в ориентации, ориентационной определенности, ориентационного знания, ориентационной деятельности, ориентационного подхода, во-вторых.

Под методологическим планом рассмотрения ориентации подразумевается экспликация в проявлениях ориентационной деятельности человека инвариантных характеристик, осознанное использование которых позволяло бы утверждать наличие особого подхода к действительности в процессе ее познания и предметно-практического преобразования, а именно ориентационного подхода; выстраивать в его рамках познавательную и практическую деятельность сообразно знаниям о реальных и возможных отношениях, связях, взаимодействиях человека с миром, неотъемлемой частью которого он является.

Мировоззренческий и социальный аспекты особо не выделяют, но явным образом присутствуют в исследовании феномена ориентации в качестве необходимых, теснейшим образом связанных с онтологическим, гносеологическим и методологическим аспектами. Потребность в настоящей работе заключается в том, что при всей кажущейся ясности и простоте решения проблема рефлексии ориентации (ориентационной деятельности, ориентационного подхода) в обобщенном виде никогда не ставилась и не рассматривалась. Ее общетеоретическое исследование предпринято впервые. Отсюда новизна работы, заключающаяся в той трактовке понятий введенного в ней ориентационного ряда, в которой они восходят к категориям места, пространства, времени, связи, отношения, зависимости. Она далее в системном представлении понятий ориентационного ряда, позволяющем получить объемное видение одного из важнейших аспектов познавательной и практической жизнедеятельности человека и общества – ориентационного аспекта.

Представленные в работе классификации видов ориентационной деятельности и механизмов реализации ориентационного подхода, не будучи изученными, рассмотренными в деталях, являются выражением общей, ранее специально не исследованной, концептуальной идеи перманентности момента ориентации в жизнедеятельности

человека, устремленности человека к поиску наиболее совершенных средств ориентации в мире в условиях развития ноосферного, экологического, синергетического видов мировоззрения.

Осуществленная в работе рефлексия ориентационного подхода есть, прежде всего, осмысление реально существующего феномена ориентационной деятельности, а не введение его впервые в практику жизнедеятельности человека. Подобно тому как формирование логики как науки не означало в свое время изобретения логического мышления, но способствовало совершенствованию последнего, теоретическая рефлексия ориентационного подхода расширяет пространство гносеологического и методологического инструментария познавательной и практической деятельности человека, создает предпосылки осознания возможностей становления и развития новых методологических и гносеологических средств, а также границ использования существующих.

Актуальность настоящей работы определяется назревшей необходимостью в условиях нарастающей в конце XX и начале XXI веков сложности и противоречивости социального бытия, размывания целей и смысла деятельности его акторов, во-первых, в условиях практической востребованности новых мировоззренческих форм (экологической, синергетической, ноосферической) отношения человека к действительности, во-вторых, выразить в адекватных понятийных формах теоретического мышления предпосылки, сущность и механизмы идентификации социокультурных феноменов вообще и сущностных феноменов бытия человека, в частности. В этом плане рефлексия ориентационного подхода, его сущности и механизмов реализации в познавательной и предметно-практической деятельности актуальна потому, что позволяет:

- по-иному осознать генезис основных форм общественного сознания – морали, религии, философии, науки, искусства, политики, права;
- перейти в понимании важнейшей функции философии – давать человеку «общую ориентировку» в мире – с уровня интуитивных представлений на уровень теоретического осмысления;
- в структуре процесса познания, осуществляемого как движение мысли от истин относительных к истинам абсолютным, выявить наличие особого типа знания;
- вскрыть связь между детерминирующими деятельность личности системами социально-политической, нравственной, эстетиче-

ской, религиозной и т.д. ориентаций, с одной стороны, и философско-мировоззренческой ориентацией личности, с другой;

- ввести в аппарат гносеологии и методологии научного познания ряд новых методологически и гносеологически значимых понятий, таких как ориентация, потребность в ориентации (ориентационная потребность), ориентационная ситуация и т.д.;

- выстроить за каждым введенным ориентационным понятием логическую и гносеологическую область определения и использования;

- восполнить развивающиеся виды экологического, ноосферного и синергетического мировоззрений значимым для них ориентационным аспектом.

Методы исследования в представляемой работе общепринятые: теоретическая рефлексия, восхождение от абстрактного к конкретному, диалектическое соотношение исторического и логического, индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, идеализация и др.

Историко-философский контекст исследования составляет совокупность философских учений и концепций, имевших место в историческом процессе развития философского знания, а также выработанных в рамках современной философии, объединенных общим для них признаком: в явном или в неявном виде содержать идеи, положения, принципы, вполне интерпретируемые в качестве гносеологических, логических, мировоззренческих и методологических предпосылок вычленения в структуре познавательной деятельности особых ее «единиц»: неопределенности, пространства, системы координат, места, определенности, взаимообусловленности, ориентационной зависимости и т.д.

В историко-философский контекст рефлексии ориентационного подхода вошли материалы работ классиков древнегреческой философии: Аристотеля (учение о категориях, в т.ч. о категории «место»), Платона (категория «местоположение»); представителей философии XVI–XVIII веков: Д. Локка, П. Гольбаха, Р. Декарта, И. Ньютона и др.; классиков марксистской философии: К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина; представителей зарубежной классической и современной философии: И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, К. Поппера, Т. Куна, Н. Аббаньяно, Э. Фромма, Т. Парсонса, Я. Дембовского, В. Сломского и др.; представителей методологического

крыла в современной отечественной философии: В.С. Степина, Д.И. Широканова, Э.М. Сороко, В.А. Лекторского, Л.А. Микешиной, В.С. Швырева, Г. Волкова, Б.Г. и Э.Г. Юдиных, А.Н. Кочергина, В.В. Чешева и др. Кроме того, в культурологический контекст работы входят материалы исследований М.С. Кагана, А.И. Осипова, Л.М. Косаревой, Р.П. Шульги, В.А. Звиглянича и др.

Естественнонаучный контекст рефлексии ориентационного подхода образуют материалы исследований И.М. Сеченова, И.П. Павлова, П.И. Анохина, А.Н. Леонтьева, Е.Н. Соколова, П.Я. Гальперина, А.К. Обуховского и др., посвященных изучению физиологических и психических механизмов ориентировочной деятельности.

Особую группу материалов, примыкающих к естественнонаучному контексту, образовали социологические исследования ценностных ориентаций А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, Е.М. Бабосова, А.Н. Данилова, И.В. Котлярова, Д.Г. Ротмана, В.А. Клименко и др., а также стоящие несколько особняком исследования русских просветителей и философов конца XIX – середины XX веков: Н. Рубакина, С. Булгакова, С. Гессена и др.

Социальный контекст рефлексии ориентационного подхода составляют материалы исследований, посвященных анализу глобальных проблем современности и будущего человечества. А. Швейцер, А. Печчеи, Н. Моисеев, В.И. Вернадский, П.Г. Никитенко, В.М. Лейбин и др. связывают решение этих проблем со способностями человека сформировать новое мышление, базирующееся на новой системе ценностей и мировоззренческих ориентаций.

Логика рефлексии ориентационного подхода, совпадающая с логикой исследования и, соответственно, со структурой построения работы, определена как логика экспликации основных положений, идей и результатов, представленных в ней из материалов анализа, синтеза, обобщения теоретических и эмпирических данных указанных культурологического, естественнонаучного и социального контекстов.

ОБЩАЯ ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования является формирование научно-теоретической рефлексии, анализа, синтеза и обобщения данных естественнонаучного и философского знания, гносеологического и методологического образов (понятий) *ориентационного подхода* и *ориентационной деятельности*, раскрытие их содержания, сущности и механизмов реализации как средств адекватного выражения взаимодействия современного человека с окружающим миром в сфере познавательной и социально-практической деятельности.

Задачами исследования являются:

1. Анализ предпосылок научной рефлексии ориентационного подхода и доказательство существования особых феноменов жизнедеятельности человека, имеющих фундаментальное значение для понимания глубинной природы сознательной деятельности человека, общества, их взаимодействия, а именно феноменов ориентации, ориентационной деятельности, ориентационного подхода.
2. Раскрытие онтологического, гносеологического и методологического аспектов феномена ориентации.
3. Экспликация смыслов базисных характеристик ориентационной деятельности и ориентационного подхода.
4. Раскрытие существа механизмов реализации ориентационного подхода как методологических оснований познания и практической деятельности.

Объект исследования: познавательная и практическая деятельность человека.

Предмет исследования: ориентационный подход в познании и деятельности человека в природном и социокультурном пространстве.

Гипотеза исследования предполагает средствами научного исследования обнаружить наличие в познавательной и практической деятельности человека ранее не отрефлексированного на теоретико-философском уровне феномена: проявления и использования зависимости определенности явления от его местоположения в качестве специфической основы особого, ориентационного подхода человека к действительности, позволяющего осознанно *находить (формиро-*

вать) свою определенность и *устанавливать (формировать)* определенность других людей и иных объектов познавательной и практической деятельности в природном и социокультурном пространстве жизнедеятельности.

В работе выдвигаются и рассматриваются следующие положения:

1. О существовании на биологическом, психическом и социальном уровнях жизнедеятельности человека особой, соответствующей этим уровням *ориентационной деятельности*, в рамках которой человек выступает как ориентирующий и ориентируемый.

2. О существовании и универсальном характере особого *ориентационного подхода* в познании, в *механизмах* которого учитывается и выражается зависимость знания и действия от специфических природных и социокультурных систем отсчета, систем координат (законов, правил, принципов, идеалов, норм и т.д.), где неопределенность мира и человека в мире преобразуется в их определенность, человек специфически определяет вещи и самого себя, смысл вещей и своих помыслов и действий в любой конкретный момент, находит при необходимости целостный смысл своей жизнедеятельности.

3. О наличии в структуре процесса познания, осуществляемого как движение мысли от истин относительных к истинам абсолютным, особого, *ориентационного знания*, возникающего на «стыке» отражения объективно-истинного содержания явлений действительности и творчески-конструктивной деятельности сознания по формированию знания определенности явлений действительности и самого человека, необходимого и достаточного в качестве основы для осуществления деятельности.

4. О реализации ориентационными механизмами их предназначения (ориентационной функции) тогда, когда, входя в индивидуальное или общественное сознание элементами своего содержания (нормами, идеалами, ценностями, традициями, знаниями, представлениями и т.д.), они *выстраивают соответственно этим элементам индивидуальное или общественное сознание, задают определенность (качественное своеобразие, направленность, целеустремленность и т.д.) образа мышления, поведения, деятельности индивида или общества в целом.*

5. О генезисе основных форм общественного сознания – морали, религии, философии, науки, искусства, политики и права, опосредуемом поиском совершенных средств ориентации человека в мире.

6. О наличии глубинной, сущностной связи между детерминирующими деятельность личности системами социально-политической, нравственной, эстетической, религиозной и т.д. ориентаций, с одной стороны, и необходимой и важной, в первую очередь, для принятия обоснованных решений в социально-экономическом и политическом управлении социальными процессами философско-мировоззренческой ориентацией личности, с другой стороны.

7. О введении и представлении, в рамках предварительной их классификации, в аппарат гносеологии и методологии научного познания методологически и гносеологически значимых понятий, к которым относятся ориентация, потребность в ориентации, ориентационная ситуация, ориентационная зависимость, ориентационное отношение, гносеологическая ориентация, методологическая ориентация, мировоззренческая ориентация, ориентационное знание, ориентационная деятельность, ориентационная определенность, ориентационная функция сознания, ориентационная основа деятельности, ориентационный подход и др., в своем системном теоретически связанном виде образующие особый пласт методологического и гносеологического видения и осознания познавательной и предметно-практической деятельности людей.

Выбор области исследования (гносеологические и методологические проблемы познания и деятельности), постановка цели исследования (рефлексия ориентационного подхода в познании и деятельности, его сущности и механизмов реализации), наконец, определение средств достижения цели исследования определяют характер постановки и поэтапность решения вспомогательных задач в настоящей работе.

Последовательность достижения цели исследования фиксирована в структуре работы. Последняя включила в себя введение, четыре главы основного содержания, заключение и перечень использованной литературы.

Первая глава «Анализ предпосылок ориентационного подхода» состоит из трех разделов: 1. «Ориентация», 2. «Место», 3. «Зависимость». В главе проведен логико-гносеологический анализ понятий, опосредствующих раскрытие сущности ориентационного подхода. В соответствующих подразделах первого раздела: *«Логико-семантический анализ понятия ориентации»* и *«Историко-логическая верификация»* – введено и исследовано исходное поня-

тие – *ориентация*. Дано определение ориентации «как характеристики, выражающей связь определенности явления и его местоположения»; как понятия, «служащего для обозначения зависимости определенности явления (вещи, процесса) от местоположения его во множестве явлений (вещей, процессов), с которыми оно взаимодействует»; как понятия, «обозначающего совокупность отношений, в которых определенность явления раскрывается через его местоположение во множестве других».

В подразделах второго раздела: «*Историко-философская рефлексия*», «*Сущность и функция категории место*», «*Понятие ориентационной зависимости*» – рассматривается рефлексия в историко-философской мысли понятия *место*, устанавливается его философский статус в рамках связи с философскими категориями пространство и время.

В целом, в первой главе осуществляется логико-гносеологическое обобщение эмпирического материала естествознания и обществоведения, позволяющего выделить в качестве значимого для понимания действительности отношения зависимости между определенностью явлений действительности и их местоположением. В рассмотрении эмпирического материала, представляющего сферу ориентационных отношений человека с окружающей средой, вскрываются онтологические предпосылки, основания ориентационной деятельности и ориентационного подхода.

Вторая глава «Культурологическая рефлексия ориентационной деятельности и ориентационного подхода» состоит из четырех разделов: 1. «*Рефлексия проблемы*», 2. «*Предпосылки и следствия*», 3. «*Опыт теоретической рефлексии*», 4. «*Аспект свободы и необходимости*». В главе рассматриваются ориентационный аспект жизнедеятельности человека и его рефлексия в общественном сознании; рефлексия предпосылок ориентировочной деятельности в физиологии и психологии, представление ее сущности и значения; единство и различие ориентировочной и ориентационной деятельности; осмысление сущности ориентационной деятельности. В главе прослеживаются рефлексии ориентационной деятельности и ориентационного подхода в философских и естественнонаучных источниках отечественной и зарубежной литературы, рассматривается гносеологическая сущность ориентационного подхода и формируемых в его рамках образов действительности.

В подразделах первого раздела второй главы: *«Проблема ориентации как социокультурная проблема»*, *«Рефлексия проблемы ориентации общественным сознанием»*, *«Специфика фроммовского понимания сущности и роли характера в жизнедеятельности человека. Фроммовская система ориентации и ее назначение»*, *«Социальное действие и ориентация в концепции Т. Парсонса»* – рассматривается социальный аспект и социальное содержание проблемы ориентации как одной из важнейших в жизнедеятельности человека, раскрывается ее экзистенциальный характер и сложность поиска средств и способов адекватного решения проблемы. Устанавливается фактическое признание и осознание в общественном сознании проблемного характера отношений человека с социальным окружением, представленным в виде бесконечного многообразия явлений и процессов общественной жизни, находящегося в изменении, в состоянии относительной неустойчивости, неопределенности, противоречивости.

В качестве направлений теоретической рефлексии проблемы ориентации, ее фиксации и специфического исследования научным мышлением рассматриваются соответствующие воззрения Эриха Фромма и Талкотта Парсонса.

Второй раздел второй главы *«Предпосылки и следствия»* акцентирован на рассмотрении содержания ориентировочной деятельности, способов ее проявления в психике, а также теоретического выражения ориентировочной деятельности в рамках психологической теории, развитой П.Я. Гальпериным. В разделе устанавливается, что ориентировочная деятельность является необходимым моментом жизнедеятельности живых организмов вообще и человека, в частности. При этом подчеркивается в качестве одной из основополагающих для понимания существа ориентировочной деятельности мысль П.К. Анохина о том, что организм должен приспосабливаться к свойствам среды, должен «вписаться» в нее, в фундаментальные законы неорганического мира. Органы чувств животных подстраиваются, «подгоняются» к свойствам среды. Это «вписание» организма в мир, «пригнанность» его органов чувств к характеристикам действительности дает постоянно активное отражение законов неорганического мира. Активное же *отражение* изначальных свойств *внешнего мира*, их фиксация в основных *структурных формах животных* рассматривается как *абсолютный закон жизни*. Установлено, что на уровне жизнедеятельности человека закон, сформулированный П.К. Анохиным, особо значим.

В разделе подчеркивается принципиальное для понимания существа ориентировочной деятельности положение: среди различных факторов, свойств мира, к которым приспосабливается организм и которые он отражает в основных структурных формах, особо значим пространственно-временной фактор, ведь только благодаря приспособлению к пространственно-временным взаимодействиям жизнь могла сохраниться на нашей планете.

В третьем разделе второй главы *«Опыт теоретической рефлексии»* обосновывается введение понятия ориентационной или ориентационно-ориентировочной деятельности, хотя и связанной с собственно ориентировочной, но выходящей далеко за пределы последней, опирающейся по преимуществу на рациональные, а не на чувственные механизмы, как это характерно для деятельности ориентировочной.

Здесь же в рамках анализа понятия ценностной ориентации обосновывается необходимость различения собственно ориентационной деятельности и деятельности ценностной, имеющей своим предметом не нахождение ориентационной определенности как таковой, а установление отношения полезности, значимости, важности и др. вещей как ценностей для субъекта деятельности.

В четвертом разделе второй главы *«Аспект свободы и необходимости»* свобода человека, выступающая сущностным выражением жизнедеятельности человека, рассматривается через призму связи определяющих ее содержание характеристик: необходимости, случайности (случая), пространства (места) и времени, что дает основание особым образом раскрыть экзистенциальную природу ориентационной деятельности, ее укорененность во все многообразие и сложность соответствующих ей и связанных с ней экзистенциальных проблем. Свобода воли человека обнаруживается в его осознанной или неосознанной способности смещать, мутировать пространственно-временные параметры бытия. Она заключается в его способности «рождать» случай и пользоваться случаем. Такое представление противопоставляется одной из сторонней интерпретации человека как существа, осуществляющего негэнтропийные процессы, упорядочивающие окружающую среду.

В разделе утверждается понимание человека как парадоксального существа, стремящегося очистить внешний мир от случайного, чтобы с тем большей энергией дать свободу внутренней стихии, творчеству как творению единичного, уникального, случайного, неповторимого.

В рамках субстратно-информационной модели человека [1, с. 110] вводятся основные типы ориентации:

- 1) *ориентация индивидуального уровня;*
- 2) *ориентация личностного уровня;*
- 3) *ориентация субъектного уровня.*

Приводится типология ориентаций как результат теоретико-абстрагирующей деятельности мышления. Подчеркивается, что в реальной жизнедеятельности поступки и образ мысли человека опосредованы самыми различными вариантами взаимодействия типов и подтипов ориентации.

Третья глава «Функциональный анализ характеристик ориентационной деятельности и ориентационного подхода» состоит из четырех разделов: «*Потребность*», «*Ситуация*», «*Определенность*», «*Знание*». Исходя из предыдущего исследования в данной главе осуществляется раскрытие функционального содержания характеристик, выражающих специфику и сущность ориентационной деятельности и ориентационного подхода: ориентационной потребности, ориентационной ситуации, ориентационной определенности, ориентационного знания.

В разделе первом настоящей главы обосновывается важность и значение положения, согласно которому без ориентировочной потребности не может быть реализован образ предмета, не может ставиться и решаться ни одна поведенческая либо теоретическая задача [2, с. 250]. Ориентировочная потребность не отождествляется ни с какой иной потребностью, но существует как относительно самостоятельная с определенной функцией, с конкретными формами активности, деятельности по ее удовлетворению.

Во втором разделе предметом исследования является ориентационная ситуация. Рассматриваемая Э. Фроммом «человеческая ситуация», в которой поиск человеком своей определенности есть поиск на пересечении его внутреннего и внешнего миров, поиск себя в себе самом и вне себя, понимается как разновидность ориентационной ситуации, вне которой, так же как и вне ориентационной потребности, не возникают ни ориентационная деятельность, ни, соответственно, ориентационный подход. Даются существенные отличительные признаки ориентационной ситуации.

Третий раздел «*Определенность*» содержит следующие подразделы: «*Принцип многомерного понимания действительности*»,

«Ориентационная определенность в свете «хайдеггеровского мировидения», «Онто-гносеологический аспект ориентационной определенности», «Закон и неопределенность», «Ориентационная определенность человека».

Общая констатация широкой распространенности в жизнедеятельности человека ориентационных ситуаций, общности характеристик различных средств их разрешения влечет здесь вывод о существовании особого компонента познавательной и практической деятельности человека, а именно ориентационного, подразумевающего и реализующего способность человека эксплицировать определенность, необходимую и достаточную для сохранения и развития человеком себя в качестве биологического, социального и духовного существа из любой неопределенности, составляющей суть всякой ориентационной ситуации.

В эмпирическом материале научной литературы выявляется, эксплицируется то, что свидетельствует об осознании проблемы существования, познания и функционирования ориентационной определенности явлений действительности как особого гносеологического образа. Тем самым обнаруживаются основания для рассмотрения ориентационной определенности не только как феномена социально-психологической и духовно-практической деятельности, но и как определяющего фактора ориентационного подхода в целом.

Четвертая глава «Механизмы реализации ориентационного подхода» содержит три раздела: *«Основания рефлексии», «Гносеологическая реализация»* и *«Экзистенциальный ракурс».*

В первом разделе четвертой главы рассматриваются гносеологические и методологические основания рефлексии механизмов ориентации. К таким основаниям относятся признание роли, которую в жизнедеятельности человека играют неопределенность, случай, зависимость определенности от местоположения, эволюция пространственно-временных представлений; осознание воздействия факторов культуры на строй, качество, функционирование мышления и деятельности человека.

В подразделах второго раздела: *«Ориентационный аспект методологической рефлексии», «Ориентация исследовательской мысли как результат взаимодействия науки и философии», «Гносеолого-методологический смысл ориентационного подхода»,* а также в подразделах третьего раздела: *«Ориентационная функция языка», «Ориентационная функция искусства», «Философия как механизм*

ориентации», «Ориентационная парадигма педагогической деятельности», «Ориентационная функция мифа и религии», «Мораль как механизм ориентации» – раскрывается социокультурная природа основных механизмов реализации ориентационного подхода: науки, философии, искусства и др.; рассматривается их диалектическая противоречивость как детерминант социокультурной деятельности и ее результат.

В четвертой главе: а) формулируется вывод о сущности ориентационного подхода как способе познавательной деятельности, в которой объект исследования рассматривается со стороны ориентационных зависимостей его от множества явлений, находящихся с ним в непосредственном или опосредованном взаимодействии; б) устанавливается, что ориентационный подход выступает в качестве формы и способа воздействия научной, философско-мировоззренческой и иных видов интеллектуальной деятельности на образ мышления и действия человека; научное и философско-мировоззренческое знание может выступать при этом в качестве доминирующего фактора в формировании специфической ориентационной основы жизнедеятельности человека в различных ее сферах; в) осуществляется рефлексия зависимости результатов познавательной и практической деятельности от мировоззренческой ориентации субъекта деятельности; г) устанавливается, что в целом под ориентационным подходом в познании и деятельности следует понимать рефлексированную сознанием систему процедур, возникновение и применение которых вызывается специфической ориентационной ситуацией; систему, целесообразно, органично и закономерно вписывающуюся в целостный процесс познания и соответствующего преобразования действительности, имеющую своей основной целью и своим основным результатом извлечение из неопределенности бытия как универсальной характеристики существования всего сущего, необходимой и достаточной для практических нужд человека определенности.

ГЛАВА 1

АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ОРИЕНТАЦИОННОГО ПОДХОДА

1.1 Ориентация

Как это нередко бывает в исследовании, где последовательность реального движения к результату оказывается обратной способу его представления, рассмотрению ориентации в качестве свойства и характеристики действительности, предположим проникновенное публицистическое высказывание Л. Стародубцевой о месте, точнее, о «чувстве места».

В статье «Земля без места» она пишет: «Согласитесь, жить без места в Море как-то неуютно. Но мы живем. Впрочем, что такое это «чувство места»? Ностальгическая нотка? Бестелесная субстанция, которую человек XX века давно утратил. Когда-то Мартин Хайдеггер говорил, что человек не просто живет, а проживает свое «здесь и сейчас», идентифицирует себя с окружением, экзистенциально его присваивает. И в этом смысле «чувство места» – одна из первейших глубинных потребностей человеческого сознания. Казалось бы, все так просто. Мы прилепляемся, заякореваемся в своей среде – социальной, пространственной, духовной. Мы вращаемся в ней. Укореняемся. Это – наша единственная реальная точка стояния. Но оказывается не все так уж просто. Тем более в наше смутное время» [3, с. 44].

Если о месте, о драматизме и трагизме жизни человека, потерявшего «Свой Дом», заговорили с особой силой сравнительно недавно [4], то понятие «ориентация», с ним теснейшим образом связанное, употреблялось в научном обиходе весьма часто и в самых различных контекстах: от «ориентации спина атома» в физике, ориентации вектора в математике до ориентации ценностной, политической, экономической и т.д.

Ориентацию, вкладывая в нее специфический смысл и содержание, использовали и в теоретической, и в практической деятельности (чего только стоила, например, в материальном выражении каждая «потеря ориентации» орбитальной станцией «Мир»). Но особый па-

фос ориентация обретала там, где речь шла об отношении человека к духовным ценностям, об их выборе, о нахождении человеком себя в мире постоянного изменения социальных и природных факторов, о нахождении им места в мире, смысла и цели жизни.

Столь широкое и многообразное использование термина «ориентация», формирование связанных с ним различных понятийных образов не могло не привлечь философского внимания, не могло не породить философский интерес: не стоит ли за этим термином нечто устойчивое, инвариантное, что мотивирует его применение в самых различных областях? Не составляет ли это «нечто» объективное основание для порождения особого вида деятельности: деятельности ориентационной, простирающейся в широком диапазоне форм от ориентировочного рефлекса в поведении живых организмов, ориентировочной деятельности на уровне психических процессов до науки как «высшего типа ориентировки человека в мире» (И.П. Павлов).

Решение поставленных вопросов таило и таит в себе возможность выхода философского понимания действительности на новые, еще не задействованные гносеологический, методологический, мировоззренческий уровни, и потому в 70-ые годы автором была предпринята первая попытка специального анализа термина «ориентация», его употребления в различных контекстах. Ее результаты нашли отражение в ряде ранних работ автора и послужили основанием для настоящих исследований.

1.1.1 Логико-семантический анализ понятия «ориентация»

Поскольку в конкретных науках – химии, физике, математике, психологии, физиологии, социологии и т.п. – термин «ориентация» имеет специфические смыслы, то задачу выявления общего, что содержалось в употреблении и истолкованиях различных смыслов термина «ориентация», можно интерпретировать как задачу отыскания признаков, инвариантных для любого смысла данного термина. Совокупность таких признаков по определению должна составить содержание, смысл ориентации как общенаучного понятия и послужить основой для теоретического его определения.

Подобную работу по выявлению общего смысла проделал в свое время А.И. Уемов в отношении понятия «модель». В основе предло-

женной им методики лежал метод обобщения [5]. Суть его в следующем. В качестве материала исследования берутся понятия, сформировавшиеся в различных областях знания. Они обозначаются символами: a_1, a_2, \dots, a_n . Проводимые над понятиями операции – суть операции расчленения и вычленения. В формализованном виде они даются соответственно как операторы: \underline{B} и \underline{C} . В результате применения оператора \underline{B} понятия a_1, a_2, \dots, a_n представляются как наборы признаков, образующих их содержание:

$$\underline{B}(a_1, a_2, \dots, a_n) (--->) ((\alpha_1^1, \dots, \alpha_1^l), \dots, (\alpha_n^1, \dots, \alpha_n^t)),$$

где α – признак, входящий в содержание понятия. Нижний индекс при α означает номер понятия, а верхний – номер признака в составе данного понятия.

К полученному результату применяется оператор \underline{C} . В итоге его применения выделяется набор признаков, общих для всех исходных понятий:

$$\underline{C}((\alpha_1^1, \dots, \alpha_1^l), \dots, (\alpha_n^1, \dots, \alpha_n^t)) ---> \alpha_i, \dots, \alpha_k$$

Совместное применение операций \underline{B} и \underline{C} дает схему:

$$\underline{C} \underline{B}(a_1, \dots, a_n) ---> \alpha_i, \dots, \alpha_k$$

Понятие, содержание которого представляется набором признаков $\alpha_i, \dots, \alpha_k$, обозначается символом α . Тогда схема выделения признаков, составляющих содержание общего понятия, будет:

$$\underline{C} \underline{B}(a_1, \dots, a_n) ---> \alpha$$

Символ $--->$ выражает переход от исходных данных к результату.

Реализуя в конкретном исследовании данный метод, А.И. Уемов брал 37 формулировок понятия «модель», предложенных различными авторами.

Та же логическая процедура была применена в отношении термина «ориентация». Были взяты 29 формулировок, положений, поддержек и т.п., в центре которых находился или был основным данный термин. Выбор формулировок определяется при этом их широким употреблением и значением. Отсутствие специальных работ по анализу ориентации как таковой, как особого понятия, в отличие от большого количества работ, в которых рассматривалось и опреде-

лялось понятие «модель», в значительной мере затрудняло работу по выявлению общего смысла понятия «ориентация». Отсутствие возможности привлечь готовые логические определения ориентации было компенсировано тем, что в качестве исходного материала использовались формулировки, выдержки и т.п., то есть материал, в значительной степени привязанный к контекстам, из которых производилась выборка.

Исходным материалом для извлечения контекстуальных выдержек послужили источники из самых различных областей научного знания [6, с. 324; 7, с. 53; 8, с. 36] и др.

Разнообразие источников, в которых в специфичных смыслах использовался термин «ориентация», само по себе являлось показательным, требовало осмысления, поиска за ним некоей общей гносеологической основы или общей специальной потребности.

Оставляя в стороне подробности применения метода, предложенного А.И. Уемовым, к набранному материалу, репрезентирующему в определенной мере диапазон и характер применения термина «ориентация» в сферах познавательной и практической деятельности общества, обратим внимание на полученные в результате его применения выводы.

Применение операторов «В» и «С» к исходному массиву признаков дало возможность из его множества в 98 элементов выделить 4 элемента-признака, которые без натяжек интерпретировались как инвариантные для большинства контекстуально выделенных формулировок. Это: 1. $P(1,1)$ – «определенность состояния или явления»; 2. $P(1,2)$ – «обусловленность явления»; 3. $P(1,3)$ – «целенаправленность»; 4. $P(4,2)$ – «связь состояния явления с местоположением» [9].

Соответственно исходным контекстам номинально термин «ориентация» мог означать либо самостоятельное явление, обуславливающее другие, либо явление, которое само обуславливается другими.

В первом случае выделенные признаки выступают как условия определенности, связанной с ориентацией явления или явлений. Во втором случае стороны, свойства явлений, с которыми связана ориентация, выступают как условия ее определенности, как признаки ориентации. Эта обратимость признаков рассматривается не как следствие выбранного способа исследования (исследования по кон-

тексту), но как следствие характера самого феномена ориентации.

Учитывая это обстоятельство, речь о феномене ориентации ведется как в случае, когда имеется в виду ориентация в качестве самостоятельного явления, обуславливающего что-либо, так и в том случае, когда ориентация выступает в качестве явления, обусловленного чем-либо. В рамках такого понимания выделенные признаки P(1,1), P(1,2), P(1,4) и P(1,3) относятся к ориентации потому, что они как обязательные, постоянные элементы присутствуют в контекстах, в которых употребляется термин «ориентация».

Другими словами, из контекстов следует, что там, где речь идет об ориентации, там речь идет: а) об определенности явления; б) об обусловленности явления; с) о связи явления с местоположением; д) о целенаправленности.

Дефиниция понятия «ориентация» оказалась зависимой как от результата формально-логического выделения признаков, так и от субординации выделенных признаков, отражающих объективное содержание ориентации. На итоговой формулировке понятия ориентации существенно отразилось установление той связи признаков, которая среди всех возможных наиболее четко просматривалась в анализе различных контекстов и в любых контекстах не противоречила ни интуиции, ни традиционным употреблением термина.

Такой наиболее отчетливо выраженной в контекстах связью обладили признаки P (1,1) и P(4,2) – «определенность» и «местоположение». В соответствии с этим исходная формулировка понятия ориентации обретала вид характеристики, служащей для выражения связи определенности и местоположения явления.

Из последующего исследования становилось ясно, что признаки P(1,2) и P(1,3) при определенных условиях давали возможность сформулировать понятие ориентации более адекватное, конкретизированное применительно к функционированию целеустремленных систем, к которым, помимо человека, относятся любые живые организмы.

Полученная формально-логическими средствами исходная формулировка оказывалась близкой по смыслу с некоторыми формулировками толковых словарей. Однако за ней стояло теперь специфическое обоснование, связанное с необходимостью решения определенных гносеологических, методологических и мировоззренческих проблем.

В то же время полученная таким образом формулировка нуждалась

не только в дальнейшем обосновании иными средствами, но и в дальнейшем раскрытии своего философского смысла, скрывающегося за этими ее общими инвариантными признаками: «определенность» и «местоположение».

Другими словами, проведенный формально-логический анализ, давая информацию к размышлению, еще ни к чему пока не обязывал. Выявление объективного содержания и философского смысла ориентации не могло быть осуществлено вне анализа, вне исследования предметно-практической деятельности людей, их исторической практики как действительного источника, из которого проистекает содержание знания вообще, отдельных его элементов (в данном случае понятия ориентации), в частности.

Именно через общественно-историческую практику в характеристиках, гносеологических образах, рождаемых ею в сознании действующего, познающего субъекта, отображаются единичные, общие и всеобщие свойства объективной реальности. Сказанное в самом общем плане имеет непосредственное отношение к осознанию ориентации как свойства и характеристики действительности.

1.1.2 Историко-логическая верификация

Несмотря на относительно богатый материал, свидетельствующий, что в естествознании – химии, физике, математике, биологии, физиологии и т.д. – словом, в науках о природе, понятие «ориентация» занимает вполне определенное место и выражает, следовательно, знание соответствующих наук об объективной действительности, об определенной стороне, свойстве этой действительности. В обыденном сознании сложился стереотип понимания ориентации как характеристики жизнедеятельности биологических и социальных систем.

Если учесть, сколь многообразен и обширен мир жизнедеятельности этих систем, то можно было бы признать, что определение ориентации на одном этом материале само по себе заслуживает внимания и могло бы быть направлением особого исследования. Однако такое представление ориентации неправомерно. И не только потому, что в нем, по сути, игнорируются данные естествознания, но и потому, что ориентация относится к такому ряду феноменов, понять которые, на наш взгляд, в полной мере нельзя, не обратившись к их

«корням», к их проявлениям в формах материи, предшествовавших биологической и социальной. Разумеется, изучение проявлений ориентации на высших уровнях материи способствует пониманию характера и сути ее проявлений на низших уровнях, в добиологической и досоциальной формах движения материи. Настоящая оговорка необходима именно потому, что акцент в исследовании ориентации в нижеследующем делается именно на ее проявлениях в высших формах материального бытия: биологической, психической, психо-социальной и социальной. Вот почему, рассматривая проявление ориентационных зависимостей в деятельностном отношении человека к миру, мы видим в них определенное «снятие», выражение ориентационных зависимостей, существующих объективно во взаимосвязях, взаимодействиях явлений, вещей, процессов окружающего человека мира.

Как отмечается в Энциклопедическом словаре, следы *сознательного* употребления ориентации при сооружении построек, состоящие в сообщении последним определенного направления от одной из главных сторон горизонта к другой, археологи находят уже в отдаленную эпоху свайных построек [10]. Что стоит за этими следами, выражающимися в направленном характере построек? За ними стоит жизненная необходимость определять время для проведения сельскохозяйственных работ в условиях, когда еще не было календаря.

В Британской энциклопедии пишется, что египетские постройки были ориентированы в направлении солнца или какой-нибудь выбранной звезды, точное нахождение которой в некоторой части дня может быть показателем точного времени года, имеющего большое значение в сельском хозяйстве страны [11]. С положением звезды (солнца) относительно постройки или, что то же самое, с положением постройки относительно звезды (солнца) связывалась определенность времени. Определенность явления (времени) находится таким образом опосредованно: через положение постройки относительно звезды (солнца). В эпоху развития мореплавания проблема нахождения местоположения корабля стала одной из центральных. Положение корабля определялось относительно звезд и солнца. В отличие от предыдущего случая, где ориентация связывалась с определением времени, здесь мы имеем дело с определением пространственных характеристик объекта. В том и в другом случае речь идет об ориентации. Что же общего можно най-

ти в случае пространственной ориентации и ориентации временной?

Во-первых, то, что в обоих случаях ищется и фиксируется положение (местоположение) некоторого объекта (постройки, корабля). Во-вторых, то, что с этим положением (местоположением) связывается выявление некоторой определенности: определенности времени, определенности пространственных характеристик (пути движения корабля и т.д.). В-третьих, то, что за кажущейся субъективностью ориентационной деятельности людей (люди поступают так ради удобства: связывают одни вещи и явления с другими) просматривается определенная объективная основа этой деятельности, состоящая, по меньшей мере, в том, что все вещи действительно, объективно связаны между собой. Насколько адекватно в рамках ориентационной деятельности устанавливаются, фиксируются людьми эти связи – другой вопрос, и он будет рассмотрен нами позже.

При более пристальном рассмотрении различных «следов сознательного употребления ориентации» обращает на себя внимание то, что в рамках ориентационной деятельности человек как бы опосредует отношение между определенностью и местоположением явлений действительности. Это опосредование, находясь на переднем плане, «закрывает собой» само отношение определенности и местоположения как объективное, не зависящее от какой-либо субъективной деятельности. Для понимания истины правильной всего было бы разделить объективные, не зависящие от деятельности людей проявления ориентации и проявления ее в рамках субъективной деятельности.

Основанием такого разделения правомерно взять то обстоятельство, что и определенность (качественная, количественная и т.п.), и местоположение явлений действительности суть неотъемлемые атрибуты бытия материальных образований любой природы. Потому отношение или отношения между этими атрибутами в мире, где, по общему признанию и материалистов, и идеалистов, царствуют всеобщая связь и всеобщее непосредственное или опосредованное взаимодействие, есть не только логическое следствие соответствующего принципа, но есть объективная данность.

Из сказанного следует, что осознание объективного характера ориентации связано с пониманием объективного характера отношения (связи) определенности и местоположения, являющегося одним из проявлений всеобщей взаимосвязи, одним из видов всеобщих от-

ношений (связей) действительности, рядоположенным причинно-следственным, формально-содержательным, единично-всеобщим, количественно-качественным и т.д. отношениям.

В конечном счете дело не в том, чтобы повторить снова аргументацию материализма и объективного идеализма против идеализма субъективного применительно к категории определенности и доказать, что содержание этой категории объективно. Дело в той роли, в том значении, которое имеет эта категория в осознании действительности, в познании и понимании последней. И в этом плане в признании важности категории для нас нет существенной разницы между указанными философскими направлениями.

В самом деле, достаточно вспомнить, с какой эмоциональностью пишет Гегель в «Науке логики» об определенности, о ее практическом значении: «От эмпиризма исходил клич: перестаньте вращаться в пустых абстракциях, смотрите открытыми глазами, постигайте человека и природу, как они предстоят перед вами здесь, пользуйтесь настоящим моментом! Нельзя отрицать, что в этом призыве заключается правомерный момент. «Здесь» настоящее, посюстороннее должно заменить собой пустую потусторонность, паутину и туманные образы абстрактного рассудка. Этим приобретается прочная опора, отсутствие которой чувствовалось в прежней метафизике, т.е. приобретается бесконечное определение. Рассудок выделяет лишь конечные определения, последние лишены в себе устойчивости, шатки, и возведенное на них здание обрушивается. Разум всегда стремился к тому, чтобы найти бесконечное определение, но тогда было еще невозможно найти это бесконечное определение в мышлении. И это стремление ухватило за настоящий момент, за «здесь» и за «это», которые имеют в себе бесконечную форму, хотя и не в ее истинном существовании. Внешнее есть в себе истинное, ибо истинное действительно и должно существовать. Бесконечная определенность, которую ищет разум, существует, таким образом, в мире, хотя она и существует не в своей истине, а в чувственном единичном образе» [12, с. 149–150].

Кант в рассуждениях об определенных основаниях свободы человека исходит из различения «явлений» и «вещей в себе». Существует, согласно его позициям, определенность двух видов: определенность существующего как независимого «от всех условий времени» и определенность существующего как зависимого от условий времени, или

определенность существующего самого по себе и определенность существующего как зависимого от временных изменений – определенность «явления» [13, с. 431]. Кант пишет: «Как время содержит в себе чувственное априорное условие, делающее возможным непрерывное продвижение от существующего к последующему, точно так же и рассудок посредством единства апперцепции есть априорное условие возможности непрерывного определения всех мест для явления во времени через ряд причин и действий, причем первые неизбежно влекут за собой существование вторых и тем самым делают эмпирическое знание о временных отношениях применимым ко всякому времени (вообще), стало быть, объективным» [14, с. 274].

Проблема определения или нахождения определенности существующего являлась, в сущности, главной для любых философских направлений, была стержневой в развитии гносеологических, методологических и мировоззренческих концепций. Иное дело, что различными философами она, соответственно их исходным позициям, решалась неодинаково, вплоть до противоположности. Оставляя в стороне специальное рассмотрение взглядов на определенность, развиваемых в различных философских учениях, отметим лишь, что в интересующем нас плане наиболее содержательной представляется система воззрений на познание определенности, развиваемая в работах Канта.

Центральной для этой системы является идея рассмотрения в качестве оснований пространства и времени. При этом Кант делает акцент на времени как определяющем основании, мы же обращаем внимание на пространство как определяющее основание. Можно утверждать в связи с этим, что существует некоторая аналогия между нашим пониманием связи определенности и местоположения и кантовским пониманием пространства и времени как определяющих оснований познания, априорного мышления.

1.2 Место

1.2.1 Историко-философская рефлексия

Исходя из данных логико-семантического анализа, исторических проявлений «сознательного употребления» ориентации, представ-

лений о ней обыденного сознания можно сделать вывод, что объективной основой, «определяющим основанием» для формирования понятия «ориентация» является факт нахождения всякого объекта (явления действительности) среди (во множестве) других в определенном месте. У Канта определение существующего и его познание в рамках априорного мышления обусловлено временными и пространственными факторами. У него пространство и время идеальны безусловно, для нас же такая безусловность неприемлема. Для нас пространство и местоположение как понятия имеют объективное содержание.

История понятия «место» восходит к древнегреческой философии, к Аристотелю, который писал: «... из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или *место* (курсив – В.К.), или время, или *положение* (курсив – В.К.), или обладание, или действие, или страдание» [15, с. 11]. По мнению Аристотеля, Платон первым пытался дать определение понятию «место». В «Тимее» он неоднократно говорит: «...бытие непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто и не существует» [16, с. 494].

Указывая на трудности постижения места, Аристотель выдвигает предположение, которое затем становится определяющим: «Повидимому, Место есть нечто вроде сосуда, так как сосуд есть переносимое место, сам же он не имеет ничего общего с содержащимся в нем предметом, поскольку Место отделимо от предмета, постольку оно не есть форма, поскольку же объемлет его, оно отличается от материи» [17, с. 72].

Решением вопроса о месте, решением противоречий, связанных с его определением, является у Аристотеля положение, что ни форма, ни материя, ни протяжение между крайними границами предмета не могут быть его Местом; Место является границей объемлющего предмет тела, в отличие от формы, которая является границей самого предмета.

В этой первичной, прозрачной для философского мышления древности формулировке мы особо хотели бы выделить различие формы как присущей самому предмету, неотъемлемой от предмета (здесь, как известно, Аристотель расходится в понимании связи формы и предмета с Платоном) и места как предмету не принадлежащего, но

как в то же время и неотрывно с ним существующего, как того, что принадлежит телу, объемлющему данный предмет. Говоря современным языком, Место как бы связывает собственно предмет и то, с чем этот предмет взаимодействует – тело, которое его объемлет.

Определение места Аристотелем, на первый взгляд, носит скорее физический характер, нежели философский. Неслучайно поэтому в физических теориях последующего времени место понимается и используется именно в физическом смысле. Однако абсолютизация данного взгляда является неправомерным упрощением понимания места самим Аристотелем, так как оказывается неучтенным общий характер задачи, которую по существу он решает: определение места на уровне категорий материи, формы, движения и т.д. Отсюда следует, что определение места Аристотелем имеет более общий, абстрактный, философский смысл. Прямой заслугой Аристотеля является то, что он не только поставил вопрос о месте в общей форме, но и дал общее его решение. Это решение находится в непосредственной связи с тем, что все категории Аристотеля решают не только логическую, но онтологическую и гносеологическую проблемы философии.

В этом плане понятно и утверждение Аристотеля, что вещи характеризуются либо качеством, либо местом, либо какой другой категориями. Место у него выступает наряду с другими категориями как вид определенности бытия. Аристотель знание о месте, существовавшее до него на уровне «нечто», доводит до логического определения, вычленив в процессе познания бытия новую «ступеньку», которая соответствует специфической определенности бытия. В истории философии и естествознания исследование Аристотелем категории места оставило глубокий след. Этот след чувствуется и в материализме XVII–XVIII веков. Изменения в способе производства, развитие капиталистических отношений вызвали постановку новых задач в познании действительности, привели к пересмотру и совершенствованию взглядов и теорий предшествовавших формаций. Сложности исследования Аристотелем категории места, его понимание этой категории стали предметом рассмотрения мыслителей XVII–XVIII веков, не претерпев сколько-либо серьезного изменения до этого времени. Не вдаваясь в подробный анализ, выделим наиболее существенное во взглядах на понятие места мыслителей этого времени: Декарта, Ньютона, Локка, Ломоносова. Мы не берем иных,

ибо не преследуем целей историко-философского исследования.

Понятие «место» у Декарта, как и у Аристотеля, связано с понятиями «движение», «материя» и «пространство». Последнее суть «внутреннее место». Движение, как его рассматривает Декарт, – это изменение места. Представление материи как протяженности (пространства) и стремление создать на основе математики единую Универсальную Науку, описывающую любые явления мира, нашло плодотворную для развития математики реализацию в представлении места на плоскости и в изучении геометрических мест в исследованиях уравнений от двух переменных. Однако за математическими представлениями места в двухмерной плоскости следует видеть более широкий план представления любых материальных тел как протяженностей, как мест, поддающихся описанию и исследованию математическими средствами.

В этом аспекте нельзя не видеть аналогии между попытками отождествления материи с пространством и математическим описанием ее Декартом, с одной стороны, и попыткой описания свойств материи как проявления искривленности пространства в исследованиях А. Эйнштейна, с другой стороны.

В понимании Ньютона, место есть часть пространства, занимаемая телом [18, с. 31]. Нужно заметить, что он не отождествляет место ни с положением, ни с объемлющей поверхностью, расходясь в последнем с Аристотелем. Ньютон считает положение свойством места, а место у него – именно та часть пространства, которая равна объему тела. Место само себя содержит и неизменно в пространстве, которое есть совокупность мест. Движение есть не что иное, как переход тел из одного места в другое. В указанных представлениях на место следует подчеркнуть моменты соотношения места с пространством как части и целого, различия места и положения, понимания положения как свойства места и, наконец, абсолютизацию места.

В отличие от Ньютона, считавшего место абсолютным вместилищем тела, а положение свойством места, Локк истолковывает место как относительное положение какой-нибудь вещи [19, с. 187]. Для Локка нет абсолютного места, у него есть место, определяемое конкретными отношениями вещей. Определить место, по Локку, можно тогда, когда имеются предметы, с которыми соотносима данная вещь. Поэтому за пределами вселенной, где нет ничего, кроме однообразного пространства, говорить о месте не имеет смысла. И в этом

отношении вопрос о месте мира сводится к его существованию, но не местонахождению. Как Аристотель, Декарт и Ньютон, Локк связывает понятие места с понятием движения. Если б кто-либо мог мысленно представить место мира в однообразном пространстве, то он, как считает Локк, мог бы сказать, движется или покоится мир.

С изменением местоположения тела связывает представление о месте П. Гольбах. По его мнению, движение – это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить свое местоположение [20, с. 13].

Значительное внимание понятию места уделил М.В. Ломоносов. Как и другие мыслители, он связывает понятие движения с понятием места, ибо тогда мы имеем идею о движении, «когда видим или на мысль приводим вещь, место свое беспрестанно переменяющую» [21, с. 100].

Сказанное об исследовании понятия «место» мыслителями прошлого можно было бы дополнить, ибо не обошли его своим вниманием Юм, Гоббс, Кант, Гегель и другие философы. В определенное время мы обратимся к их рассуждениям на этот счет.

Из приведенного материала следует: 1. Мыслители прошлого понятие «место» рассматривают в связи с понятиями материи, пространства, движения безотносительно к тому, каким содержанием, материалистическим или идеалистическим, они эти понятия наделяют. То есть понятие «место» является значимым элементом различных философских учений. 2. Понятие «место» наделяется свойством активности, осознается его существенная роль в познании.

1.2.2 Сущность и функция категории «место»

Соотнесение сказанного ранее с присущим нашему современному мышлению пониманием движения как способа существования материи делает прозрачной мысль: в двухтысячелетней истории возникшее понятие места, будучи всегда в своем существовании тесно связанным с понятиями материи, движения и пространства, не могло бесследно исчезнуть в наши дни, не могло не обрести нового, адекватного современности смысла.

Переход от вещественного представления материи к пониманию ее как объективной реальности послужил толчком к переосмыслению и категории пространства. Оно перестало пониматься как

«вместилище» тел в духе метафизического материализма, но стало пониматься как всеобщая форма существования материи. Категория «пространство» стала обозначать то всеобщее обстоятельство, что все материальные образования существуют соотносительно друг с другом. Но если категория «пространство» отражает общую форму существования всех вещей, то такое понятие, как «место» отражает единичную форму существования, т.е. форму существования на уровне единичной вещи. Такой соотносительной к пространству формой существования вещи является место как форма, способ бытия единичной вещи.

В домарксовском материализме место и пространство соотносились как часть и целое, но сами они понимались метафизично, механистически. В диалектическом материализме данное соотношение места и пространства учитывается, но лишь в рамках естественнонаучного представления движения на уровне физических объектов. Ю.А. Петров пишет, например, что особое значение для науки и практики имеет точное выражение законов перемещения, по которым с моментами времени становятся в соответствии места в пространстве. Точно описать подобные законы невозможно без уточнения понятий структуры времени и пространства, без уточнения того, что такое момент времени, место в пространстве [22, с. 598].

Но если соотношение места и пространства характерно для одной конкретной формы материи (физической), то логично допустить, что с переходом от конкретных представлений физического, биологического и т.п. пространств к общему философскому представлению пространства правомерно осуществить такой переход и в отношении понятия места. Данное понятие в таком случае будет характеризовать факт соотносительного существования всякой (любой природы) вещи среди других, именно: тот факт, что любая единичная вещь существует в определенном соотношении с другими (частью или всеми) вещами. Место, таким образом, как форма объективного бытия, действительно остается частью пространства: специфической частью отношений вещей, образующих пространство (как общую соотносительность всех вещей) существования данной единичной вещи.

Понятие же места выступает в таком случае как всеобщая характеристика, соотносительная с категорией пространства, как характеристика того, что всякий объект (явление, вещь) действительности находится во множестве других объектов в определенных отноше-

ниях с ними, т.е. на (в) определенном месте, при этом он столь же своей пространственной соотнесенностью «присутствует» в других вещах, сколь они, в силу той же пространственной соотнесенности, «присутствуют» в нем.

В рамках этого представления всякая конкретная форма движения есть перемещение в той мере, в какой всякое конкретное движение есть движение во времени и пространстве. Исследование материальных образований, их определенности со стороны места есть, таким образом, исследование одного из специфических моментов всеобщего способа существования материи, а именно движения.

С представленной точки зрения, понятие «место» (местоположение) выступает определяющим основанием для понятия «ориентация», оно вводит последнее в систему понятий (пространство, движение, материя), открывая специфический оттенок в исследовании материального мира. Последнее обстоятельство, наряду с философской содержательностью понятия «место», имеет принципиальное значение для дальнейшего исследования.

В самом деле, характеристика места применима к объектам любой природы, но «обладая» определенным местом, объект обладает и специфической определенностью. При этом необходимо учесть, что из единства материи и пространства следует единство объектов, образующих материальную действительность, и их мест, образующих пространство. Говоря «объект находится в месте», мы в общем случае должны подразумевать, что объект находится в определенных отношениях, связях, взаимодействиях с определенными объектами, что эти отношения, связи и т.д. проявляют особую определенность объекта – определенность по месту.

Как было установлено раньше, ориентация характеризует момент связи места и определенности. Эта связь сложна, диалектична и есть особого рода проявление связи пространства и материи. Во избежание недоразумений, разделим понимание места (местоположения) как вида определенности и понимание определенности как места (местоположения). Следует различать определенность самого места и определенность по месту объекта, находящегося в месте. Получить такую определенность – задача ориентационной деятельности. Так, человек в лесу сам по себе для себя самодостаточен: он знает, кто он, какого пола, каково его настроение и т.д. Но если вдруг он заблудился – его внутренняя определенность «испытает», «почувствует» не-

достаточность. Нужна новая составляющая определенности человека или новая определенность, а именно его определенность по месту, являющаяся функцией его местонахождения. Для получения этой определенности необходима деятельность, снимающая, устраняющая возникшую неопределенность отношения человека и реальности, в которой он находится, «выливающуюся» в *неопределенность его состояния*, неопределенность, с которой готов отождествить саму свою сущность «здесь и сейчас» потерявшийся человек. Здесь есть его собственная определенность, есть определенность места, но нет *определенности человека, являющейся функцией его местонахождения*. Человек заблудился и, тем самым, как бы «растворился в лесу», «слился» с местом, не может сообразовать себя с ним, соотносить так, чтобы *полученная в этом соотносении определенность могла стать основанием его свободной деятельности*, деятельности не стесненной, не ограниченной пугающей неопределенностью. Так формируются понятия особой, ориентационной деятельности человека: ориентационная ситуация, потребность в ориентации, способ, механизм ориентации, ориентационная определенность.

Будучи характеристикой любого объекта, любой стороны (определенности) объекта, место выступает как всеобщая характеристика, и в этом плане правомерно не только рассмотрение места как вида определенности, но и рассмотрение любого вида определенности как места. Подобно тому как для категорий сущности, содержания и формы, рассматриваемых в виде определенности и в виде характеристик любых определенностей, исследование сущности, содержания и формы как таковых оказывается столь же правомерным, как и исследование сущности содержания и формы или исследование формы и содержания сущности. Такова одна из особенностей всеобщих характеристик, которые одновременно и взаимосвязанно присущи действительному объекту, а потому subordinируются в нашем познании сообразно истории познания объектов действительности [23].

Разумеется, исследование места как вида определенности и как самостоятельной характеристики представляет значительный интерес, поскольку находится в связи с исследованием определенности как местоположения. Однако в аспекте исследования понятия ориентации нас прежде всего интересует определенность как место (положение).

Хрестоматийный закон о том, что материя существует не иначе

как в пространстве и во времени, не служит препятствием для мысленного расчленения, разделения материи и пространства, для исследования объективно существующих зависимостей и связей конкретных форм и видов существования материи и их пространственных характеристик, так же как не служит препятствием для исследования обратных связей и зависимостей пространственных характеристик реального мира от определенности конкретных материальных образований. Как известно, в естествознании такого рода исследования привели к фундаментальным открытиям.

Аналогичным образом обстоит дело и на уровне связи, зависимости определенности объектов (вещей, явлений, процессов и т.д.) действительности и их местоположения. Все, что делается нами здесь в плане обнаружения гносеологически значимых выводов, состоит в утверждении, во-первых, существования объективной зависимости, связи определенности объекта и его местоположения; во-вторых, необходимости специального исследования этой связи, этой зависимости; в-третьих, понимания, что данная связь местоположения и определенности не является единственной и исчерпывающей для определенности, что она существует в ряду других связей и зависимостей определенности объектов действительности (причинных, структурных, содержательных, сущностных и т.д.).

Выделив связь определенности объектов действительности как объективный факт и гносеологически важный феномен, мы обращаем внимание на изменение определенности объектов действительности в связи, в зависимости от изменения их местоположения. Именно это функциональное изменение, выделенное из всех других видов изменений, мы осознаем как денотат соответствующего понятия ориентации. Понятие ориентации в этом смысле служит для обозначения, выражения, использования зависимости изменения определенности объекта (вещи) в связи с изменением его (объекта, вещи) местоположения в предметно-практической и познавательной деятельности.

В свое время ньютоновская наука претендовала на то, что она создана единым и вездесущим наблюдателем, божественным оком, которое может постигать события мира в их одновременности или на их абсолютной пространственно-временной отдаленности. Вопреки этому Эйнштейн утверждал, что в любом случае нужно учитывать *метод*, посредством которого физический феномен может

быть удостоверен и измерен; метод же всегда включает в себя применение определенных инструментов, используемых при проведении наблюдения с определенной точки зрения. Потому два события, оказывающиеся одновременными для одного наблюдателя, не являются таковыми для другого, находящегося в иной позиции; в любом случае пространственная или временная отдаленность между событиями зависит от системы отсчета, по отношению к которой она была определена; сама отдаленность оказывается относительной, а не абсолютной, и потому относительны также другие физические величины, входящие в определение этой отдаленности: объем, масса, ускорение, сила притяжения, электрический заряд и т.д.

Согласно физике Эйнштейна, существует не божественное око, которое наблюдает мир, а человеческий глаз (разум, сам для себя являющийся инструментом), подчиненный тем пространственно-временным детерминациям, которые он хочет наблюдать в мире. Различие этих детерминаций порождает различие результатов, полученных при наблюдении (описании, осмыслении) одного и того же феномена, который в силу этого уже не кажется «одним и тем же» в строгом смысле слова, потому что он выражен иными измерениями.

Эйнштейн в более широком гносеологическом плане решал ту же проблему, которую по-своему решал операционализм (Бриджмен и др.). Бриджмен, как известно, определенность физических понятий связывал с определенностью измерений тех явлений, понятия которых должны быть сформулированы. Поскольку же практически невозможно сделать тождественные измерения, постольку невозможно получить и тождественные понятия – у каждого исследователя будут свои измерения и свое понятие об одном и том же явлении. Так, даже находясь просто друг против друга, т.е. находясь в различных позициях, наблюдатели одну и ту же вещь будут видеть и характеризовать по-разному: то, что для одного будет правым, для другого будет левым, а за этим различием правого-левого следуют и иные выводы.

Взяв в качестве исходных положения о том, что наблюдатель «подчинен тем же самым пространственно-временным детерминациям, которые он наблюдает», во-первых, и что «различие этих детерминаций порождает различие результатов», во-вторых, обобщим гносеологическую ситуацию, в которой понятие «позиция наблюдателя» и понятие «наблюдатель» оказываются определяющими для эйнштейновского вывода о том, *что вещь, наблюдаемая с различ-*

ных позиций, с различного местонахождения, не «является одной и той же в строгом смысле слова». Это обобщение необходимо, чтобы, элиминируя понятие наблюдателя, утверждать: определенность вещи столь же зависит от местоположения наблюдателя, сколь и от местоположения самой вещи. Данное утверждение есть своеобразный «переклад» положения о неразрывности, взаимозависимости пространства и материи. Поскольку местонахождение есть отношение взаимодействия вещи с множеством других, постольку, меняя свое местоположение, т.е. меняя место, позицию среди других вещей, вещь меняет свою определенность.

Вещь, как и в теории Эйнштейна, «другая» во всяком ином месте, ибо место в данном понимании обладает свойствами, которыми обладает наблюдатель, находящийся в определенной позиции, а именно: свойствами «наделять» вещь определенностью, сообразной, соответственной тому месту, в котором она находится, или, что то же самое, сообразной той позиции, с которой она наблюдается. (Еще Аристотель отличал саму вещь от ее местонахождения).

Разумеется, что ни аристотелевское, ни ньютоновское понятия места здесь не являются доминирующими, акцент делается опять-таки на понимании места в духе Эйнштейна. Это значит, что вещь и ее место оказываются неразрывными: изменение места, связанное с движением, взаимодействием и т.д., влечет изменение вещи.

Обыденный или здравый рассудок привык иметь дело с толкованием вещи как имеющей внутреннюю определенность (сущность), которая является познающему субъекту, наблюдателю. При этом задача познания заключается в том именно, чтобы через познание проявлений сущности в чувственном и мыслительном её восприятии и постижении выйти к пониманию сущности как таковой. Вещь при этом полагается познанной как тождественная с её сущностью, а многокачественность вещи выступает в таком случае как результат многоступенчатости процесса движения познающего субъекта к истинной сущности.

Уже аристотелевско-ньютоновское разделение вещи и места предполагает разделение *сущности* изменяющейся вещи и ее *явленности* наблюдателю в чувственных и теоретических образах, то есть понимание вещи как «вещи в себе» и как «вещи для нас», что для И. Канта стало одним из отправных моментов в его критике разума. В этом разделении, на первый взгляд довольно ординарном, имеет-

ся, по меньшей мере, несколько связанных друг с другом проблем, а именно проблема соотношения сущности и явления; проблема природы бытия вещи как сущности и бытия вещи как носителя качеств, приобретаемых вещью во взаимодействии с другими вещами, благодаря включенности ее во взаимодействие с другими вещами – здесь и сейчас, в этом месте и в это время; проблема познания вещи в ее чувственной и рациональной явленности познающему субъекту. Выделенные проблемы различаются по характеру, типу принадлежности к областям философского знания: онтологии, гносеологии, методологии. Но они теснейшим образом связаны, их решение носит во многом характер взаимной обусловленности.

В предлагаемом выше понимании, «созвучном» инструментальной детерминации, в которой «инструмент» деятельности, познания подчиняется тем же обстоятельствам, что и познаваемый объект, определенность вещи содержит, несет в себе интенцию ориентации – не только человек (наблюдатель) устанавливает определенность вещи, сообразно своей позиции, но и вещь, «привязывая» к себе наблюдателя, обуславливает его определенность, ориентирует человека в мире через его местонахождение (присутствие) среди других вещей, а равно через его взаимодействие с другими вещами. Это значит, что не только понятия мышления обладают свойством изменять смысл и значение, сообразно контекстам их употребления; что вещи в окружающем мире, как это показал Эйнштейн, обладают не столько определенностью внутренней, сущностной, «объективной», сколько определенностью внешней, явленческой, зависящей от «системы отсчета», от «места» наблюдателя; что эта внешняя, явленческая определенность во многом более значима для человека, чем какая-либо иная, ибо именно благодаря ей он *ориентируется* в окружающем мире, поскольку не только человек «накладывает» на мир свои, им формируемые чувственные и понятийно-теоретические образы, но и «вещи», находясь для воспринимающего их, взаимодействующего с ними человека *всегда в особых контекстах*, будучи включенными в различные множества (контексты) взаимодействий с другими вещами, «накладывают», формируют в сознании человека особое видение, понимание *его собственного места в мире*, его собственной *ориентационной определенности* в мире.

Иными словами, человек таков, каким его делают окружающие его «вещи», какими бы они ни были по своему происхождению:

естественными или искусственными, физическими, биологическими, социальными, материальными или идеальными. Человек контекстуален и синергетичен, системен и изменчив как все то, что его окружает. В этой многозначности человека и скрывается тайна его неуловимой «вечной» сущности – таков один из выводов, следующих из обобщения неклассического понимания физической реальности, развиваемого в науке со времени, когда оно было впервые введено в научно-познавательную деятельность Альбертом Эйнштейном; обобщения, распространяемого нами на человека, на определение, следовательно, его существенных, важнейших характеристик.

Познание указанного, «явленческого» типа определенности вещей, объектов реальности любого вида и типа стало одним из наиболее важных в современной науке, идущей в направлении, заданном Эйнштейном. И здесь важна не столько констатация данного выше понимания отношения, зависимости определенности всякой вещи (физической или иной по своей природе) от её местоположения, сколько выведение из него возможных необходимых и существенных следствий гносеологического и методологического характера. Ибо что же есть познание как не процесс коллективного выведения следствий из отношений между вещами, обнаруживаемых чувствами или разумом индивида!

Первое следствие состоит в том, что, устанавливая ориентационную определенность наблюдаемых вещей, субъект познания, столь же взаимодействующий с вещами, сколь и они с ним, устанавливает тем самым и свою собственную ориентационную определенность, которая не обязательно совпадает с его внутренней, сущностной определенностью или с его для нас лишь данной, явленческой определенностью. Если особенностью первой выступает то, что сущность отвлечена от «привязки» к конкретной реальности, она притязает на бытие «вне времени и пространства», на «вечность и неизменность», то явление, наоборот, «привязано» к тому (или чему), к кому (чему) оно является и вне этого теряет свое значение.

Ориентационная же определенность лишена ограничений определенностей сущностного и собственно явленческого типа, и потому она «ближе» к тому, что «имеет место» в реальном мире и, при всей своей относительной (в духе эйнштейновского понимания относительности) природе и непростоте, использовалась и используется человеком в его предметно-практической и интеллектуальной деятель-

ности в мире. Лишь относительная устойчивость, относительная неизменность мира обуславливают относительную устойчивость, «неизменность» определенности, сущности человека в мире. Нормальным и естественным потому в поисках ответа на экзистенциальные вопросы является отправление мышления от посылки ориентационной определенности всего существующего, что, однако, не мешает пониманию человека, его определенности, сущности, решения иных вопросов его бытия в мире, исходя из диалектической природы вещей, мира вообще.

Существующие точки зрения на сущность человека, его определённости и т.д., выражая отдельные подходы к пониманию человека, столь же правомерны и столь же имеют право на существование, сколь на это имеет право развиваемая точка зрения на *ориентационную природу мира* вообще, ориентационную природу понимания сущности человека, в частности. Такая точка зрения выражает переход от классических схем исследования феноменов жизнедеятельности человека к неклассическим, когда становится существенным различие между метрикой, размещающей рассматриваемое в системе координат, и топикой, в которой рассматриваемая вещь не распределяется внутри готового пространства, а развертывается так, что втягивает в конечном счете все. Так, дерево, в которое вглядывается Шопенгауэр, перестает быть «одним из» и вмещает в себя целый мир.

Это переход, но еще не способ мышления, который отказывается от системы понятийных координат, запрещает проецировать свои ходы на метрическое пространство; в котором понятия «высвечиваются (вспыхивают) по мере разрастания всеопределяющего события, Ereignis, которое из-за своей сущностной новизны исключает систему, куда её можно было бы вписать» [24, с. 16].

1.3 Зависимость

Своеобразно связь определенности и места отмечена в последнем «перестроечном» учебнике философии. Согласно ему определенность сущего характеризует место его индивидуального бытия и его место в целостном бытии. Условия, моменты данного бытия, его «мгновения» никогда не воспроизводятся вновь и не остаются неиз-

менными [25, с. 28]. Своеобразие заключается в том, что определенность существующего можно понять в приведенной формулировке как вторичное, как факт недвусмысленного выделения связи определенности и места.

Отсюда естествен следующий шаг: понимание того, что изменение места индивидуального бытия или места в целостном бытии влечет за собой с необходимостью изменение определенности существующего. Но именно *эта зависимость изменения определенности вещи от изменения её отношения с другими вещами (её места среди других)* понимается как *специфическая, а именно ориентационная зависимость*. А факт ее конкретной реализации понимается как факт осуществления ориентации – установления соответствия изменившемуся месту изменившейся определенности сущего.

Конечно, изменчивость, невоспроизводимость вновь мгновений времени и места бытия сущего означает изменчивость определенности существующего, ее невоспроизводимость, означает вместе с тем изменчивость и невоспроизводимость зависимости определенности от места и времени. Но любая объективная или субъективная по природе возможность различить, отделить, дифференцировать, разорвать непрерывность изменений места и определенности есть возможность расчленить непрерывность ориентационной зависимости существующего и понять ее как цепь, звеньями которой являются отдельные факты – феномены ориентации, а вместе с тем феномены познания.

Онтологическую насыщенность такого рода пространственно-временного континуума энергией, а вместе с тем и значение этого факта для жизнедеятельности человека достаточно ясно выразил Г.Д. Гачев, утверждая, что «в «протяжении» – протягивание, воля; дремлют и «тянутие» как пространство, и «тянутие» как время. Вот сколь богато оно смыслами и сколь сложно организовано. Когда же понадобилось науке представлять для математических операций мир как совокупность тел в пустоте, а тела как точки тут и излучилась из протяжения колоссальная энергия, и разбежалась вне нашего мира по ту сторону его полости в виде тяжёлой Пространства и Времени, как мироорганизующих потенций» [26].

Эту-то мыслимую потенцию и пытается схватить, выразить разум в виде идеальных моделей, ориентаций и технических систем, связывающих в себе реальные информацию, энергию и вещество; свя-

зывающих, через осознание зависимости качества существующего от его местоположения, через образы пространства и времени, через ориентационную деятельность, стремящуюся «схватить» мгновение единства не только информационного, вещественного и энергетического, но и представленность последнего в единстве, взаимодействии познающего субъекта и объективно существующей реальности. Разум пытается через все перечисленное схватить то жизненно важное, смыслозначимое, в чем воля внешняя и воля внутренняя могут найти и находят неразрушающее их взаимовыражение.

Ориентационная деятельность и механизмы, через которые она совершается, – это посредники во встрече двух энергетических процессов: жизненной энергии организма, с одной стороны, и энергии внешнего по отношению к организму мира, с другой стороны. Ориентация в этом плане есть конкретизация пространственно-временной оформленности этой «встречи», этого взаимодействия, взаимообусловленности. Но именно потому, что форма неразрывна с содержанием – она важна, необходима. Через нее постигается характер и... направленность взаимодействия. Ориентация, взятая в совокупности реализующих ее факторов, есть тот посредник, который, насыщаясь информацией проходящих через него процессов, выступает не только как нейтральный свидетель, но и как участник и даже «руководитель встречи», располагающий информацией предыдущих «встреч», использующий эту информацию, фиксированную в специфических ее формах структурной, технической, энергетической и т.д. организации как особый действующий механизм, в котором реализуется связь: информация ориентирует, а ориентация информирует.

Выводы первой главы: 1. Осуществленный логико-гносеологический анализ позволяет ввести в теоретико-познавательный аппарат современного, в первую очередь, философского мышления понятия «ориентация», «место», «ориентационная зависимость» и дать следующие реальные и номинальные определения базового понятия ориентации: «как свойства и характеристики действительности, выражающей связь определенности явления и его местоположения»; как понятия, «служащего для обозначения зависимости определенности явления (вещи, процесса) от местоположения его во множестве явлений (вещей, процессов), с которыми оно взаимодействует»; как понятия, «обозначающего совокупность отношений, в которых определенность явления раскрывается через его местоположение во

множестве других». 2. Определение философского статуса понятия *место* как формы бытия, соотношения вещей, образующих пространство существования данной единичной вещи, и сформулированное понятие зависимости между определенностью явлений действительности и их местоположением выступают в качестве особо значимых предпосылок для адекватного понимания онтологического и гносеологического смыслов *ориентационной деятельности и ориентационного подхода*; дают основания понимать последние как *специфические формы выражения и реализации феномена ориентации* в различных сферах и на различных уровнях жизнедеятельности человека. 3. Широко используемое в обыденной и научной сферах деятельности понятие «ориентация» осмысливается и определяется через понятия «место», «пространство», «определенность» в качестве имеющего общенаучный смысл и являющегося родовым для понятий «социальная ориентация», «мировоззренческая ориентация», «нравственная ориентация», «экономическая ориентация», «религиозная ориентация», «ценностная ориентация», «эстетическая ориентация», «гносеологическая ориентация», «профессиональная ориентация» и т.д. и т.п. 4. Смыслообразующая для понятия ориентации зависимость между определенностью вещи и ее местоположением в множестве других вещей рассматривается в контексте естественнонаучного и философского понимания пространства как всеобщей формы соотнесенного существования вещей, в которой проявляется и выражается их взаимообусловленность и определенность; в контексте перехода от классических схем метрической интерпретации пространства к интерпретации топической. 5. Включенность человека во всеобщее взаимодействие существующего выражается в форме зависимости его определенности (физико-биологической, психической, социокультурной) от обстоятельств места и времени этой включенности. Осознанное или неосознанное использование названной зависимости составляет объективное содержание ориентационной деятельности человека в окружающем мире.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОРИЕНТАЦИОННОГО ПОДХОДА

Выделив в рамках логического анализа объективный денотат ориентации, рассмотрев ориентацию как объективный феномен, мы исходим далее из того, что проведенный анализ следует дополнить и соотнести с рефлексиями тех ориентационных зависимостей, ориентационных свойств, являющих себя в основаниях, структурах, механизмах и целях реальной жизнедеятельности человека, которые оказывают на нее специфическое и значимое влияние. Рассмотрение этих рефлексий важно не только потому, что дает возможность исследовать с гносеологической стороны содержание ориентации как свойства и характеристики действительности, но и проследить «логику превращения», развития такого рода рефлексий, как своеобразных предпосылок в особого рода подход человека к действительности – ориентационный.

Ориентационные характеристики действительности вообще и человека, в частности, издавна привлекали внимание различных исследователей. Наиболее четко положения о сущности ориентационного момента в жизнедеятельности человека сформулированы естествоиспытателем-физиологом И.П. Павловым и психоаналитиком и философом Э. Фроммом. Различие в осмыслении и использовании ими феномена ориентации дает основание и право различать гносеолого-прагматическое и экзистенциально-прагматическое направления в рассмотрении и понимании ориентационных характеристик жизнедеятельности человека. В этом плане гносеолого-прагматическая «линия Павлова» – это осознание, осмысление не только значения ориентировочного (поискового) рефлекса для самосохранения жизни человека, но и осознание этого рефлекса как глубинного основания познавательной и научной деятельности. Естественно потому вытекающее отсюда стремление вскрыть гносеологическое и методологическое содержание, смысл деятельности, функционирования механизмов, развивающихся, формирующихся в процессе онто- и филогенетического развития человека на базе ориентировочного рефлекса.

Экзистенциально-прагматическая «линия Фромма» – это осмысление ориентаций как специфических ментальных (оформленных) структур, регулирующих поведение и деятельность человека, возникающих как в силу сугубо внутренних (неосознанных, подсознательных психических процессов), так и в силу внешних (социальных и духовных, отражаемых в психике) процессов, а также в силу осознания человеком своей социокультурной «вписанности», «включенности», «погруженности» в мир сиюминутного и вечного, конечного и бесконечного, фиксированного и трансцендентного бытия социальной материи.

Ни «линия Павлова», ни «линия Фромма» в указанных нами аспектах сколь-либо систематического исследования в отечественной философской литературе, насколько известно автору, не получили. Отчасти в силу того, что уровень интуитивного понимания ориентации представлялся вполне удовлетворительным для сложившихся практических потребностей, отчасти потому, что многие работы Фромма в русском переводе появились в самое недавнее время (1990–1992 годы). В отражательном, исследовательско-познавательном направлении, задаваемом «линией Павлова», нас интересует, в первую очередь, рефлексия ориентационных аспектов жизнедеятельности человека. Именно она дает ключ к осмыслению ориентационной деятельности и ориентационного подхода в качестве особых гносеологических и методологических характеристик.

2.1 Рефлексия проблемы

Жизнедеятельность человека во всем многообразии ее проявлений (познание, практика, досуг и т.д.) была и остается предметом интереса и всестороннего исследования специалистов различного профиля: естествоиспытателей, философов, литераторов и т.д. В стремлении постичь ее предпосылки, механизмы, цели и т.п. мыслители стараются не выпустить из внимания ни один аспект. Это порождает разнообразие точек зрения на жизнь, но за всем разнообразием просматривается общее понимание существа жизни, жизнедеятельности как взаимодействия живого организма и среды; как процесса обмена организма и среды веществом, энергией и информацией (Сэхляну). Включенность, вписанность человека в природную и социальную

среду, в пространство взаимодействия ее многообразных элементов порождает зависимость определенности жизнедеятельности человека от его местоположения в этом пространстве; порождает ориентационный аспект рассмотрения жизнедеятельности, особым образом рефлекслируемый и осознаваемый.

2.1.1 Проблема ориентации как социокультурная проблема

То, что изменения в окружающей человека действительности и в нем самом происходят, подчиняясь цикличности, «по спирали», по законам диалектики, по законам соотношения необходимости и случайности, возможности и действительности и т.п., было замечено и, в принципе, учитывалось с давних пор. Вопрос всегда заключался в осмыслении, нахождении человеком себя, своей определенности: нравственной, религиозной, политической, правовой и т.д., своего места и роли в этом непрестанном движении социального и природного бытия, характеризуемого, прежде всего, бесконечным разнообразием, сложностью и противоречивостью. Вопрос заключался в поиске ориентиров, точек опоры – не для того уж, чтобы, «обретя точку опоры, весь мир перевернуть», а скорее для того, чтобы самому в этом мире устоять [27]. Ближайшей сферой, где вопрос самоопределения, места и смысла деятельности для человека всегда имел и имеет жизненно важное значение, является сфера общественного бытия.

Здесь существовали и существуют различные системы отсчета, различные историко-логические посылки рассмотрения состояний, уровней, стадий, фаз подъема и спада не только результирующей линии движения социальной материи в целом, но и линий, выражающих динамику изменения отдельных форм общественного бытия, так что экономическому спаду в конкретных условиях не обязательно сопутствует спад в духовной сфере общественной жизни, что, впрочем, и не исключается. Выдвигаемые в работе задачи в своей постановке и разрешении во многом исходят из ситуации общественного развития, сложившейся в конце XX и начале XXI столетия, из выражения ее в ряде известных философских доктрин, важнейшими проблемами для которых были и остаются проблемы взаимообусловленности, взаимоопределенности человека и общества, поиск человеком цели и смысла жизни, способов их реализации.

К числу наиболее отчетливо расставляющих акценты в понимании тенденций и проблем развития общества на современном историческом этапе следует отнести доктрину Карла Поппера, согласно которой свобода, демократия, закон как выражение свободы человеческого мышления и непредсказуемости исторического сценария – это главное, чем в методологии описания и интерпретации социокультурной действительности вообще и жизнедеятельности человека, в частности, должен руководствоваться социальный инженер, проектируя ближайшее и отдаленное будущее [28].

В противоположность данной доктрине, активно используемой в современной политической практике рядом стран, пользующихся репутацией развитых демократий, следует обозначить основные идеи доктрины объективной предопределенности и примыкающей к ней по сути, доктрины осознанной необходимости, нашедшей свое достаточно адекватное выражение в теоретических разработках марксизма [29, с. 546].

Будучи противопоставленными друг другу в логико-теоретическом и практическом планах, названные доктрины не исключают их одновременного использования в качестве мировоззренческих моделей социально-политической реальности, складывающейся в различных регионах современного мирового социокультурного ландшафта. Пиковыми значениями попперовской концепции являются допущения (в рамках отсутствия запретов со стороны закона) каких угодно, не подлежащих никакой моральной, политической или иной подсудности, действий социальных акторов. Так что в сути этих действий все возможно, все допустимо, все равноправно и равноценно. Никто ни в чем не имеет ни больших, ни меньших прав перед другими.

Теоретическое сознание отражает в такого рода воззрениях то зревшее в социальных отношениях людей положение, для которого характерно освобождение мысли, воли и действия поствоенных поколений от тоталитарных представлений, обязывающих и принуждающих действовать сообразно внешним государственным, морально-религиозным, правовым или иным регламентациям; для которого характерен выбор образа действия, образа поведения, образа жизни, соответственно внутренним осознанным или даже неосознанным мотивам, побуждениям. Пространство выбора жизненных ориентиров, точек опоры, систем отсчета здесь весьма широко. И сам выбор становится социально значимым не только в плане выражения в фак-

те его действительности, реализуемости основополагающей ценности попперовской доктрины, а именно ценности свободы личности, но и в плане соотношения мотивов и значимости осуществленных выборов. Противоположность указанных доктрин, далеко переживших своих авторов, ощутима и сегодня: они по-прежнему оказывают существенное воздействие на формирование взглядов и оценок социальной реальности, места и смысла деятельности в ней человека, являясь своеобразными полюсами оси, вокруг которой вращаются другие учения в попытках дать адекватные ответы на современные вызовы.

Социальная реальность XX и начала XXI столетий потрясли воображение человека глубинными изменениями в геополитической, экономической, культурной жизни. Конечно, масштабные изменения в образе жизни, в экономической, культурной, политической, нравственной, религиозной и т.п. системе общественных отношений не являются чем-то экстраординарным. Вся человеческая история – это непрерывающаяся череда событий, влекущих эволюционные или революционные изменения общественной жизни в целом. Не остаются эти изменения незаметными ни для глубоких мыслителей, ни для людей, обладающих обычным здравым мышлением. Потому реакцию на изменения, оценку их значения, отношение к ним можно обнаружить у самых различных авторов. К примеру, немецкий математик и кибернетик Норберт Винер в своих воспоминаниях выделял изменения общественной жизни явственно ощутимые, ясно осознаваемые, оставляющие глубокий след в сознании современников. Подобно другим мыслителям, он отмечал объективное влияние социокультурных подвижек XX века на образ мышления и деятельности современников, мировоззрение которых формировалось экономическими, политическими, нравственными и т.п. реалиями XIX века. В своих мемуарах «Я – Математик» Винер свидетельствует о том, сколь ощутимым оказался для многих людей его поколения дискомфорт изменившейся социальной среды [30]. Перманентность социальных изменений, их масштабность и глубина, влекомые ими разрушения устоев, порождение неопределенности ближайшего и отдаленного будущего, видимые простым, не вооруженным теоретическими средствами зрением, а также осознание радикальных воздействий социокультурных изменений на образ мышления и деятельности человека с необходимостью порождали и порождают потребность об-

наружить те устойчивые связи, предпосылки, тенденции, закономерности, учет которых существен и важен для выбора оптимальных решений кризисных ситуаций в настоящем и осуществления целесообразной деятельности, планирования и достижения планируемых результатов в будущем. В общем случае любые изменения социального организма – развитие, прогресс, регресс, трансгрессия, революция, трансформация и т.д. – порождают особую психологическую и гносеологическую атмосферу, характерными признаками которой являются потеря привычных представлений, ценностей, идеалов и т.п., а вместе с тем потеря собственной определенности. Причем эта потеря может иметь место на всех уровнях социального бытия: индивида, личности, социальной группы, общества. А потому проблема поиска определенности является их общей проблемой.

Мыслители XX века сознавали, что в повседневной жизни и отдельного человека, и общества в целом наличие случайности, непредсказуемости явлений, событий, факторов признается и ощущается в величайшей степени. На фоне подвижности, изменчивости, случайности, противоречивости существующего вера в необходимо позитивный исход человеческих начинаний, в незыблемость ценностей все чаще не находит прочного основания, практического подтверждения и потому деформируется, утрачивает силу, исчезает. Ее место занимает фундаментальная неуверенность в ценностях и истинах прошлого и настоящего; *неуверенность*, становящаяся сегодня одной из главных предпосылок и составляющих в терзающих человечество социально-политических, экономических, духовных кризисах.

Известный российский мыслитель, писатель Э. Радзинский, говоря о необходимости и трудности понимания настоящего и прошлого, отмечает, что в России, например, «за последние восемьдесят лет сменилось три цивилизации, и каждая переписывала Историю. Причем подчас по несколько раз. Можно догадаться, какой хаос в головах и душах... Это губительно. История – ведь это карта для мореплавания, и страшно, если места, где корабль потерпел крушение, объявляют местами великих побед. Тогда Господь заставляет страну повторять невывученный урок. Тогда 70 лет правления большевиков оказываются лишь долгим путем от капитализма... к капитализму» [31].

Перманентная изменчивость мира порождает феномены кризисного сознания, испытывающего тревогу перед нарастающей соци-

альной неопределенностью, и это находит отражение в теоретической мысли. Сегодняшнего человека пугает не только прошлое, но и будущее: пугает страшной известностью свершившегося и не менее страшной неизвестностью готовящегося свершиться. Прав К.С. Гаджиев, утверждающий вслед за П. Тиллихом, что в XX веке люди заглянули в тайники зла глубже, чем большинство прежних поколений, что люди Нового времени своими действиями и поведением способствовали высвобождению тех сил, страстей, мотивов и т.д., которые в XX веке привели к восхождению тиранических режимов нацистского и большевистского толка и двум мировым войнам, ставшим сущими Армагеддонами, принесшими человечеству неисчислимые бедствия и страдания, что в наш век сверхзнаний, сверхинформированности, торжества науки и высоких технологий конфликтогенный потенциал людей несколько не уменьшился, если еще больше не усугубился, что, как показал весь опыт XX и начала XXI веков, «бараноидное» сознание присуще не только прежним эпохам, но, возможно, в еще большей степени, современности. Более того, именно научно-технические достижения создали беспрецедентные условия для перерождения «бараноидного» сознания в параноидное. И это не удивительно, если учесть, что лучшим возбудителем спящего в душе каждого человека дьявола стали кино и электронные средства массовой информации [32, с. 9], порождающие эскалацию негативных ориентаций.

Общую тенденцию страха перед будущим, страха, принимающего самые различные выражения, отразили многие видные мыслители. Как полагал в свое время Эрих Фромм, запуганное человечество со страхом ждет, удастся ли ему спастись или оно попадет под иго созданной им бюрократии. Предостережение Фромма о том, что в информационном обществе может вообще исчезнуть проблема свободы человека и его ответственности, ибо этот мир, если он будет выкроен по меркам технократического мышления, перестанет быть человеческим, сегодня звучит не менее актуально, чем вчера.

К. Ясперс, обосновывая, почему не следует отречься от философии, писал о том, что мы живем в сознании опасностей, которые не ведали предшествующие века: коммуникация с человечеством прошлых тысячелетий может оборваться, не сознавая того, мы можем сами лишиться себя традиций; сознание может ослабнуть, близость информирования, его позитивная качественная направ-

ленность могут быть утрачены. Пред лицом опасностей, грозящих уничтожением, мы должны, философствуя, быть готовы ко всему, чтобы, мысля, способствовать сохранению человечеством своих высших возможностей. Именно вследствие катастрофы, постигшей Запад, философствование вновь осознает свою независимость в поисках связи с истоками человеческого бытия [33, с. 421].

Обратим внимание на ставшую предметом осознания уже в середине и конце XX столетия, но, быть может, до конца не осознанную всеми и сегодня, особенность понимания человеческой истории, в рамках которой стало ясно, что человечество потеряло возможность превратить Землю в общечеловеческий дом, где не будет голода, нищеты, преступлений, войн, где судьба каждого станет заботой всего общества, что обнажились все противоречия ценностных установок, сформулированных философами и мыслителями Нового времени, начиная с XVII века, что историческое развитие человечества оказалось обречено на *неопределенность и альтернативность*. Об этом пишут и экономисты, и психологи, и философы, и социологи. Белорусский экономист А.А. Быков отмечает, что неопределенность, сложность и риск стали неотъемлемыми характеристиками современного общества, вносящими существенные коррективы как в экономические стратегии компаний, так и в повседневные действия индивидов [34, с. 34]. По мнению других экономистов, в условиях глобализации мировой бизнес характеризуется постоянным ростом неопределенности и сложности [35, с. 35–37], начиная с 1990 года доминирует управление в условиях неожиданных и неузнаваемых событий [36, с. 29–31].

Российские социологи и психологи подчеркивают те же особенности перемен общественной жизни, причем не только в странах СНГ, но и вне их. Социолог В.Г. Федотова считает неопределенность и небезопасность характерными чертами современного западного общества, позволяющими характеризовать последнее как общество риска [37, с. 12–13]. Что касается ситуации в России, то произошедшие в ней изменения привели к возникновению мировоззренческого вакуума. Социальная ситуация усугубляется тем, что усиленно происходит классовое социально-структурное расслоение общества, возникли политические партии с принципиально разными программами, целями, задачами и методами ведения борьбы за власть; все сильнее и разрушительнее заявляет о себе противоречивость ценно-

стей и духовно-нравственных идеалов, определяющих современное общественное сознание [38, с. 23].

С этим пониманием нарастания неопределенности, сложности, альтернативности, риска, небезопасности и т.д., фиксированным во многих источниках научной и учебной литературы, нельзя не считаться, его нельзя не учитывать в качестве отправного в рассмотрении всей совокупности вопросов, высвечивающихся в содержании человеческого бытия, современным научным мышлением вообще и философским мышлением, в частности. Как нельзя не считаться с тем, что *неопределенность и альтернативность* сами по себе не могут явиться позитивной основой деятельности. Понимание этого свойственно не только представителям прагматизма, для которых переход от сомнения к вере, уверенности является содержанием и основанием успешной деятельности, а сам прагматизм не только научным обоснованием практического значения теоретического знания, но и разработкой инструментария для соответствующей ориентации человека в реальной жизни [39, с. 45].

В интерпретации происходящих перемен среди исследователей появляются и утверждаются такие знаковые понятия, как «культурный хаос», «системная неопределенность», «общество без правил», «культурная дезориентация». И если в традиционном подходе культура понимается как совокупность значений, ценностей и норм, исполняющих функцию, упорядочивающую и объясняющую мир, в котором мы живем, делая его понятным и предсказуемым, то появление вышеназванных понятий указывает на недостаток или слабость этой упорядочивающей, объясняющей, ориентирующей, регулирующей функции культуры, ее норм и категорий. Данный феномен выделяется как важный элемент существующей в настоящее время социальной и культурной реальности [40], которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность, и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются. При этом расхождение между осознаваемыми и неэффективными, подсознательными и результативными ценностями опустошает личность современного человека, который в этой ситуации вынужден действовать вразрез с тем, чему его учили, а это, в свою очередь, порождает чувство вины, недоверие к себе и другим, беспокойство и потерянности.

Любая деятельность, будь то материально-преобразующая или научно-теоретическая, целенаправленна, конкретна, определена.

И таковой она становится, когда на смену неопределенности и альтернативности в качестве действительной основы практических действий приходит определенность выбранных ориентиров, определенность ценностных факторов ориентации и т.д. В разрешении обрисованной выше, все более усложняющейся социокультурной ситуации, характерной как для современного постперестроечного общества, так и во многом для мирового сообщества в целом; ситуации, столь же драматичной, сколь и ординарной по своей явленности в качестве объективной данности, актуализируется и возрастает значение мировоззренческой ориентации человека, осознание им своего места и роли в обществе, цели и смысла жизни, границ личной свободы и меры ответственности за свои деяния и поступки [41]. Утверждение этих экзистенциалов, определяющих сущностно-человеческую составляющую на кратком интервале его бытия, как это было и в прежние времена, невозможно без и вне философии, поскольку философия всегда играла одну из главных, ведущих ролей в формировании мировоззренческой культуры, используя свой многовековой опыт критически-рефлексивного размышления о жизненных проблемах как отдельного человека, так и человечества в целом. Поскольку именно она в любые кризисные эпохи проясняла проблемы бытия человека, всякий раз задаваясь вопросами, что такое человек, на что ему можно надеяться, с «кого делать себя», на кого или на что ориентироваться, что ему нужно делать, чтобы пережить очередной социокультурный кризис, выжить в обществе перманентных перемен, трансформаций, революций.

Выделяя наиболее существенные характеристики социокультурного положения человека конца XX начала XXI века, нельзя не видеть, что в условиях нарастающих глобальных трансформаций, демографических аномалий с сопутствующими им особенностями осознания людьми характера своей включенности в историческую реальность, человек во все большей степени испытывает *растерянность перед многообразием альтернатив поведения и деятельности, все более дезориентируется в потоках противоречивой информации*. И чем в большей степени это происходит, тем в большей степени осознается ненормальность имеющих место абсолютизаций утверждения безопорного, бесцельного, лишённого смысла образа жизни как единственно возможного, а значит, формируется противодействие крайностям постмодернистского миропонимания, прояв-

ляющееся в устремленности к качественно новому, взвешенному, не экстремальному, несущему, разумеется, не мертвящую успокоенность, а душевное спокойствие как предпосылку творческой работы, творческой ненадрывной активности, ведущей к жизненному удовлетворению обладанием разумом и проистекающей от разума разумностью помыслов и поступков. Такого рода противодействие как реакция на разрушение былых опор деятельности требует смены глобальных мировоззренческих констант: либо люди пойдут другим, гуманным по отношению к миру и человеку путем, либо наша цивилизация обречена на гибель. Ибо нельзя не согласиться с мыслью, что в век термоядерного оружия глобальных кризисов: энергетического, экологического, демографического и т.д. — необходимо спешить обрести *определенность, ясность и уверенность в истинах и ценностях*, объединяющих людей, помогающих сохранить природу и человека на планете Земля, построить в союзе со всеми людьми «ковчег согласия» (А. Камю) [42, с. 10]. Найти эту определенность, ясность, уверенность — значит избавиться от безпорности бытия, его неопределенности, разрушительным образом действующей на сознание людей современного общества, в планетарном масштабе стоящем на краю социальных и геополитических катастроф.

Мысль академика В.И. Вернадского о соизмеримости мощи человечества и мощи природы, все более подтверждаемая на практике, заставляет признать, что современному человеку под силу не только изменить, привести мир к несомненно лучшему из его возможных состояний, но и к исчезновению. Последнее вовсе не противоречит никаким законам природы. Природа, бесстрастно пережившая потери доисторических гигантов — животных, столь же бесстрастно, безразлично переживет утрату гордящегося своей духовной необычностью человека.

Безусловно, одной из основных проблем является то, что, отдавая или не отдавая себе в том отчет, *все* люди желают жить благополучно, обеспеченно, жить так, как живут в европейских странах, в США, т.е. производить много и, соответственно, много получать, много иметь, многим обладать. Но нельзя не сознавать, что ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе для большинства людей это объективно невозможно. Планета не в состоянии выдержать столь массовое потребительское к ней отношение. К 2030 году население Земли приблизится к 10–12 миллиардам. Большая часть людей будет

происходить из ныне развивающихся стран, в которых население еще только обретает вкус к обеспеченной жизни. И если все население земного шара начнет жить так, как живут сегодня богатые, ресурсы планеты закончатся всего через 100 лет. Из этого следует, что ориентиры чисто потребительского отношения к природе и к производимым сегодня обществом материальным благам уже в ближайшем будущем не смогут быть ценностями «ковчега согласия». Выходом может быть предложение человеку нового стандарта поведения, исходя из новой системы ориентиров, основу которой составляют не только материальные, но, прежде всего, духовные ценности [43].

В этом плане для нас важна и видится вполне правомерной позиция, согласно которой для получения интегральной картины общества, называемого постиндустриальным, информационным, разумно применить позитивные термины постмодернистской философии: плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Все они связаны с утверждением разнообразия как лейтмотива постиндустриального общества. И хотя само по себе разнообразие всегда лежит в основаниях функционирования сложных образований, к числу которых принадлежит и общество, является в этом плане объективной предпосылкой существования сложных систем, тем не менее, именно для постиндустриального типа общественной организации характерно не только осознание разнообразия в качестве важнейшей предпосылки общественной организации, но и активное использование последнего в различного рода технологиях (информационных, политических, экономических и т.д.) [44, с. 9].

Глобализация и интеграция, характерные для утверждающейся в XXI веке постмодернистской организации общественной жизни, влекут за собой локализацию и дифференциацию образа жизни и мышления индивида, влекут одиночество человека в массе [45, с. 161]. Каждый в этом обществе не только умирает, но и живет в одиночку. Последнее не может не приходить в определенное противоречие с общественной природой человека, находящей свое выражение в том, в частности, что человек, кроме всего прочего, живет благодаря дару, благодаря роскоши общения с другими людьми: родными, близкими, друзьями. И в этом плане постиндустриальная и постмодернистская модель общественной жизни есть не просто отказ от прежних ее принципов, но и отказ от принципиальных ценностей, вне которых

жизнь утрачивает во многом подлинно человеческий смысл. Предвосхищая утверждение потребительской модели общественной жизни, Э. Фромм осуждал ее как такую, в которой жизненная энергия человека направлена в основном на обладание. Он разделял и считал важным взгляд З. Фрейда, согласно которому «превалирующая ориентация на собственность возникает в период, предшествующий достижению полной зрелости и является патологической в том случае, если она остается постоянной... личность, ориентированная в своих интересах исключительно на обладание и владение, – это невротическая, больная личность; следовательно, из этого можно сделать вывод, что общество, в котором большинство его членов обладают анальным характером, является больным обществом» [46, с. 110].

К сожалению, и наука, породившая надежды на лучшую жизнь у поколений людей XVIII и XIX века, ныне не выполняет в должной степени ту просветительскую и ориентационную функцию, с которой связывали её развитие французские мыслители XVIII века и их последователи времен НТР в XX столетии. Наука во все большей мере утрачивает свои ведущие позиции в качестве средства познания собственно человеческой сущности жизни и деятельности людей, овладения и присвоения этой сущности, подчинения ей всех иных аспектов жизнедеятельности. Она перестала рассматриваться как «самый большой авторитет в обществе», оказалась отодвинутой на второй план, тогда как на первый план стали выходить разного рода квазинаучные представления, наукообразные предложения, разного рода верования, магия и всяческое шарлатанство [47]. Становится видимой та последняя черта, за которой человечество может погибнуть как цивилизация от лишенного нравственной человеческой основы прогресса, ибо современная цивилизация создала такое мировоззрение, которое несовместимо с самой цивилизацией [48, с. 389].

А.И. Данилов, характеризуя общий системный кризис человеческого общества, порождаемый, по его мнению, прежде всего кризисом западной цивилизации, справедливо отмечает, что в этих условиях социология из науки, объясняющей явления, должна превратиться в науку, «созидающую новую социальную реальность». Новая парадигма заключается в усвоении новой философии смысла и цели человеческого развития, поскольку потребительские подходы выявили их полную непригодность. В настоящее же время нет ни государства, ни философии, которые могли бы служить единствен-

ной целью развития всего человечества. Не могут стать прообразом этой цели и США, где, как признал бывший вице-президент А. Гор в своей книге «Земля на чаше весов», рыночно-потребительская цивилизация создала тупиковую ситуацию [49, с. 203].

В этих условиях не может не стать предметом особого внимания отношение между фундаментальными и прикладными исследованиями. Не случайно российский философ А. Зиновьев писал, что без разработки новых фундаментальных идей, без новой базисной теории любые «исследования эмпирической социологии, конкретные измерения и вычисления превращаются в мошенничество, в орудия идеологии и пропаганды, а формальные построения оказываются пустыми умственными (знаковыми) конструкциями. Одним словом, точные методы социальных исследований без содержательной теории, адекватной данному обществу, превращаются из орудий понимания этого общества в орудия помутнения умов [49, с. 203].

Не случайно и то, что сквозь пронизывающий общественную жизнь плюрализм идей, столь концентрированно явивший себя в XX столетии, сквозь плюрализм, явившийся в определенном смысле ответом на потребности времени, во все большей мере просвечивается потребность пробиться к некоему инварианту, к некоей значимой совокупности, системе ценностных ориентиров, адекватных сути человека посттрансформационного периода, в котором обнаруживается стремление вернуться к себе – аутентичному своей разумной сущности, своему стремлению к возвышенному и совершенному в людях и тем самым в себе, ибо движение человеческого разума, человека как мыслящего существа в пространстве и времени исторического бытия есть движение не просто индивидуума, но при всех зигзагах, поворотах, отступлениях назад, скачках вперед и т.д. есть движение рода, движение человечества.

Путь к реализации такой потребности, актуальной в самые различные эпохи человеческой истории, а не только в наши дни, лежит, на наш взгляд, не в последнюю очередь в *плоскости осмысления существа ориентационной деятельности*, проходит через исследование генезиса механизмов ориентационной деятельности, как они исторически складывались и развивались в общественной жизни, через формирование категориального аппарата ориентации и его применения в качестве искомой гносеолого-методологической основы социального познания и социального проектирования. Ибо в

условиях, когда все ждут пророка, он должен прийти, но не всех он осчастливит и не все проблемы решит. Потому что мораль, культура, болезни, новые социальные отношения – это не изречения мудрых, а тяжелая практика жизни миллионов, которую еще надо организовать [49, с. 213].

Приведенная выше краткая и обобщенная характеристика представляет социокультурную действительность в качестве пространства, контекста бытия, в который равным образом «погружены» и в котором вынуждены действовать и теоретик, и практик, и индивид, и личность, и социальная общность и т.д. Вместе с тем способы самоопределения, выбора образа поведения и деятельности последних имеют не только сходство, но и существенные различия.

Названное сходство заключается в общности стоящей перед ними проблемы: *найтись в постоянно меняющемся мире*, своевременно сообразоваться с наличной реальностью, *найти соответственные этой реальности основания для деятельности*, позволяющей и индивиду, и личности, и обществу не только сохранить, но и утвердить себя в качестве биологического, психического, социального и духовного актора жизнедеятельности; в общности, следовательно, стоящей перед ними и решаемой ими *проблемы ориентации*. Процесс решения данной проблемы составляет содержание соответствующей специфической деятельности – *ориентационной*. Суть ее заключается в установлении соответствия определенности образа мышления и действия субъекта деятельности обстоятельствам места и времени.

Исходным при этом является то, что в целостной жизнедеятельности человека невозможно найти такую сферу или сферы, где он не имел бы так или иначе дело с проблемой ориентации, с необходимостью осуществления ориентационной деятельности, где ему, следовательно, не было бы нужды ориентироваться. Ибо в той мере, в какой *изменение* общественного, природного и духовного бытия является атрибутом последнего, в какой изменение порождает альтернативность, неопределенность, безопорность, неуверенность и т.п., в той же мере атрибутом жизнедеятельности человека является ориентация, разрешение им соответствующих этим изменениям ориентационных проблем. Сориентироваться, в свете выше сказанного, значит преодолеть неопределенность бытия в окружающем мире, осознать и сделать своим достоянием те факторы (ценности, нормы, идеалы, духовные и иные опоры), которые обуславливают или спо-

собны обусловить определенность мысли и действия, необходимую и достаточную для реализации индивидом, личностью, социальной общностью их сущности.

2.1.2 Рефлексия проблемы ориентации общественным сознанием

Характер рефлексии проблемы ориентации зависит от субъекта рефлексии, от исторических условий и целей, ради которых она совершается. В этом плане показательна полемика в белорусских СМИ о перспективах формирования идейных базовых ценностей, главных духовных ориентиров белорусской нации, о средствах «фундации» ценностей своей «незалежнасці» [50]. Как понятен и поиск нового стандарта поведения, новой системы ориентиров и т.д. в странах СНГ, в большинстве которых «безудержное самобичевание и саморазоблачение, сопровождаемое преувеличением и гиперболизацией «пороков» прежнего образа жизни привело к большой сумятице в головах людей, которые потеряли ориентиры и уже не знали чему верить» [47].

Обращаясь к более ранним фактам явной рефлексии общественным сознанием проблемы ориентации, следует выделить воззрения А. Печчеи, который, описывая кризисные процессы в западном мире, приходил к выводу, что их успешное разрешение возможно только в том случае, если человек станет подлинным человеком, а не тем отчужденным, растерянным, дезориентированным существом, каковым он является в настоящее время [51, с. 14]. Для этого необходима «*переориентация сознания человека на новые ценности жизни и цели, которые могли бы быть положены в основу его практической деятельности по гуманизации собственного бытия, обеспечению дальнейшего поступательного развития человечества*» [52, с. 213].

Различное понимание места и роли человека в историческом бытии накладывает свой отпечаток на понимание проблемы ориентации и выбора человеком путей реализации своей жизненной энергии. В этом разнообразии важна сформулированная еще М. Хайдеггером дилемма, согласно которой ничтожество и величие человека, солидарность и борьба, мир и война, свобода и угнетение, насилие и добродушие, любовь и ненависть – незначительные эпизоды, вплетенные в фатальность истории и оставляющие философа безмятежным в его созерцательном одиночестве. Но если они не являются эпизо-

дами, если они составляют реальные альтернативы человеческого существования в мире, то бегство в одиночество и отдавание себя на милость событий составляет предательство человека по отношению к своей собственной человеческой природе [53, с. 96]. Дилемма важна сегодня тем, что от позиции, которую займут люди в ее решении, зависит будущее эпохи. Тот же аспект жизнедеятельности человека интересовал русского писателя, философа-экзистенциалиста Ф.М. Достоевского.

Как все писатели-реалисты XIX века, Ф.М. Достоевский признает громадное значение социальных и культурно-исторических условий места и времени, всей нравственной и психологической атмосферы внешнего мира, определяющих *характер* человека, его сокровенные мысли и поступки. Но в «Записках» он восстает против представления о «среде» как об инстанции, апелляция к которой позволяет оправдать поведение человека ее фатальным влиянием, сняв тем самым с него нравственную ответственность за свои мысли и поступки. Какова бы ни была среда, последней инстанцией, определяющей решение человеком основных вопросов бытия, остаются, по Достоевскому, сам человек, его нравственное «Я», полуинстинктивно присутствующее каждой личности [54, с. 15].

Со сказанным вполне можно согласиться, учтя, однако, что все это свойственно человеку как состоявшейся, вмняемой, дееспособной, самоопределившейся, сориентировавшейся личности, а до того он только субъект, ориентирующийся и ориентируемый всей совокупностью обстоятельств его жизни. И лишь *propter hos* – он ответчик за свой выбор. Связь, взаимообусловленность определенности человека и среды, пространства его жизнедеятельности находятся в центре внимания и Ж.П. Сартра, для которого ни одно общественное явление, внезапно возникшее и увлекшее человека, не приходит к нему извне: «если я мобилизован на войну, это и есть моя война, я виновен в ней, я ее заслуживаю. Я ее заслуживаю прежде всего потому, что я мог уклониться от нее – стать дезертиром или покончить с собой. Раз я этого не сделал, значит я ее выбрал, стал ее соучастником» [55, с. 344].

Человек живет не просто в мире – он живет в мирах, сложнейшим образом связанных, взаимодействующих между собой. И классификация этих миров начинается с их временной связи: мир настоящего, мир прошлого, мир будущего. Многообразие миров, насыщенность

их имеющими для человека жизненное значение явлениями, постоянная текучесть, изменчивость и относительная стабильность последних являются главными предпосылками перманентного воссоздания ситуаций, в которых потребность ориентироваться выступает для него как «гражданина миров» столь же жизненно важной, сколь она оказывается важной для животного, живущего, по определению, лишь в мире природы.

Вряд ли человек может удовлетвориться здесь суждениями о том, что прошлое не существует реально, а только в голове человека, в его воспоминаниях, как, впрочем, и будущее в его фантазиях. В том-то и дело, что слишком зависит наше настоящее от нашего прошлого и нашего будущего, слишком принадлежим мы разным мирам, противостоящим своей мощью нашему разумению их, противостоящим нам мощью бесчисленных реализаций в них явлений и процессов, скрытых от восприятия, ставящих человека перед фактом их явленности, данности ему как условий его бытия. Но и сам человек по своей природе есть неопределенность, проблематичность, парадоксальность [53, с. 14]. И это также создает шаткость и неустойчивость его положения в мире, но одновременно является важнейшей предпосылкой необходимости ориентации человека в мире и реализации им на основе осуществленной ориентации свободного выбора своей определенности, соответственной природной, социальной и духовной реальности.

Здесь важно то, как человек воспринимает содержание, события в этих мирах: как жесткую *необходимость*, не считаться с которой и не учитывать которую нельзя ни при каких обстоятельствах, или как *возможность*. Последнее предполагает, что каждое событие открывает пространство другим возможным событиям, одно из которых в конечном счете реализуется. Поэтому всякое событие, хотя оно и обусловлено другими, не является фатальным продуктом [53, с. 10]. В этом плане разумна и привлекательна в качестве отправной концепция «обусловленности» Николо Аббаньяно, которая противостоит как строго детерминистическому пониманию истории, ведущему к фатализму, так и попыткам сделать человеческую свободу безграничной, превратив ее в произвол.

Рассматривая степень осмысления проблемы ориентации в общественном сознании и характер ее представленности в последнем, сошлемся на некоторых известных мыслителей, учитывая, что сама

проблема может проявлять себя самым различным образом, и к ней в полной мере относятся мысли Шелера о том, что в решении человеком его проблем вообще имеет место пестрота, расплывчатость и неопределенность. У Альберта Швейцера, например, ее проявление видно в описании им его переживаний. В частности, в эпилоге своей книги «Благоговение перед жизнью» Швейцер пишет о двух переживаниях, омрачавших его жизнь. Первое состояло в понимании того, что мир предстает необъяснимо таинственным и полным страдания; второе – в том, что он родился в период духовного упадка человечества [56, с. 44].

Для нас важно, что такие переживания свойственны многим, если не большинству людей. Они способны повергать человека в состояние растерянности, неуверенности, страха перед миром, жизнью, перед самим собой. То ощущение, которое возникает у человека, когда рушатся принципы, на которых или с учетом которых выстраивалось его миропонимание, а вместе с тем происходило самоутверждение в собственной определенности, хорошо передается учеными, пережившими «кризисы в науке», – это *ощущение дезориентации*, которое влечет выводы, подобные тому, что был сделан выдающимся нидерландским физиком Х.А. Лоренцем: «Сегодня утверждаешь прямо противоположное тому, что говорил вчера; в таком случае вообще нет критерия истины, а следовательно, вообще неизвестно, что значит наука. Я жалею, что не умер пять лет тому назад, когда этих противоречий не было» [57, с. 454]. Другой, не менее знаменитый представитель науки, французский физик В. Анри писал по такому же поводу: «Мы переживаем теперь один из величайших кризисов. Все наше мышление, вся этика, вся жизнь, все наше духовное и нравственное состояние находятся в состоянии какого-то умственного брожения; те незыблемые законы и даже принципы, на которых строилось все наше мировоззрение и вся наша жизнь, пересматриваются, отбрасываются...» [58, с. 3].

Немало людей сегодня разделяют чувства подобные тем, что омрачали жизнь А. Швейцера, Х. Лоренца, В. Анри и др., но далеко не каждый находит средство или средства, позволяющие справиться с такого рода переживаниями так, как это удалось самому Швейцеру, писавшему, что с названными переживаниями ему помогла справиться мысль, приведшая его «посредством *этического миро- и жизнеутверждения* к благоговению перед жизнью». «В нем, – писал

Швейцер, – нашла моя жизнь *точку опоры и направление*» (*Курсив наш – В. К.*) [56, с. 23].

Общим характерным для подобных и широко распространенных переживаний является следующее: во-первых, наличие ситуации неопределенности и ее следствия – драматизма в отношениях человека и мира; во-вторых, явным образом проступающая в сознании потребность так или иначе нащупать, найти выход из сложившейся ситуации. Этот выход включает в себя два момента: *нахождение опоры*, основания для деятельности, и собственно *деятельность*, разрешающую ситуацию неопределенности, чреватую угрозой самой жизни.

К любому тупику ведет путь от прошлого к настоящему, но биологическое и историческое прошлое человека готовят ему не только проблемы настоящего, но и ответы на них. В этом плане характерны и важны для нас мысли К. Ясперса. Рассматривая связь исторического и биологического в понимании человека, К. Ясперс, ссылаясь на А. Портмана, пишет, что в историческое время человек биологически, по-видимому, не менялся, и «нет ни малейших признаков того, что в рамках научно контролируемой исторической эпохи изменялись бы задатки новорожденных. Способы рассмотрения и соответствующие им реальности – биологическая и историческая – не совпадают. Создается впечатление, будто одно, историческое, развитие человека, которое формирует его, продолжает другое, биологическое. То, что мы называем историей, по-видимому, не имеет ничего общего с биологическим развитием. Между тем в человеческой природе биологические и исторические черты на самом деле неразрывно связаны. Как только мы производим разделение понятий, возникает ряд вопросов. К каким биологическим последствиям может привести историческое развитие? Какие биологические реальности могут послужить причиной тех или иных возможностей истории?» И здесь, отвечая на поставленные им вопросы, Ясперс подчеркивает, что «наибольшую значимость имеет следующее общее положение: *все животные развивают органы, соответствующие особенностям определенной среды, определяющей их жизнь* (*Курсив – В.К.*)». При этом «недостаточное развитие отдельных свойств заставляет человека – а его превосходство позволяет ему – *с помощью присущего ему сознания построить свое бытие* (*Курсив – В.К.*) совсем иным образом, чем все животные. Именно это, а совсем не структура его тела,

является причиной того, что он может жить в любых климатических поясах и зонах, в любых ситуациях и в любой среде» [33, с. 64].

Приведенная мысль Ясперса примечательна подчеркиванием разделяемой нами точки зрения, согласно которой, во-первых, живые существа вообще и высокоорганизованные существа, в частности, развивают органы, механизмы, соответствующие особенностям среды, ее характеру, ее изменениям; во-вторых, именно сознание, возникнув на определенном этапе исторического развития биологических организмов, берет на себя функции обеспечения их жизненной устойчивости в любых ситуациях, в любой среде, при решении любых проблем.

Вообще, согласно Ясперсу, природа имеет историю лишь в качестве неосознанного, по человеческим масштабам бесконечно медленного, необратимого изменения. Человек же совершает историю на основе повторяемости своего естественного существования (которое в исторически обозримые времена остается одним и тем же), что свойственно жизни вообще, но в качестве осознанно быстрого изменения посредством свободных актов и творений духа [33, с. 64].

Для раскрытия соотношенности психических (чувственных) и рациональных механизмов разрешения человеком проблемы ориентации в окружающей действительности важна также мысль Ясперса о том, что наши подсознательные влечения, склонности уходят своими корнями в биологические пласты и могут подчас ощущаться как нечто чуждое, пугающее нас, в то же время «исторически сложившаяся среда является одним из факторов, влияющих на формирование человека, «в самой биологической сфере уже действует дух». Эти мысли философа во многом созвучны идеям естествоиспытателей (Сеченова, Анохина, Гальперина, Леонтьева и др.), раскрывавших характер связи биологического и психического, психического и социального.

Не противоречат этим идеям и обобщающие положения Ясперса о том, что человек в целом не может быть понят методами биологического исследования, однако столь же очевидно, что во многих своих конкретных действиях он обнаруживает свою биологическую реальность и может быть постигнут биологически, т.е. посредством тех категорий, которые служат для изучения жизни всего животного и растительного мира [33, с. 63].

Если рассуждения Ясперса лишь косвенным образом затрагивают деятельность механизмов, обеспечивающих выживание и само-

утверждение человека в окружающем мире в ситуации изменений и неопределенности, а к их числу мы относим прежде всего механизмы ориентации, то Эрих Фромм уже непосредственно рассматривает феномен ориентирования человека как социо-психического существа, акцентируя внимание на психической стороне его жизнедеятельности, утверждая в качестве базисных факторов разрешения проблемы ориентации, элементы психогенного характера, раскрываемые в категориях психоаналитического знания. Он, в рамках решаемой им задачи, как никто другой отчетливо представляет механизм ориентирования человека.

Психоаналитическое раскрытие Э. Фроммом этого механизма, признание его важности как специфического момента жизнедеятельности значимо как для обоснования самой необходимости исследования ориентационной деятельности человека, так и с точки зрения поиска практически значимых для современных условий жизнедеятельности человека мировоззренческо-гносеологических и методологических оснований понимания самой сущности и кумулятивного характера ориентационной деятельности вообще, ее роли в организации общественной жизни, в частности.

Мысль о том, что за механизмами рационалистической ориентационной деятельности, участвующими и детерминирующими формирование определенности образа мысли и образа действия личности в виде ее нравственных, идейных и т.п. качеств, лежит более *глубинный пласт механизмов ориентации*, схватываемый, рефлекслируемый психоаналитическим мышлением, важна в том отношении, что влечет за собой в конечном счете вывод не только об ориентационной деятельности как особой, сложной, далеко не всегда осознаваемой, обладающей специфической целостностью и самостоятельностью стороне жизнедеятельности, но и о важности понимания ориентационной деятельности для изучения человека, форм его жизнедеятельности вообще, а также познавательной деятельности, ее сущности и ее механизмов.

Основу понимания Фроммом феномена ориентации в социальной практике составляет положение о том, что явления и процессы общественной жизни, поведение (как образ мысли и действия) индивида зависят от социальных факторов (материальных и духовных), и поскольку это так, постольку имеется реальная возможность посредством распространения, утверждения *психодуховных ориента-*

ций, являющихся эквивалентом религиозных систем прошлого [52], *построить* общество, основанное на принципах гуманистической этики. Это не отменяет возможности построения *различных* общественных систем, поскольку не только теоретически, но практически допустимы различные типы психодуховных ориентаций.

Соотнося проблемы воспитания и образования, фроммовская концепция психодуховного ориентирования индивида оказывается необходимым звеном в осмыслении достаточно сложной системы целостной, интегральной ориентации человека в мире, системы, основу функционирования которой составляет взаимодействие исторически возникающих механизмов ориентации, начиная от ориентировочного рефлекса и заканчивая механизмами медитативной деятельности.

Исследуя поведение человека и отдавая должное различным типам ориентирования, Фромм считал, что здесь нельзя ограничиваться изучением только биологических механизмов или только механизмов социокультурных, необходимо избегать также изолирования себя в исследовании только психическом или социальном. Он считал, что главные свойства, качества, страсти и желания человека возникают из целостности его всеобщего существования, то есть из целостности, уникальности той общей ситуации, в которой он находится. В постижении этой ситуации состоит смысл глобального ориентирования человека, нахождения им оснований своей определенности, определенности своих чувствований и размышлений, определенности своих действий и поступков.

Фроммом «нащупывается» онтологическая основа и, можно сказать, общая методология ориентационной деятельности человека в рамках введения представления о субординации и взаимодействии факторов ориентации. Речь идет о том, прежде всего, что, принадлежа по физиологическим функциям миру животных, человек как существо социальное управляется не только инстинктами, ведь в сравнении с другими животными эти инстинкты у людей слабы, непрочны и недостаточны для того, чтобы гарантировать им существование [59]. Потому определенные надежды на гарантию существования человека связывает с механизмами ориентирования, имеющими социальную природу.

Сознание, разум, воображение, нарушая единство со средой обитания, создавая искусственную среду, несущую людям и благо, и

зло, берут на себя функцию ориентирования не только в этой вновь создаваемой, объективируемой, опредмеченной среде, но и в среде естественной – в природе. С этих позиций само историческое бытие людей Фромм интерпретирует как реализацию стремления людей «обрести самих себя, реализовать те потребности, которые порождены распадением прежних, изначально целостных связей» [59, с. 11].

Хотя фроммовские типы ориентации ограничены социальной, социопсихической и психической сферами жизнедеятельности человека, они несут в себе не только специфичность этих сфер, но и общие характерные для ориентационной деятельности вообще моменты. Уже в понятии «социального характера» правомерно видеть разновидность ориентационной определенности применительно к человеку. В самом деле, говоря о социальном характере, Фромм трактует его как звено, связывающее психику индивида и социальную структуру общества. Социальный характер – это результат взаимодействия, «помещения» человека с его внутренней определенностью, с его индивидуальной психикой и индивидуальным характером в социальную среду как в контекст, который обуславливает специфическое инобытие индивидуального в форме социального. Но именно это «пограничное» бытие индивидуального в социальном, границы которого совпадают с границами *места* человека-индивида в социальном, и есть бытие ориентационной определенности в онтологическом плане.

П.С. Гуревич, говоря о фроммовской идее социального характера, трактует последний как отражение сплава биологических и культурных факторов [59, с. 7]. Сам Э. Фромм считал, что общественный характер, формируемый в рамках развития различных форм общения, есть *стабильная и четко выраженная система ориентации*.

Постигая смысл, вкладываемый Фроммом в понятие ориентирования, заметим как характерное то, что, о чем бы он ни писал, исходным для него является бытие индивида в определенной ситуации – исторической, экзистенциальной. И все, что следует из размышления об этом бытии, в ситуации «содействует постижению человека как феномена». При этом ведущим принципом в размышлениях является превращение человека в меру всех вещей, когда не только общество, но и все окружающее вообще постигается через соотнесенность человека с этим окружающим.

Понять человека как существо историческое, зависящее от социальных и культурологических факторов и обстоятельств жизни,

пытается и Б. Рассел в своей книге «История западной философии». Но было бы неверно ограничиться пониманием человека лишь со стороны его социально-исторической и биологической природы. Человека следует брать во всем богатстве его связей с окружающим миром, в его целостной *включенности в мир*. Так именно, как берет и рассматривает человека Мартин Хайдеггер. Человек у него не абстрактная реальность, не специфическая деятельность (подобно разуму, чувству, инстинкту и т.д.), а «наличная и действующая в мире реальность», человек, который именно потому, что он существует (в мире), отражает в большей или меньшей степени в способах своего бытия бытие мира.

Понимаемый таким образом человек – это всегда отдельно взятый индивид, единственная и неповторимая реальность, не сводимая ни к какой коллективной или безличной силе; он также никогда не замкнут в самом себе, в непреодолимых глубинах сознания. Он находится в постоянных отношениях с миром, т.е. с вещами, с другими людьми, и конституируется этими отношениями, которые проявляются в его потребностях, в использовании им вещей для их удовлетворения, в сообществе, которое он создает с другими людьми, и в формах общения, которое он устанавливает с ними [53, с. 89]. Такому пониманию не противоречат мысли М. Вебера о существовании человека, которое составляется переплетением и борьбой различных факторов, представляющих собой не безличные, действующие с необходимостью силы, а реальные возможности, выбор среди которых всегда принадлежит человеку. К этим факторам, по Веберу, относятся религия, не являющаяся единственной господствующей силой; политика, подчиняющаяся «доводу государства»; искусство, понимаемое как «космос автономных целей»; эрос и интеллектуальная деятельность.

Точно так же как у Ясперса и Хайдеггера, у Вебера ориентационная проблематика связана с пониманием человека как места схождения, переплетения различных внешних и внутренних факторов его бытия; она выражается в понимании определенности самого человека и его деятельности через «борьбу различных факторов». Взаимодействие человека и социальной среды рассматривается при этом как в аспекте потери и отыскания субъектом ориентации (индивидом, личностью, обществом), определенности в изменяющейся действительности, так и в аспекте вписанности, включенности субъекта

ориентации в среду, в качестве ее естественного элемента, носителя ее свойств, точки пересечения, места схождения различных факторов. В первом случае акцент делается на характеристике определенности, во втором – на характеристике места.

2.1.2.1 Специфика фроммовского понимания сущности и роли характера в жизнедеятельности человека. Фроммовская система ориентации и ее назначение

Во многом продолжая фрейдовскую традицию в понимании характера как системы влечений, обуславливающих поведение, признавая вслед за Фрейдом, что черты характера конституируют силы, которые личность, несмотря на их могущество, может совершенно не осознавать, что фундаментальная сущность характера строится не на единичном его свойстве, а является целостной структурой, из которой вытекает множество единичных свойств и т.д. [60, с. 61–62], Фромм особое внимание уделяет тому, что называет «ориентацией характера». Подчеркивая, что главное отличие его взглядов от взглядов Фрейда состоит в видении фундаментальной основы характера «не в различного рода либидиозной организации», а в специфического вида отношениях человека с миром, Фромм считает, что суть характера определяют ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, которые, даже будучи неосознаваемыми, конституируют влияние характера на определенность мышления и деятельности человека.

Согласно этому взгляду, черты характера понимаются как производное от основополагающих ориентаций. Важно подчеркнуть при этом, что характер, по Фромму, есть динамическое экзистенциальное образование, средство, служащее проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации.

Принципиальным для понимания Фроммом характера является совершенный им переход от мышления, свойственного концу XIX века, считавшего энергию природных и психических явлений субстанциональной, к мышлению, которое считает эту энергию возникающей в процессе взаимодействий. Подчеркивая, что характер обуславливает поведение, но не есть нечто застывшее, статичное, Фромм выделяет следующую цепочку детерминации: за поведенческим свойством кроются многочисленные и различные черты ха-

рактера, обуславливающие поведенческие и деятельностные акты. Именно ее Фромм называет ориентацией характера. Раскрывая вопросы: что стоит за этим термином у Фромма, какое содержание он вкладывает в термин, какие обстоятельства предрасполагают, побуждают его в исследовании деликатнейшей проблемы – проблемы основополагающей для понимания человека и его жизнедеятельности, а именно проблемы соотношения, связи этического и характерологического – прибегнуть к специфической ориентационной терминологии (фундаментальная ориентация, продуктивная ориентация, рецептивная ориентация, стяжательская ориентация, некрофильная ориентация и т.д.), мы обнаруживаем, что Фромм как никто из других мыслителей рассматривает ориентационную проблематику в философско-теоретическом плане.

Согласно Фромму, систему характера у человека можно считать заместителем системы инстинктов у животного, и если последняя обеспечивает взаимодействие животного с окружающим миром, то характер у человека становится ответственным за взаимодействие на уровне человеческой ситуации. Примечательно, что подобно инстинктам, позволяющим животному реагировать на изменение реальности достаточно быстро, если не мгновенно, система характера проводит жизненную энергию, превращает ее в действие, поступок, освобождая человека от бремени принятия всякий раз новых и обдуманных решений [60, с. 63]. Всем этим система характера, склад характера или структура характера, что одно и то же, как средство динамического реагирования на окружающую среду, на ее состояния, которые объективно находятся в постоянном изменении, порою совершенно непредсказуемом, являют себя в качестве механизма удовлетворения потребности в ориентации.

Фромм исходит из того, что потребность в ориентации вообще есть порождение дисгармонии человеческого существования. Она выражается в стремлении восстановить единство и равновесие между человеком и окружающим миром. Потому понимание ориентации и потребности в ней как факторов, мотивирующих деятельность, должно проистекать из понимания человеческой ситуации. А в ней Фроммом усматривается два уровня реагирования: не только мыслью, но и жизнью, чувствами, действиями. Оставаясь специфическим «проводником жизненной энергии», «развертывая силы организма», склад характера, или ориентация характера, позволяет, хотя

бы и «нежелательно с этической точки зрения», разрешить человеческую (ориентационную) ситуацию. И потому характер – это судьба.

Поиск единства и равновесия с окружающим миром и стремление человека придать смысл своему существованию представляют единую деятельность. Результаты этой деятельности многообразны. В этой связи Фромм замечает, что существуют разнообразные системы от анимизма и тотемизма до философских, от теистических до светских, в которых даются ответы на человеческие поиски смысла. Такие системы, общим для которых, независимо от конкретного результата, является попытка дать ответ на человеческие поиски смысла и на стремление человека придать смысл своему существованию, он называет «системами ориентации и поклонения». При этом Э. Фромм делает вывод, что потребность в системе ориентации и поклонения – «это одна из основных составляющих человеческого существования», и «на самые лучшие, но также и на самые сатанинские проявления ума человека вдохновляет не плоть, а его «идеализм», его дух» [60, с. 54].

Таким образом, и на уровне чувственном, и на уровне интеллектуальном деятельность человека опосредована ориентационными (отвечающими за разрешение ориентационной проблемы) образованиями, соответственно, складом характера и той или иной «системой ориентации и поклонения». Поднимая вопрос о мотивации поведения и деятельности, Фромм обращает внимание на противоположные подходы к его решению. В основе первого лежит признание врожденности греховного в человеке, его изначальной подлости, природной порочности. В основе второго – утверждение, что все зло в человеке является следствием внешних обстоятельств, следствием отсутствия возможности выбора. Фроммовское решение вопроса – это синтез внутренней и внешней мотивации деятельности; понимание того, что доминирование внутреннего или внешнего мотива определяется конкретностью жизненных обстоятельств. При этом внутренняя мотивация у него есть обращение к глубинным, подсознательным структурам. Это выражается в соответствующих характеристиках, мотивирующих поведение и деятельность ориентаций: некрофильная ориентация, биофильная ориентация, нарцисстическая ориентация, инцестуальная ориентация. Внешняя мотивация, соответствующая способам социализации, выражается в следующих типах ориентации: рецептивной, эксплуататорской, накопительской, рыночной, плодотворной.

В определенном отношении каждый из названных типов ориентации есть термин для обозначения разновидностей состояния характера, которые своей качественной определенностью влияют на цель, смысл и результат жизнедеятельности человека. И с этой точки зрения, «линия Фромма» представляет собой достаточно строгий анализ четко определенных им ориентаций характера и их проявления в процессах ассимиляции и социализации. Охватываемое теоретической мыслью разнообразие проявлений жизнедеятельности как бы «раскладывается» на множество «сочетаний различных ориентаций» характера, уходящих своими корнями и в биологическую природу человека, и в состояния, складывающиеся в процессе духовного и физического развития личности. Фромм, таким образом, нигде об этом специально не говоря, насколько известно автору, своим анализом зависимости результатов жизнедеятельности человека от доминирующих в конкретных обстоятельствах ориентаций определяет человека как существо ориентирующееся.

В отличие от «линии Павлова», где механизмы ориентационной деятельности имеют результатом своего функционирования ориентационное знание, ориентации «по Фромму» в качестве результатов своего функционирования имеют конкретный вид действия, поступок, совершаемый личностью в той или иной сфере жизнедеятельности в конкретной ситуации. Особое внимание Э. Фромм обращал на то, какого типа ориентация превалирует и обуславливает поведение человека: биофильная, некрофильная, стяжательская, нарцисстическая или какая-либо иная [61].

2.1.2.2 Социальное действие и ориентация в концепции Т. Парсонса

В рассмотрении вопросов рефлексии проблемы ориентации в общественном сознании особый интерес представляют исследования социальной ориентации, в массовом порядке проводимые уже достаточно долгое время самыми различными исследовательскими коллективами, по сути дела, над всеми социальными слоями, группами и т.д., образующими социальную структуру общества, рассматриваемую в тот или иной период времени, в том или ином географическом или социокультурном плане; исследования, раскрывающие сопряженность ориентации и социальной структуры, выявляющие влияние, оказываемое ориентациями на формирование социальных

отношений в обществе и т.д. Здесь интересны и мозаика, и системность, и структурность социальной ориентации, отраженной на матрице социальной структуры.

В качестве показательного примера рефлексии, осознания значимости проблемы ориентации, учета и применения ориентационных характеристик в исследовании социальной реальности приведем теорию социального действия Т. Парсонса.

Понять существование и функционирование людей в социуме — значит найти первопричины проблем общества. И Вебер М., и Дюркгейм Э., и Маршалл А., и Парето В., и Парсонс Т. искали основы решения частных эмпирических задач разными способами, целесообразно их обосновывая. Т. Парсонс, используя современные системы, кибернетические, символично-семиотические представления, отстаивал необходимость построения общей логико-дедуктивной теории человеческого действия как основы решения частных эмпирических задач.

Применительно к современному цивилизованному обществу понятие *ориентации*, согласно Т. Парсонсу, способно довольно хорошо характеризовать функционирование общества как самоорганизующейся системы, функционирующей в условиях нестационарной, изменяющейся среды. Если на уровне обыденного сознания на ориентацию и как понятие, и как явление, как правило, не обращают особого внимания, не задумываются о них как глубинных и значимых причинах поступков, действий, результатов деятельности, то на уровне научного, теоретического сознания дело обстоит иначе: Т. Парсонс в своей теории выстроил целостную развернутую иерархию ориентации как основы социального действия и человека, и общества [62].

Рассматривая связь социального действия и ориентации, Т. Парсонс вложил в нее диалектический смысл. Относительно действия автор делит все объекты ориентации на три класса: а) *социальные объекты* (деятели, которыми являются любые индивиды — «*другие*»; субъекты действия, которые принимаются за центр системы — «*эго*»; или коллектив, который рассматривается как нечто единое); б) *физические объекты* (реальные сущности, не взаимодействующие с «*эго*», не реагирующие на «*эго*», они средства и условия «*эго*»); в) *культурные объекты* (символические элементы культурной традиции, идеи или убеждения, символы или ценностные стандарты, которые рассматриваются как объекты ситуации со стороны «*эго*»).

Рассматривая основные компоненты действия, Т. Парсонс находит, что действия, или потребности-установки, состоят из двух элементарных аспектов: аспект удовлетворения и аспект ориентации. Первый относится к содержанию взаимообмена действующего лица с миром объектов, к тому, что он получает из этого взаимодействия, и к тому, чего это стоит ему. Второй аспект относится к тому, каково его отношение к миру объектов, а также к способам, с помощью которых организуется его отношение к данному миру.

Действия, по мнению Т. Парсонса, сами по себе не бывают единичными и дискретными, они организованы в системы. Этот момент заставляет рассматривать компонент системной ориентации. *Устанавливая аспект ориентации* в социальном действии, автор делит его на мотивационную, ценностную и нормативную ориентации. Мотивационная ориентация – это ориентация, которая оперирует направлением и характером активности человека. В свою очередь мотивационную ориентацию Парсонс разделил на следующие виды:

а) *катектическую ориентацию*, в которой учитываются связи «эго» с рассматриваемым объектом или объектами для поддержания баланса удовлетворения – неудовлетворения его личности;

б) *когнитивную ориентацию*, которая может трактоваться как определение соответствующих аспектов ситуации в их отношении к интересам действующего лица;

с) *оценочную ориентацию*, которую Парсонс описывает как определенный порядок выбора альтернативных суждений, чем данный объект является или что он значит.

Все три вышеперечисленных вида мотивационной ориентации подразумеваются Парсонсом и в структуре того, что он называет ожиданием. Кроме этих ориентаций, в ожидание входит временный аспект ориентации относительно будущего развития системы «действующее лицо – ситуация» и памяти о прошлых действиях. Будущее состояние системы Парсонс делит на:

а) предвосхищение (пассивная позиция – ожидать развития и не предпринимать никаких активных действий);

б) целенаправленность (активная позиция – стремление контролировать ситуацию в соответствии со своими желаниями или интересами).

Второй аспект действия – удовлетворение потребностей – Парсонс связывает с культурным классом объектов ориентации, а имен-

но со знаками и символами. Именно в последнем аспекте автор рассматривает нормативную и ценностную ориентации через категорию культурной традиции, культуру в целом.

Наравне с мотивационной ориентацией Парсонс описывает аспект ценностной ориентации, имея в виду роль символических систем. Этот аспект касается не значения состояния дел, а содержания самих стандартов выбора. Ценностная ориентация может быть в свою очередь расчленена на когнитивные, оценочные и моральные стандарты.

Когнитивные стандарты схожи с когнитивной ориентацией в мотивационной ориентации. Оценивание касается проблемы интеграции элементов системы действия. Оценочные стандарты не являются ни когнитивными, ни категорическими, а представляют собой их синтез. Поэтому их удобно называть моральными стандартами, как считает Парсонс.

Из определения нормативной и ценностной ориентаций следует, что все ценности включают момент социального значения. Так как ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, они являются общепринятыми. Даже если они не принимаются индивидом, то всё же благодаря своему происхождению они определяются в связи с культурной традицией, а их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции.

Выстроив таким образом схему социального действия, вложив в нее понятие ориентации как фундамент действий человека, Талкотт Парсонс продвинулся значительно дальше в сравнении с остальными философами и социологами, которые рассматривали и использовали понятие ориентации в своих исследованиях. Он сумел в своей концепции социального действия, дав разумные пояснения своим определениям, представить ориентацию не только достаточно ясно и четко, но и достаточно широко. В определенном плане это дает возможность принимать его определения в качестве основополагающих в рамках социологических исследований.

Если обратиться к отечественным социологическим исследованиям, то в них отчетливее, чем где бы то ни было, выражена зависимость объекта исследования от ценностных факторов, от образованной ими специфической системы координат, пространства определения. Как отмечает А.П. Вардомацкий, эмпирическое социологическое исследование включает ряд этапов, и на первом из

них формируется специфический список жизненных ценностей, составляющих набор ценностных координат, при этом встает проблема факторизации первичной информации ввиду нелинейности субъективного ценностного пространства [63, с. 503–504]. Хотя понятие ценностной ориентации, во многих отношениях центральное для социологии, употребляется в довольно широком диапазоне различных уровней и сфер исследования жизнедеятельности человека (ценностные ориентации являются объектом изучения самых различных наук: философии, этики, эстетики, социальной психологии и т.д.), вне внимания оказывается исследование ориентированности человека всей совокупностью факторов, образующих пространство его бытия, исследование человека как существа ориентирующегося. Ценностно-ориентационный социологический анализ достаточно явно и отчетливо квалифицирует обнаруживаемые им качественные определенности, характеристики индивида, личности, группы, общества как функции, результаты включенности соответствующего объекта социологического исследования в определенное пространство ценностных факторов, как результаты «схождения», «пересечения», «фокусирования» в объекте исследования совокупного влияния фиксированного ряда ценностных факторов. Само возникновение понятия «ценностные ориентации» связывают с именами У. Томаса и Ф. Знанецкого.

В центре внимания социологов, исследующих нравственные, политические, экономические, правовые, эстетические и др. ценностные ориентации, находятся статистические, вероятностные закономерности, за которыми (это допущение принимается как само собой разумеющееся) в реальности могут находиться какие угодно комбинации ценностных факторов, делающие в конечном счете индивидуально своеобразной линию поведения конкретной личности. Здесь необходимо сделать ряд оговорок относительно трактовки ценностных ориентаций в социологии. Это тем более важно, что в широком смысле ценностные ориентации трактуются как «ориентации относительно всего пространства возможных сфер жизнедеятельности» [63, с. 502]. Первая оговорка связана с тем, что, определяя ценностные ориентации как *вид* ориентации вообще, социология, впрочем, как и философия, понятие ориентации как таковое не определяет; во всяком случае, ни философские, ни социологические словари его в своих арсеналах не имеют. Вместе с тем вполне осознается то, что

добавление к понятию ориентация определения «ценностная» выводит ее на совершенно новый содержательный уровень [64, с. 9]. Вторая оговорка связана с тем, что, исследуя мотивы, потребности, интересы, идеалы и другие детерминанты деятельности человека, социология, порою, делает своеобразный «кульбит» — своим итогом она имеет то в статистически преобразованном виде, с чем имела дело изначально.

Нередко социологи пользуются анализом скрытых, замаскированных факторов, выходя через этот анализ к выявлению неосознаваемых самими респондентами ориентаций. Социология не только восприняла из психологии и других частных наук термин ориентация как способный выразить глубинные связи и отношения, являющиеся предметом социологического интереса, но и наработала к настоящему времени значительный арсенал средств обнаружения и многочисленных разновидностей социальной ориентированности людей и специфических способов детерминации жизнедеятельности людей этими ориентациями: по социальным действиям и поведению определяются ориентации общественных групп, а поступки и образы поведения выступают как объективированные ориентации [65, с. 146]. При этом осознанная ориентация есть сущность, привносимая в мир либо самими людьми, либо идеологами, стремящимися привести в соответствие внутренние и внешние факторы взаимодействия человека с окружающим миром. Выработанная средствами общественного сознания система ориентиров образует порою весьма неожиданную своеобразную связь элементов, в пространстве которых формируется реальная жизнедеятельность человека (куматое пространство). Так внешними, репрезентирующими американский образ жизни ориентирами выступают культ денег, жажда успеха, безудержное потребление и т.д., тогда как внутренними — демократия, свобода, достоинство личности, инициатива, личная ответственность, рациональность и др. Если к общим национальным чертам, являющимся ориентирами воспитательной деятельности белорусов, относятся рассудительность, справедливость без насилия, терпимость, стремление к разумному компромиссу, чуткость и уважение к людям с иным мировоззрением и др., то в условиях переходного периода развития белорусского общества наблюдается приоритет частного, личного интереса над общественным, коллективным, материальных потребностей по отношению к духовным; достиже-

ние успеха зависит, по мнению молодежи, главным образом от таких факторов, как материальная обеспеченность родителей, собственные силы и способности человека; для большинства молодых людей республики труд утратил в какой-то мере общественную значимость, не является больше фактором самоутверждения и самореализации личности и выступает, прежде всего, средством удовлетворения личных потребностей, в основном материальных [66, с. 51]. Проблема становления новой системы ориентации постперестроечных поколений молодежи достаточно сложная, многоаспектная, и она находилась и находится в сфере внимания исследователей. Достаточно указать на то обстоятельство, что Беларусь была и остается в области пересечения культур Запада и Востока, что существенным образом отразилось и отражается на «выпрацоўванні нацыянальнага стылю і самабытнасці ва ўсім укладзе жыцця беларусаў» [67].

Социология оказалась способной не только отразить насыщенность социального бытия ориентационными феноменами, но и просчитывать ориентационные зависимости, складывающиеся в пространствах социальной, прежде всего, жизнедеятельности человека, спокойно относясь к тому, что ориентированность личности, как результат ее включенности в социальное пространство и социальное время, может быть сколь угодно необычной.

2.2 Предпосылки и следствия

Осознание явленности феномена ориентации в жизнедеятельности человека в виде особой проблемы, а именно проблемы нахождения им определенности, адекватной изменяющимся обстоятельствам его социального, природного и духовного бытия; рефлексия в сознании представителей научной, философской, психологической и т.д. мысли связи, взаимообусловленности обстоятельств бытия человека и определенности мысли и действия человека – все это ставит вопрос о сущности и специфике деятельности, осуществляемой человеком для разрешения проблемы ориентации, во-первых, и о рефлексии, отражении этой деятельности, ее предпосылок, содержания и следствий естественнонаучным и философским мышлением, во-вторых.

2.2.1 Ориентировочная деятельность на уровне физиологической организации

Приспособление как важнейшая особенность живых организмов находится в теснейшей связи с отражением. Характеризуя эту связь, В.С. Тюхтин отмечает, что отражательная деятельность и ее формы явились особым орудием приспособления, которое опосредствует непосредственные обменные процессы организма со средой. А потому любая отражательная деятельность в живой природе есть так или иначе приспособительная деятельность. Но и приспособительную деятельность, как и ее результаты в виде полезных морфологических изменений, следует рассматривать как отражение условий, а с другой стороны – как отражение внутренней природы организма, для которого эти изменения оказались полезными.

Неразрывность связи приспособления и отражения – факт, доказанный многочисленными экспериментами над живыми существами. Этот факт интересен для нас тем, что и высшие уровни отражения, связанные с деятельностью человека, с социальной деятельностью, несут на себе отпечаток приспособления к окружающей природной и социокультурной среде. Потому характерные черты приспособления, фиксированные познанием на одних уровнях организации живого, могут оказаться также существенными для других уровней. В этом плане нас интересует вопрос: к каким факторам среды приспосабливается организм, какие из них являются наиболее существенными для него?

Значительный вклад в исследование данного вопроса внесли П.К. Анохин и его сотрудники. П.К. Анохин отмечает, что для организма первостепенное значение имеют фундаментальные свойства природы, объективные постоянные факторы среды. Организм должен приспосабливаться к свойствам среды, должен «вписаться» в нее. Анохин пишет по этому поводу: «Перед биологами и физиологами возникает новая и интересная проблема, которую можно было бы охарактеризовать как проблему «вписанности» живого в фундаментальные законы неорганического мира» [68, с. 81]. Органы чувств животных подстраиваются, «подгоняются» к свойствам среды. Это «вписание» организма в мир, «пригнанность» его органов чувств к характеристикам действительности дает подлинно активное отражение законов неорганического мира, с которыми встречались и

всячески взаимодействовали все живые организмы нашей планеты. «Мы можем сказать, – пишет Анохин, – что активное отражение изначальных свойств внешнего мира в основных структурных формах животных является абсолютным законом жизни» [68, с. 93].

На уровне человека закон, сформулированный П.К. Анохиным, еще более значим. Он проявляется в том, что органы «интеллектуальных чувств» человека подстраиваются, «подгоняются» к свойствам уже не просто среды и организм «вписывается» уже не просто в фундаментальные законы неорганического мира – он вписывается своими «интеллектуальными чувствами» в среду духовного, интеллектуального, мыслительного, т.е. наиболее утонченного, а вместе с тем и наиболее общего выражения действительности; он вписывается в пространство бытия общих, теоретически «видимых», «чувствуемых» законов действительности, он «вписывается» в пространство мышления и в пространство «схватываемых» теорией всеобщих и общих законов бытия природы и бытия духа. На наш взгляд, этот выделенный Анохиным *«абсолютный закон жизни»* имеет принципиальное значение для раскрытия специфических особенностей генезиса определенных субстратных, структурных и функциональных образований, регулирующих поведение и деятельность современного человека на уровнях индивида, личности и субъекта.

Действительно, поскольку, с точки зрения закона, органы человека (физиологические, психические, ментальные и т.д.) возникают в силу потребности живого (в случае человека – это его праисторический предшественник) активно отразить изначальные свойства внешнего мира, постольку, в силу того же закона, вступление человека по мере его изменения в мир умножающихся сущностей (в мир социального и духовного, в мир соответственно новых свойств и закономерностей) означает, что в помощь уже имеющимся органам (физиологическим и психическим), порою на их собственной основе, возникают, формируются новые «органы», новые *механизмы*, реализующие на более высоком уровне (социальном, общечеловеческом, ноогенном) ту же тенденцию «абсолютного закона»: вписать человека в раскрывающийся перед ним мир бесконечно многообразных возможностей; обнаружить, найти адекватную этому миру определенность ответного реагирования.

Характерно и примечательно то, что среди различных факторов, свойств мира, к которым приспосабливается организм и которые он

отражает в основных структурных формах, особо выделяется Анохиным *пространственно-временной фактор*. П.К. Анохин отмечает, что пространство и время являлись особенно фундаментальными постоянными факторами, которые уже с момента зарождения жизни воздействовали на все живое. Живое неизбежно должно было «вписаться» в этот всеобщий закон, и только благодаря приспособлению к пространственно-временным взаимодействиям жизнь могла сохраниться на нашей планете [69].

Само развитие форм и органов чувствительности осуществляется в рамках приспособления организма к свойствам среды, в частности, к пространственно-временным свойствам. Более того, за многообразием проявлений пространственно-временных форм бытия сущего с необходимостью для «погруженных» в это многообразие разновидностей живых организмов возникает и идет развитие многообразных же соответственных форм, механизмов, в которых и при помощи которых живые организмы приспосабливаются к существующему миру, данному в пространственно-временной изменчивости своего содержания.

Это приспособление к пространственно-временному явлению сущего простирается от освоения организмами трехмерности физического мира и соответственного его использования до попыток «схватить», использовать «странности» пространственно-временных превращений существующего на уровне субмикро- и субмакроявлений. Здесь важно отметить, что именно на уровне формирования чувствительности в явном виде выступает такая особенность организма, как потребность и соответствующая способность ориентироваться. Анализируя и характеризуя факт формирования чувствительности и развития органов чувствования, И.М. Сеченов писал, что это есть шаг в деле согласования жизни с условиями существования.

Способность ориентирования, механизмы ориентирования являются необходимыми моментами этого согласования. И.М. Сеченов отмечал, что там, где чувствительность равномерно разлита по всему телу, она может служить последнему только в том случае, когда влияния внешнего мира действуют на чувствующее тело непосредственным соприкосновением; там же, где чувствительность сформировалась в глаз, слух и обоняние, животное может тренироваться и относительно таких явлений, которые действуют на него издалека, другими словами, ориентироваться в пространстве. С развитием

чувствительности развивается не только потребность и способность ориентироваться в пространстве, но и во времени: «усложните теперь чувственную организацию еще на один шаг – придайте, например, глазу, способность различать движение окружающих тел, и тогда становится возможной ориентация животного не только в пространстве, но и во времени» [69, с. 413].

В наиболее развернутом виде связь между формированием органов чувствительности и потребностью, а также способностью ориентирования изучена психологом А.Н. Леонтьевым. Воздействия, которым подвергается организм в окружающей среде, разделяются им на два вида и, соответственно этому, на два вида разделяются процессы раздражимости. Это:

- а) раздражимость по отношению к процессам, непосредственно необходимым для поддержания жизни организма;
- б) раздражимость по отношению к таким свойствам среды, которые непосредственно не связаны с поддержанием жизни.

Чувствительность (способность к ощущению) генетически есть в этом плане не что иное, как раздражимость по отношению к воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, т.е. которые ориентируют организм в среде, выполняя сигнальную функцию [70, с. 46]. Процессы чувствительности вызываются свойствами, связанными объективно со свойствами жизненно важными для организма, поэтому они (процессы чувствительности) должны соответствовать объективным свойствам окружающей среды и правильно отражать их в соответствующих связях. То есть ощущение по своей генетической природе обладает ориентирующей функцией.

Суть ориентации организма на этом уровне состоит в соотношении организма с жизненно важными свойствами, факторами, воздействиями среды. В случае же отношений, осуществляющихся к воздействиям, которые никогда не выполняют функцию ориентирования, мы не в состоянии констатировать явлений ощущения, чувствительности. Так, например, мы полностью лишены, как известно, чувствительности непосредственно к кислороду, хотя наличие кислорода в воздухе является для нас первейшим условием жизни.

А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивает в своей работе значимость не «деловых», по выражению И.П. Павлова, воздействий среды на организм. Животные, реагируя на эти нейтральные воздействия среды, опосредованно ориентируются на воздействия и свой-

ства жизненно важные. Подводя итог развитию научных взглядов на природу ощущения, Леонтьев среди трех основных положений дает следующее: «Ощущение как чувственный образ воздействующего объективного свойства выполняет именно в этом своем качестве специфическую функцию ориентирования и только вместе с этим также функцию сигнальную» [70, с. 172].

В приведенных положениях нас интересует прежде всего факт выделения ориентирующей функции ощущения, во-первых, и, во-вторых, факт выделения ориентировки как особого процесса отражения свойств действительности, непосредственно не связанных с поддержанием жизни организма. Именно с наличием этих двух моментов связано употребление понятия ориентации при исследовании отражения на уровне живых организмов. А.Н. Леонтьев связывает возникновение чувствительности с переходом организмов из гомогенной среды, из «среды-стихии» в вечно оформленную среду, в среду дискретных предметов. Под этим разумеется следующее: первичные организмы погружены в такую среду обитания, в которой процесс обмена веществ между организмом и средой осуществляется без посредников, источники, поддерживающие существование, не выделены в среде. К таким источникам относятся химические вещества, растворенные в воде, световая и тепловая энергия и т.д. Именно на этой стадии существования чувствительность «разлита» по всему организму, не дифференцирована, не развита. Обмен веществ осуществляется в условиях, когда чувствительность играет незначительную роль. Организм здесь тоже «вписан», «пригнан» к условиям существования, к среде, в которой он находится. Его анатомо-физиологическая и морфологическая организация соответствует характеру взаимодействия между ним и средой. Источники существования здесь представляют собой свойства среды, способные вызвать у организма активные процессы, лишь воздействуя на него сами по себе, т.е. непосредственно.

Иными по характеру являются «вечно оформленные» источники жизни. Последние выступают для организма не только своими свойствами, способными оказать то или иное биологическое действие, но также устойчиво связанными с ними свойствами как, например, форма, цвет и т.п., которые, будучи биологически нейтральными, вместе с тем посредствуют существенные для жизни свойства данного оформленного вещества. Именно переход от существования в среде

с вечно не оформленными источниками жизни к существованию в среде с вечно оформленными источниками создает необходимость возникновения чувствительности как особой способности, как свойства, посредствующего взаимодействия организма со средой. Переход к существованию в условиях среды с вечно оформленными источниками жизни выражается в том, что приспособление к ней организмов приобретает качественно новую форму, связанную с отражением свойств вещной, объективно-предметной действительности. В этом случае, как это отмечает Анохин, приспособление организмов, которое всегда является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в их объективных связях и отношениях. Это и есть специфическая для психики форма отражения – отражение предметное.

В вечно не оформленной среде состояния, испытываемые организмом, зависят только от отношения воздействующего свойства к организму. В вечно же оформленной среде состояния организма определены объективным соотношением свойств среды. Эти состояния, как жизненно важные для организма, объективируются и приобретают характер субъективного отражения объективных свойств внешней действительности. Решая в этой связи вопрос о потребности и способности ориентировки живых организмов, следует особо подчеркнуть следующее:

а) возникновение чувствительности связано с переходом от существования организма в «среде-стихии» к существованию в вечно оформленной среде;

б) состояния организма определены соотношением свойств среды.

С переходом от «среды-стихии» к среде вечно оформленной основная особенность взаимодействия организма и среды (обмен веществ) не исчезает, однако связь организма со средой, его «вписанность» в среду приобретает иной характер: она опосредствуется воздействиями, свойствами среды, которые ориентируют организм в среде, т.е. опосредствуют отношения организма к другим, объективно связанным с ним свойствам [70, с. 57]. Здесь необходимо подчеркнуть, что организм находится в среде, соотносится с факторами, воздействиями и т.п., составляющими содержание последней, то есть он является элементом определенного множества, находится в этом множестве, или, другими словами, находится в биологическом пространстве на определенном месте. Характеризуя связь организма

и среды, И.М. Сеченов отмечал, что соотношение между деталями организма и условиями существования столь очевидно, что распространяться об этом предмете нечего. Но нельзя не указать на те общие выводы, к которым неизбежно приводят названные факты. Они дают, во-первых, возможность определить жизнь на всех ступенях ее развития как приспособление организмов к условиям существования, во-вторых, доказывают, что внешние влияния не только необходимы для жизни, но в то же время представляют собой факторы, способные видоизменять материальную организацию и характер жизненных отправления. Всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов – определенной, но изменяющейся организации и воздействий извне [69, с. 412].

Акцент на соотношении организма со средой, с ее свойствами, на зависимости состояний (определенности) организма от соотношения свойств элементов, составляющих среду, означает акцент на зависимости состояний (определенности) организма от его местоположения в среде. Такого рода зависимости называются нами зависимостями ориентационными. В случае ориентировки живых организмов вообще и человека, в частности, ориентационные зависимости выступают в явном виде как отношения, опосредствующие связь между организмом и жизненно важными факторами среды. На уровне живых организмов ориентация проявляется как совокупность объективных отношений, выражающих зависимость организма от его местоположения в среде.

Одной из важнейших форм ориентировки здесь является ориентировка в физическом пространстве. Изучению способностей организмов к такого рода ориентировке посвящено немало работ в современной научной литературе [71; 72; 73]. Нас, в первую очередь, интересуют не столько механизмы ориентировки, которые по преимуществу исследуются в названных работах, сколько сам феномен ориентировки, тот факт, что живые организмы выработали в себе ориентировочные реакции, средства, механизмы ориентировочной деятельности. Естественно, что возникновение и развитие этих механизмов, в частности, механизма ориентировочного рефлекса, осуществлялось под воздействием свойств окружающей среды и явилось отражением на уровне живых организмов зависимости состояний (определенности) организма от его местоположения в среде.

Характеризуя отражение ориентационных зависимостей между

живыми организмами, необходимо подчеркнуть, что ориентировка, являясь важнейшим моментом в приспособлении организмов к окружающему миру, является вместе с тем формой отражения, в основе которой лежит учет, фиксация в анатомо-физиологических и морфо-физиологических структурах организма фундаментальных пространственно-временных свойств материи. Она является отражением связи определенности организма и пространственно-временных характеристик его существования, является, следовательно, выражением на уровне живой природы фундаментальной связи пространства и материи.

В ориентировке на уровне живых организмов осуществляется не только учет, отражение связи определенности (состояний) организма и его местоположения, но и активное использование этой связи как объективного фактора. Именно с выделением ориентировки как особого рода деятельности организмов, отражающей определенные закономерности действительности, связано и выделение в явном виде таких характеристик ориентации, как *ориентирующие воздействия*, *ориентирующие свойства*, *ориентирующие факторы*, *ориентирующие зависимости*, *отношения* и т.д. О них здесь становится возможным говорить как о реальных, поддающихся экспериментальному исследованию факторах.

2.2.2 Ориентационная деятельность на уровне психической организации

Обращаясь к рассмотрению ориентационной деятельности и ее механизмов на уровне психической организации, заметим, что среди различных психологических потребностей в рамках настоящей работы важнейшей представляется потребность в устранении расхождений, возникающих между организмом и окружающей средой. При этом перед индивидом, как отмечает Гальперин, открываются не отдельные вещи, а *поле* вещей – совокупность «элементов» в определенных взаимоотношениях. В этом поле представлен и сам индивид, каким он себя воспринимает среди прочих вещей. Без учета своего положения в поле вещей индивид не мог бы определить направление их действий, не мог бы установить, происходит ли движение другого тела на него, от него или мимо, с какой стороны, как далеко, каково расстояние между ним и другими объектами, словом,

не мог бы использовать психическое отражение по его прямому назначению – для ориентировки в ситуации [74, с. 60].

В известной мере сама психическая деятельность порождается тем объективным обстоятельством, что в условиях изменяющейся среды организму недостаточно для нормального функционирования действия только физиологических механизмов отражения (инстинктов, рефлексов и т.п.). П.Я. Гальперин отмечает, что в условиях, когда пути автоматического реагирования заблокированы для организмов, возникает потребность в особого рода деятельности, содержание которой составляет выбор пути, определение конкретного содержания действия, приспособление действия к наличным обстоятельствам, т.е. возникает потребность в ориентировочно-исследовательской деятельности. В условиях, когда возникает необходимость организму действовать, но не так, как организм умеет, не автоматически, а как-то иначе, причем еще неизвестно как, выходом для него становится психическое отражение. Оно выступает в двух видах: как побуждения и как образы. Но ни побуждения, ни образы не предопределяют конкретное содержание действий. Выяснение этого содержания становится отдельной задачей – одной из общих задач ориентировочно-исследовательской деятельности. Следует обратить внимание на то, что П.Я. Гальперин определяет необходимость возникновения и важность осуществления ориентировочно-исследовательской деятельности с точки зрения раскрытия предмета психологии. Он особо подчеркивает при этом и то, что существует функциональная теснейшая связь между психическим отражением и субъектом действия, утверждая, что психические отражения получают свое естественное место только в системе осмысленной предметной деятельности субъекта, так и то, что психические отражения составляют только условия ориентировочной деятельности, а сама деятельность заключается в том, чтобы, прежде всего, разобраться в реальности с сигнальным признаком.

Характеризуя общую задачу ориентировочно-исследовательской деятельности, Гальперин пишет, что она включает ряд подчиненных задач: исследование ситуации, выделение объекта актуальной потребности, выяснение пути к «цели», контроль и коррекцию, т.е. регулирование действия в процессе исполнения. Каждый из названных моментов достаточно сложен и относительно самостоятелен. В отличие от условно-рефлекторной деятельности, в рамках которой

реакция на новизну ситуации и на рассогласование наличного состояния организма с требуемым, сообразно обстановке, осуществляется в форме ориентировочного рефлекса, ориентировочно-исследовательская деятельность человека включает в себя действия, выполняемые «в умственном плане», т.е. воспроизводящие действительность в плане образа.

Именно здесь заложены те особенности, которые делают ориентировочно-исследовательскую деятельность на уровне психики человека необходимым и эффективным орудием удовлетворения, если не наиважнейших, то примыкающих к ним жизненных потребностей. Дело в том, что у человека в состав идеальных действий включаются разные вспомогательные средства, своеобразные орудия, усвоенные и только идеально воспринимаемые масштабы, эталоны, критерии, образцы, «воображаемые координаты», приемы выдвижения одних сторон или частей на передний план с отодвиганием других на второй или даже на задний план и т.д. Эти вспомогательные средства во много раз увеличивают эффективность идеальных действий, меняют явственное содержание образов, его оперативное значение, а следовательно, и заложенные в образах возможности активных действий.

Не рассматривая подробно механизм ориентировочно-исследовательской деятельности (анализ ориентировочной деятельности в целом основательно осуществлен П.Я. Гальпериным в его книге «Введение в психологию»), отметим важность ее как с точки зрения исследования сущности психических процессов, так и с точки зрения исследования средств приспособления человека к окружающей среде и средств овладения окружающей действительностью.

В основе своего генезиса эти средства имеют ориентировочные потребности человека, развивающегося общества. Раскрывая механизм ориентировочных действий, П.Я. Гальперин пишет, что его можно уподобить в некотором самом общем виде образованию ориентировочных значений, так сказать, ориентировочных раздражителей однократного действия. Отличие этих раздражителей состоит в том, что они не вызывают какой-нибудь определенной реакции, а только указывают на объективную связь между объектом А и объектом В, прослеживая которую или двигаясь вдоль которой субъект может перейти от А к В или в обратном направлении. Он может сделать это физически или одной «точкой зрения», в границах наличной

ситуации или подготавливаясь к ожидаемой. Этим значениям «указаний на» соответствуют разные действия, которые не выпускаются на исполнительную периферию, а сначала намечаются в плане образа, следовательно, только как возможные.

Важным здесь является определение фактического места ориентировочной деятельности в сфере человеческой активности на уровне психического отражения действительности в том смысле, что ориентировка как особого рода деятельность предваряет исполнительные действия. Это своего рода «переваривание» наличной ситуации, приведение ее в плане образа в ситуацию знакомую, отвечающую необходимым потребностям и ограничениям физиологического и социального плана, которые являются неотъемлемыми элементами человеческого существования. Сама ориентировочная деятельность состоит из ряда действий: составление представления о ситуации, определение ее значения для себя, выработка плана действия, контроль над его исполнением. При этом основные операции ориентировочной деятельности могут выполняться в форме познавательной, эмоциональной и волевой [75, с. 166]. Предварительное, в плане образа, направление действия – таков результат ориентировочной деятельности. Не случайно П.Я. Гальперин многократно повторяет, что психологическая ориентировка начинает действовать в тех ситуациях, когда нет готового механизма для успешного решения их задач. В практической же деятельности людей ситуация, в которой небольшое изменение привычных условий требует такого же необходимого, соответствующего применения действия является общим случаем. Именно в этом случае, когда в наличной ситуации отсутствуют условия, которые автоматически обеспечивают успех ситуации, когда нужно обеспечить этот успех иным путем, иногда вопреки сбивающим влияниям внешней среды или прежде усвоенных привычек субъект прибегает к ориентировочной деятельности [74, с. 89].

Настоящее исследование по своему содержанию и направленности не может не опереться на положения разработанной Гальпериным концепции ориентировочной деятельности, ибо по сути они являются средством связи философского абстрактно-теоретического построения с богатым естественнонаучным материалом психологических исследований на ином уровне и несколько иными средствами, решающими родственные задачи.

Оставаясь в рамках психологического исследования, Гальперин не суживает вместе с этим границы проявления ориентировочной деятель-

ности. Проводя отличие ее от деятельности собственно ориентировочно-исследовательской, он пишет, что прибавление «исследования» к «ориентировке» (это нисколько не мешало в опытах Павлова) для нас становится уже помехой, так как ориентировка не ограничивается исследованием познавательной деятельности, а исследование может вырастать в самостоятельную деятельность, которая сама нуждается в ориентировке.

Выделяя ориентировочную деятельность как таковую, П.Я. Гальперин отличает ее от деятельности исследовательской. Другой важный для нас момент определения ориентировочной деятельности состоит в том, что она не ограничивается только интеллектуальными функциями, и в этом плане и потребности, и чувства, и воля не только нуждаются в ориентировке, но с психологической стороны представляют не что иное, как разные формы ориентировочной деятельности субъекта в различных проблемных ситуациях, разных задачах и с разными средствами решения.

Разумеется, здесь дано очень широкое толкование ориентировочной деятельности человека. Психологическое значение потребностей, чувств и воли состоит не только в том, что они в значительной мере инициируют и стимулируют ориентировку и переориентировку субъекта в окружающей действительности. Главное заключается в том, что чувства интересуют психолога не просто как «переживания», а наоборот, *сами переживания* составляют предмет психологии как особый *способ ориентировки* в жизненных условиях, новый по сравнению с интеллектуальной деятельностью... То же самое можно сказать о воле. И воля представляет собой особую форму ориентировки субъекта в таких положениях, где ни интеллектуальной, ни аффективной оценки уже недостаточно [74, с. 92]. Из всего этого следует, что все формы психической деятельности, не только познавательные, интеллектуальные, представляют собой различные формы ориентировки субъекта в проблемных ситуациях. Эти различные формы возникают потому, что различны обстоятельства, в которых оказывается субъект, различны встающие перед ним задачи и средства, с помощью которых решаются эти задачи. Важен и другой вывод, сделанный П.Я. Гальпериным. В нем утверждается: «Если все формы душевной жизни представляют собой разные формы ориентировочной деятельности, то другая сторона этого положения заключается в том, что психология во всех так называемых процессах и функциях изучает именно эту ориентировочную сторону» [74, с. 93].

Данный вывод ценен, прежде всего, признанием важности ориентировочной деятельности в такой фундаментальной сфере человеческого бытия, каковой является психика. Особого же внимания, с точки зрения настоящего исследования, заслуживают те положения в принятом Гальпериным анализе, где говорится о понимании мышления в психологии. Согласно Гальперину, психология изучает не просто мышление и не все мышление, а только процесс ориентировки субъекта при решении интеллектуальных задач, задач на мышление. Психология изучает ориентировку субъекта в интеллектуальных задачах на основе того, как содержание этих задач открывается субъекту и какими средствами может воспользоваться субъект для обеспечения продуктивной ориентировки в задачах такого рода, для ориентировки в процессе мышления [74, с. 94].

Тем самым психология заявляет о своем приоритете в исследовании феноменов ориентационной деятельности. Понимание мышления, чувств, воли как специфических форм ориентировочной деятельности не может, разумеется, не получить признания в науке, изучающей отношение мышления к бытию вообще и отношение человека к миру, опосредованное мышлением, в частности, каковой является философия. И уже здесь, рассматривая мышление и его высшие формы в рамках этого понимания, вполне естественно сделать вывод о мышлении (в том числе и о мышлении теоретическом) как о средстве наивысшей ориентировки в мире и рассмотреть теперь не в психологическом, а в логико-гносеологическом и методологическом аспектах ориентационную сущность мышления, сознания, рассмотреть ориентацию на уровне социальной деятельности человека.

Нужно учесть, что и в анализе ориентировочной деятельности, осуществляемом П.Я. Гальпериным, просматривается определенный «сквозной» ее характер: она пронизывает интеллектуальную, эмоциональную, волевую сферы человеческой жизнедеятельности, в форме ориентировочного рефлекса – сферу физиологической деятельности.

Не случайно, характеризуя чувства, Гальперин отмечает, что для психологии самое важное заключается в том, что чувства представляют собой очень своеобразные и притом могущественные способы ориентировки в жизненно важных обстоятельствах, что этого рода ориентировку нельзя заменить ни интеллектуальным решением, ни волевым усилием, что глубокие физиологические изменения при остром возникновении чувств и нервные механизмы, обеспечиваю-

щие эти изменения, генетически сложились и в нормальных условиях служат для сохранения этой ориентировки и успешного выполнения последующей деятельности [74, с. 95].

Ориентировочная деятельность, выделяемая П.Я. Гальпериным, в качестве специфического предмета психологических исследований с необходимостью становится предметом внимания и изучения других наук, в особенности философии, именно потому, что «самое важное в жизни – правильно ориентироваться в ситуации, требующей действия, и правильно ориентировать его исполнение», а также потому, что процесс ориентировки составляет главную сторону каждой психической деятельности и всей психической жизни в целом, что именно ориентировка оправдывает все другие стороны человека.

Исследование, проведенное П.Я. Гальпериным, достаточно отчетливо выявляет сущность и значение ориентировочной деятельности на уровне психических потребностей человека и представляет собой теоретическую проработку этого феномена как особого предмета познания в психологической науке. Но существуют потребности иного рода, рождаемые социальной деятельностью, общественным способом бытия человека. Это потребности мировоззренческого уровня: нравственные, эстетические, религиозные, познавательные и т.д. Выражая особенности отношения человека к миру и себе, они создают предпосылки иного уровня и типа ориентаций. Их реализация осуществляется средствами, имеющими не столько психологическую, сколько социально-психологическую и социальную природу.

2.3 Опыт теоретической рефлексии

Приведенный анализ биологической и психической сфер жизнедеятельности человека не может сам по себе автоматически сформировать теоретическое представление, понимание того вида деятельности, который именуется в настоящей работе деятельностью *ориентационной* или *ориентационно-ориентировочной*.

Формирование такого представления предполагает не только анализ, но и обобщение, абстрагирование, синтез понятий: «психологическая ориентировка», «социальная ориентация», «нравственная ориентация», «гносеологическая ориентация» и т.д. Это первое, что необходимо иметь в виду. Вторым условием, необхо-

димым для формирования теоретической абстракции, гносеологического образа ориентационно-ориентировочной деятельности, является выделение ориентировочных действий как общего момента в структуре деятельности. Наконец, третьим обстоятельством, помогающим в формировании искомой абстракции, является использование некоторых идей, высказанных М.С. Каганом в его опыте системного анализа человеческой деятельности [76]. При этом решающим моментом, обусловившим рассмотрение выдвигаемых в работе М.С. Каганом положений, является то, что, исследуя деятельность как целое, как систему, он в морфологическом ее анализе наряду с тремя другими видами в качестве основного выдвигает вид деятельности, называемый им *ценностно-ориентационной деятельностью*.

В рамках решаемых задач для нас существенно то, что этот вид у Кагана является теоретическим обобщением соответствующих проявлений деятельности в различных областях человеческого бытия, во-первых, и, во-вторых, даваемое Каганом функциональное истолкование деятельности устанавливает, что «в деятельности человек раскрывает свое место в мире и утверждает себя в нем как существо общественное» [76, с. 77]. То есть речь идет о переходе от уровня биологического и психического к уровню социальной деятельности. Это имеет принципиальное значение, поскольку выстраивается фиксируемая научной мыслью вертикаль проявлений ориентационной деятельности на всех основных уровнях жизнедеятельности человека: физиологическом, психическом, социальном.

Характеризуя ценностно-ориентационную деятельность, Каган пишет, что этическая, религиозная, политическая, эстетическая ориентации человека есть формы деятельности *ценностного* сознания человека. Возражая против абсолютизации данного утверждения, ибо с нашей точки зрения этическая, религиозная, политическая, эстетическая ориентация есть специфические формы деятельности соответствующих видов сознания: нравственного, религиозного, политического, эстетического, нельзя не подчеркнуть сам факт рассмотрения и понимания Каганом приведенных видов ориентации как форм деятельности сознания.

М.С. Каган стремится подчеркнуть специфику ценностно-ориентационной деятельности, ее отличие от деятельности по-

знавательной. На данную точку зрения «работает» и подмеченное М.С. Каганом подобие ценностно-ориентационной деятельности и деятельности познавательной, заключающееся в том, что сознание, осуществляющее ценностно-ориентационную деятельность, также располагает широким спектром форм, один край которого представлен эмпирической оценкой единичных объектов (например, данного поступка, данного произведения искусства и т.д.), а другой – теоретико-обобщенными оценочными суждениями в виде абстрактных нравственных или политических норм, заповедей, кодексов [76, с. 77].

Рассматривая ценностно-ориентационную деятельность как особый вид деятельности, Каган раскрывает специфику объекта и субъекта ценностно-ориентационной деятельности. Он пишет, что объектами ценностно-ориентационной деятельности, как и в других видах деятельности, могут быть природа, общество, человек и «Я» оценивающего субъекта. В первом случае мы имеем дело с эстетическими и религиозными ценностями, во втором – эти две оценочные плоскости дополняются ценностями политическими и правовыми, в третьем и четвертом – они дополняются ценностями нравственными. В суждениях о субъекте ценностно-ориентационной деятельности отмечается, что сам характер деятельности меняется в зависимости от того, кто выступает в качестве субъекта: личность, социальная группа или общество в целом.

Если субъектом является личность, то ценностно-ориентационная деятельность выступает как деятельность ее индивидуального сознания, вырабатывающего ту или иную систему ценностей и осуществляющего самооценку в той мере, в какой оно осуществляет акт самопознания. Когда субъектом становится социальная группа (класс, нация и т.д.), ее ценностно-ориентационная деятельность разворачивается в сфере общественной психологии и выражается в вырабатываемых ею оценках других социальных групп и в самооценке (классовой, национальной и т.п.). Когда, наконец, субъектом является социум, мы вступаем в сферу общественного сознания. Такое понимание субъекта и объекта ценностно-ориентационной деятельности может быть основанием для понимания субъекта и объекта ориентационной деятельности в целом.

В анализируемой работе имеется немало других положений, раскрывающих место и связь ценностно-ориентационной деятель-

ности с другими видами деятельности преобразовательной, познавательной, коммуникативной, определяющих функцию ценностно-ориентационной деятельности. Однако, разделяя мысль о видовом характере ценностно-ориентационной деятельности, мы не можем, как это имеет место у М.С. Кагана, резко противопоставлять ценностно-ориентационную и познавательную деятельность. Следует, говоря точнее, видеть отношение различия этих видов деятельности. С развиваемой нами точки зрения, оно является скорее отношением *познавательно-ориентационного и ценностно-ориентационного* видов деятельности человека, т.е. отношением, возникающим в структуре самой ориентационной деятельности. Не случайно сам М.С. Каган вводит понятие ценностного блока и блока ориентационного как относительно независимых блоков, определяющих совокупную деятельность человека.

Необходимо отметить, что, специфически решая иную, нежели нами поставленную задачу, М.С. Каган в обобщенном и систематизированном виде представляет деятельность, в содержании которой существенным компонентом является ориентационный компонент, и фактически им вводится предпосылка системного рассмотрения ориентационной деятельности. Речь идет о том, что в рамках рассматриваемых М.С. Каганом проблем уместны были бы и термины «ориентационно-преобразовательная деятельность», «коммуникативно-ориентационная деятельность», «деятельность ориентационно-познавательная» при условии, что было бы дано истолкование не только преобразовательной, познавательной и коммуникативной сторон данных видов деятельности, но также истолкование «ориентационной стороны». Указанное обстоятельство при иных условиях могло бы остаться незамеченным, однако в свете решаемых нами задач, в условиях, когда ценностно-ориентационная деятельность рассматривается как один из основных видов в целостной структуре деятельности, указанное обстоятельство выходит на передний план.

Ранее отмечалось, что на различных уровнях жизнедеятельности человека закономерным является возникновение обстоятельств, когда наличных и привычных действий оказывается недостаточно и когда необходимым становится отыскание нестандартных действий, поведения, способа деятельности вообще. Различие форм и видов жизненных проблемных ситуаций и, соответственно, качественное

различие способов их разрешения не отменяет наличия в них определенных общих признаков: а) неопределенности, нестандартности, новизны; б) обилия, сложности и противоречивости; в) насущной потребности выхода из проблемной ситуации, из состояния неопределенности; г) формирования механизма (механизмов) выхода из состояния неопределенности.

Закономерность и направленность развития человека к высоко организованному социальному существу, выражающаяся, в частности, в переходе его от биологических программ жизнедеятельности к программам социальным, определяет не только специфическое преломление в социальном биологических потребностей человека, но определяет также соответственный переход его от одних форм разрешения проблемных (жизненных, ориентационных) ситуаций к другим. Сообразно уровню развития человека и характеру его потребностей формируются и средства их удовлетворения.

Поскольку же социальная и духовная жизнь человека не отменяют его биологическую жизнь, постольку вся сложность и взаимопроникновение этих сторон жизни находят свое выражение в сложности и взаимопроникновении, в диалектической соотнесенности и взаимодействии соответствующих форм, видов и механизмов деятельности, актуализирующих и реализующих свойственный им ориентационный момент. О различии, единстве и взаимодействии экзистенциальных, *ценностных ориентаций* и *ориентаций рационально-познавательного типа* свидетельствуют некоторые суждения М. Вебера и Ф. Достоевского, уделивших достаточно много внимания такого рода проблематике.

Характерны следующие высказывания М. Вебера о соотношении рационального и ценностного в познании и деятельности. «В естественных науках, — пишет он, — практическая ценностная точка зрения, которая сводилась к непосредственно технически полезному, была изначально тесно связана с унаследованной от античности, а затем все растущей надеждой на то, что на пути генерализирующей абстракции и эмпирического анализа, ориентированного на установленные законами связи, можно прийти к чисто «объективному» и вместе с тем вполне рациональному, монистическому познанию всей действительности в виде некоей системы понятий, метафизической по своей значимости и математической по форме... Когда же современная биология подвела под понятие общезначимого принципа развития и те компонен-

ты действительности, которые интересуют нас исторически... и этот принцип, как казалось, хотя последнее и не соответствовало истине, позволил включить все существенные свойства объекта в схему общественно-значимых законов, тогда как будто действительно наступили «сумерки богов» для всех ценностных точек в области всех наук. Только «закономерное» может быть существенным в явлениях, «индивидуальное» же может быть принято во внимание только в качестве «типа», то есть в качестве иллюстрации к закону. Интерес к индивидуальному явлению как таковому «научным» интересом не считался» [77 с. 384].

На иную сторону обращает внимание Ф.М. Достоевский, который в романе «Братья Карамазовы» объединяет различные типы ориентации: религиозную, экзистенциальную, ценностную и рационально-познавательную в ориентацию эстетическую. Иван Карамазов, будучи атеистом, говорит, что если человек не бессмертен, то человеческая жизнь лишена смысла. Ведь если вечная жизнь невозможна, если нет божьего воздаяния и наказания, то все дозволено. Он полагает, что смысл и цель связаны с нравственностью и ценностью, а нравственность и ценность невозможны без вечной жизни. Вечная жизнь здесь задает бесконечные пространственно-временные параметры для самоопределения человека. Поэтому Иван думает, что конечность жизни равносильна ее бесцельности. Но, как верно пишут Дж. Тейчман и К. Эванс, анализирующие роман Ф.М. Достоевского, «некоторые мыслители доказывали, что и вечная жизнь была бы бесцельна. В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн спрашивает: «Разве вечная жизнь не такая же загадка, как наша реальная жизнь? Как связаны время и вечность с целью. Разве время, вечность и цель — не совершенно разные вещи? Есть ли у нас основания полагать, что вечное более целесообразно, чем конечное? Насколько нам известно, вселенная, материя и энергия могут быть вечными, но мы не знаем, имеют ли они цель и в чем заключается эта цель. Размышления о цели жизни, о причине божественного творения жизни равносильны размышлениям о причине существования материи и энергии... Возможные цели творца и известные нам цели человечества — разные вещи. Даже если бы мы достоверно знали, что жизнь не была создана творцом, имевшим собственные цели, человечество могло бы иметь и действительно имеет свои цели» [78, с. 202–203].

Иван Карамазов думает, что вся мораль, все ценности исходят от Бога, а потому если Бога нет, то нет по-настоящему достойной цели.

Если Бога нет, то помощь бедным и угнетенным ничем не отличается от помощи жестоким угнетателям. Тейчман и Эванс пишут: «С одной стороны, роман показывает, что смерть Бога неминуемо приводит к смерти ценностей. С другой стороны, можно подумать, что даже последняя катастрофа, «смерть Бога» не уничтожает ценностей. Ценности живы, пока жив человеческий род, даже если человеческие существа не верят в Бога». Известно ведь, что хотя большинству не верящих в Бога неведомо отчаяние из-за смерти Бога, но они наравне с верующими, как правило, любят справедливость, ненавидят жестокость, уважают человеческие начала и верят в святость жизни: «немногие буддисты верят в Бога, но все они верят в святость жизни» [53, с. 202].

Анализируя отношение понятий *ориентация и ценность*, необходимо обратить внимание на то, что как раз через эти понятия, более того, через их сочетание, а именно через понятия «*ценностная ориентация*» и «*ценностные ориентации*», а также понятие «*социальная ориентация*» социология второй половины XX века стремилась выразить свой особый интерес к индивидуальному явлению, каковым выступил, прежде всего, человек-личность, человек-социальный атом, социальная единица. И здесь уже именно ценностный взгляд не только способ проявить интерес к индивидуальному, случайному, не закономерному и не отвлеченно общему, но и способ вскрыть индивидуальность, случайность как самодостаточный научный феномен, исследование и изучение которого не менее важно, чем открытие «объективного закона». Соотношение же единичного и общего, конечного и бесконечного, случайного и необходимого, пронизывающее реальное взаимодействие человека с окружающим миром и порождающее экзистенциальные, ценностные и рационально-познавательные аспекты его жизнедеятельности, закономерно выводит к обобщающим характеристикам связи различных видов ориентации (ориентационной деятельности) и смысла человеческой жизни.

Являясь целостностью, человек несет в себе различные потребности и различные способы их деятельностного удовлетворения. Исходя из единства и различия уровней жизнедеятельности человека, соответствующих уровней и видов ориентационной деятельности и констатируемой общности в них ориентировочного момента, в качестве вывода подраздела понятие ориентационной (ориентационно-

ориентировочной) деятельности формулируется следующим образом: *ориентационно-ориентировочная деятельность – это специфическая, отличная от иных видов (оценочной, нравственной, эстетической, познавательной и т.п.) деятельность человека по удовлетворению ориентационно-ориентировочных потребностей, возникающих на уровнях биологических, психических, социальных, духовных взаимодействий и осуществляемая соответствующими механизмами условных рефлексов, психики и сознания.* Это деятельность, в рамках которой указанные механизмы обуславливают, обосновывают, настраивают, выстраивают все действия субъекта ориентации сообразно обстоятельствам места и времени, понимаемым здесь в их самом широком философском смысле.

Двойственность термина обусловлена как необходимостью отличия данного вида деятельности от деятельности ориентировочной, являющейся формой ориентационно-ориентировочной деятельности, так и необходимостью подчеркивания, выделения собственно ориентационного момента как такового в самой сущности этого вида деятельности, в отличие, положим, от той же ценностно-ориентационной деятельности.

Понятие ориентационно-ориентировочной деятельности суть абстракция, гносеологический образ, ибо реально имеют место различные ее формы: ориентировочная деятельность психики, ценностная ориентация субъекта, социальная ориентация личности и т.д. Выделяя общее, что присуще всем этим формам и что в контексте всего сказанного ранее может рассматриваться в качестве сущности, смысла ориентационно-ориентировочной деятельности, сам смысл, сущность ее мы видим в отыскании человеком такой его физической, психической и социальной определенности, определенности его психического поведения, определенности его образа действий, которая бы наилучшим способом, характером или качеством соответствовала непрерывным изменениям окружающей действительности – природной, экономической, политической, нравственной, научной и т.д.

Введение понятия ориентационно-ориентировочной деятельности акцентирует внимание на следующих моментах. Во-первых, на том, что с развитием ориентационно-ориентировочных потребностей совершенствуются и развиваются механизмы ориентационной деятельности, что на уровне высших социальных потребностей такими механизмами становятся сознание обыденное и теоретическое. Во-вторых,

на том, что механизм ориентационно-ориентировочной деятельности достаточно глубоко и содержательно к настоящему времени раскрыт только в сфере реализации биологических потребностей человека, а также в сфере потребностей психической деятельности.

Понятие ориентационно-ориентировочной деятельности возникает как отражение определенной закономерности в развитии той стороны активности человека, которая связана с его приспособлением к окружающему природному и социальному миру и с его (человека) практическим, деятельным овладением этим миром. Мышление и практика – вот орудия развития человека в этой сфере! Но сами трудовая деятельность и мышление не остаются неизменными. Они достигают своих все более развитых и совершенных форм. Являясь наиболее совершенной, по сравнению с физиологическими механизмами ориентировки, психика человека становится основанием еще более эффективных средств ориентационно-ориентировочной деятельности. В числе таковых выступает, например, теоретическое мышление, в частности, естественнонаучное и философское знание. Рассматривая ориентационно-ориентировочную деятельность как необходимую сторону функционирования качественно развивающихся механизмов приспособления и овладения окружающим миром, правомерно понимать также развитие этих механизмов, а именно труда и мышления, зависящих от потребностей ориентационно-ориентировочной деятельности; понимать, следовательно, сами эти механизмы в указанном плане как формы, способы реализации ориентационно-ориентировочной деятельности.

С представляемой точки зрения, *структура* ориентационно-ориентировочной деятельности строится в соответствии с характером развития механизмов, опосредствующих взаимодействие человека с окружающей природой и социальной действительностью. В этом плане различные виды ориентационно-ориентировочной деятельности, «разставленные» сообразно различиям их социально-исторического возникновения, образуют структуру, в которой биологическая, психологическая, социально-психологическая, разнообразные виды социальной ориентации становятся в отношении определенной субординации: от низшего к высшему, от простого к сложному. Чем выше качественный уровень взаимодействия человека с окружающей средой, тем выше и совершеннее требуются механизмы ориентации. И эти механизмы возникают, формируются и совершенствуются в ходе исторического развития человека.

Логика здесь такова: 1. Поскольку анатомо-морфологических механизмов оказывается недостаточно для осуществления приспособительной деятельности, для обеспечения жизни, постольку возникает особый механизм жизнедеятельности – психика, обеспечивающая организму ориентировку в мире (Анохин, Гальперин, Леонтьев). 2. Развитие психики диктуется изменениями человеческих общественных потребностей. 3. С развитием психики меняется и характер выражающей ее сущность деятельности – ориентировочной деятельности. Она во все большей степени превращается в интеллектуальную деятельность. 4. Психика движется к высшей своей форме, сознанию, и, в конечном счете, к теоретическому, логическому (но также и внелогическому, как компенсирующему ограниченность и прямолинейность логического) мышлению. 5. На основе и на фоне все более высокой степени социализации потребностей человека происходит становление такого сложного «механизма», как общественное сознание с его многообразными формами, в том числе и философией как одной из важнейших форм отражения действительности. 6. Подобно тому, как наука есть не только отражение, но и деятельность, философия также есть не только отражение, но и деятельность, вызванная в своих действительных истоках потребностями развития человечества. 7. Ориентировочная потребность в связи с социализацией человека и развитием его психики во все большей степени преобразуется в потребность ориентационную с соответствующими механизмами удовлетворения, в том числе логико-теоретическим мышлением, эстетическим творчеством и т.д., и, в конечном счете, с философской деятельностью как наивысшим механизмом удовлетворения потребности человека в ориентации в мире и в себе самом.

Аналогичное можно сказать и о других формах общественного сознания: рождаясь в силу необходимости совершенствования способов ориентации в мире, существуя в качестве высших механизмов реализации ориентационной деятельности, они, как и философия, обретают при определенных обстоятельствах самостоятельное значение. Речь идет, следовательно, не только о социокультурной, но и о генетической укорененности различных форм и видов сознания в ориентационные предпосылки жизнедеятельности человека.

2.4 Аспект свободы и необходимости

2.4.1 Свобода и необходимость в структуре ориентационной деятельности

Там, где явление, вещь, организм и т.п. включены во множество других явлений, где определенность явлений и вещей зависит от их местоположения во множестве других явлений и вещей, там интерес к этой зависимости для живого организма опосредован и многократно усилен не только желанием «снять», устранить неопределенность, но и желанием предвосхитить случай как проявление необходимости и неопределенности.

Категории места, времени, необходимости, случайности отнюдь не по недоразумению находятся в одной плоскости логического осмысления человеком мира. Более того, классические представления пространства и времени неразрывны с представлениями о порядке, закономерности, необходимости. Именно потому математика, будучи во многом наукой о пространственных (геометрия) и временных (арифметика) соотношениях, уже с истоков зарождения современной науки (Бэкон, Галлилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц) выступает в качестве наиболее эффективного способа выражения закономерности, необходимости. В определенном смысле математика есть способ раскрытия необходимости через призму пространственно-временных форм бытия сущего; есть способ выражения топологии необходимости.

Но если математика есть выражение порядка и необходимости, то чем и как выражается противоположная сторона бытия – случайность? Попытка редуцировать случайность к необходимости и выразить тем самым ее через математику есть, фактически, потеря случайности как таковой, есть изучение ее только в аспекте причастности к необходимости. Вероятностные процессы, изучаемые, представляемые в математике, эту необходимостную сторону случайности (случая, умноженного, повторенного энное число раз) выражают. Более того, и гносеология, и логика акцентируют на ней внимание как на предпосылке познания вообще: индукция суть движение мысли от единичного к общему, от случая к необходимости. Эта редукция, на наш взгляд, не решает исчерпывающим образом проблему

выражения объективного содержания, истины случая как такового в сознании человека. В то же время вполне понятно, что нематематическое выражение истины случая означает выход мышления за рамки представлений пространства и времени, ассоциирующихся с порядком, упорядоченностью, рядом, линейностью и т.д., всем тем, на чем строится затем аксиоматика математики как выразительницы порядка и противницы, врага хаоса и случайности.

Такой выход не означает вообще отказ от пространственно-временных характеристик бытия сущего как имманентных его атрибутов вообще. Он означает лишь осознание «нелинейного» типа этих характеристик бытия. С этой точки зрения, Случай есть не что иное, как своеобразная «мутация» пространственно-временных характеристик бытия, принятых в нашем сознании за норму, ассоциирующуюся с порядком и необходимостью. Бытие остается пространственно-временным, но пространство-время случая радикально отлично от пространства-времени необходимости. Существование куматоид также не отменяет существования соответствующих им форм пространства и времени.

Свобода воли и свобода мышления человека как раз и проявляется в его способности – осознанной или неосознанной – смещать, мутировать пространственно-временные параметры бытия. Она заключается в его способности рождать Случай. Такое представление, конечно, отличается от интерпретации человека как существа, осуществляющего негэнтропийные процессы, упорядочивающие окружающую среду. Но человек тем и специфичен, что, придя в этот мир, благодаря временному «союзу» необходимости и случайности, всей своей жизнью пытается использовать этот союз: он стремится очистить внешний мир от случайного, чтобы с тем большей энергией дать свободу внутренней стихии, творчеству как творению единичного, уникального, неповторимого. Механизмы ориентационной деятельности выступают у него по отношению к внешнему миру в качестве специфических фильтров «улавливания» случайности, приспособления к ней. Но те же механизмы по отношению к внутреннему миру служат средством формирования случая, средством реализации фактора свободы воли, ибо свобода не может ассоциировать себя исключительно с необходимостью; она имеет не меньшее право ассоциировать себя со случаем. И если ориентационная деятельность человека по отношению к внешнему миру есть деятельность,

функционально нацеленная на профилактику случая, могущего разрушить, уничтожить человека как индивида, личность, субъект, то ориентационная деятельность его по отношению к внутреннему миру нацелена на поиск факторов, обладающих энергетикой реализации человека как индивида, личности, субъекта. В первом случае субординация механизмов ориентационной деятельности идет в сторону подчинения субъектного личностному, а личностного индивидуальному, во втором, наоборот, индивидуального – личностному, а личностного – субъектному. Поэтому социальные механизмы ориентации используются человеком для самосохранения в мире природных и социальных процессов, а индивидуальные, находясь в фундаменте целостного ориентационного процесса, – на реализацию неповторимости, уникальности бытия человека.

Здесь следует иметь в виду, что общество, как феномен сущего, содержит в себе:

1. Энергетику индивидного бытия человека (биохимия, биофизика и т.д. живого; биология процесса воспроизводства человека как живого организма).

2. Энергетику личностного бытия человека (энергия слова, языка, социальных форм общения, энергетика психологического взаимодействия).

3. Энергетику субъектного бытия человека (средства коммуникации, библиотеки, компьютерные сети и т.д.). Если бы общество не «накладывало свою руку» на индивидное существование человека, он сохранил бы ориентационные механизмы, присущие животному миру, и, наоборот, если бы человек не стремился преодолеть неудобства жизни в этом животном мире, он не искал бы иных форм бытия, в том числе общественную. Но, возникнув, общество стало подчиняться своим собственным законам существования, и человек, в свою очередь, должен был подчиниться этим законам. Он стал социализированным существом, существом, получающим энергетику своего существования как личности «из рук» общества.

Однако и над самим обществом выстраивается, формируется новое специфическое образование – общественное сознание, которое также обретает свои собственные формы и законы бытия, относительно независимые от конкретности социальных образований, устройств. И теперь уже это, духовное по своей сути образование, являющееся продуктом деятельности индивида и общества, «накладывают свою

руку» на бытие человека, заставляет его не довольствоваться уровнем и механизмами социальной ориентации, но выходить в область ориентации субъектной, то есть в область ориентаций, опосредованных мировоззренческим теоретическим знанием. Это уровень субъектных ориентаций, связанный с тем, что человек выходит своим бытием за пределы мира социума как такового, в мир космического и астрально-го. Ибо современный человек готов верить, если не убежден вполне, что вся энергия его биологического и духовного бытия поступает из космического мира, от Бога. Потому уровень субъектных ориентаций для него не менее значим, чем уровень ориентаций индивидуальных.

Но те же механизмы, обернутые вовнутрь, во внутренний мир человека, как уже было сказано, нацелены на обнаружение факторов, обладающих энергетикой реализации человека как индивида, личности, субъекта. Результаты практической деятельности, осуществляемой на основе этих механизмов, в прямом, а не обратном соответствии с указанной субординацией, предстают в форме социально и субъектно-значимого. Однако, будучи субъектом по отношению к внутреннему своему миру, результаты своей самореализации человек дает в субъектной, общественно значимой форме (позитивные эти результаты или негативные – это особый предмет размышлений). В то же время целостный процесс внутренней ориентации синтезирует в себе относительно конкретной ориентационной ситуации и то, что дают механизмы ориентации индивидуальной, и то, что дают механизмы личностной ориентации, и то, наконец, что дают результаты субъектной ориентации в единое целое, конечный продукт которого реализуется в многообразных формах реальной практической деятельности.

Ориентационная деятельность – это деятельность бодрствующего мышления, своей процессуальностью, непрерывностью пытающегося отследить изменчивость, переменчивость, текучесть мира. Особенность его в том, что для него мир знания и чувств, представляющий внешний мир и самого человека в этом мире, существует в изменяющихся пространственно-временных связях так, что любое явление мысленно может быть соотнесено с любым, независимо от того, где и как соотносятся эти явления в объективном мире.

Изменение пространственно-временных отношений явлений, представленных в мышлении, влекущее за собой формирование специфических ориентационных образов, ориентационного видения этих явлений и мира в целом, осуществляется мышлением предна-

меренно, произвольно; человек творит из всего того, что он имеет в сознании. И в этом творчестве он реализует себя как господин своей духовной внутренней вселенной. Он может помнить и не помнить при этом о том, что существует внешний мир, ибо внутренний мир, где он является господином, обладает для человека специфической самодостаточностью. Однако этот произвол не безграничен. Он ограничен потребностью человека найтись в своем внутреннем мире в качестве существа, творящего себя самого; существа, органично соответствующего этому миру. Человек формирует свою определенность, себя, пришедшего из внешнего мира, сообразно миру своих представлений. Результаты этой мыслительной деятельности фиксируются в специфических образах – «ориентациях», знаниях о себе, об образе действий и т.д., которые при «выходе» во внешнюю действительность активно используются им в качестве оснований (ориентационных) деятельности. Но и у отдельного человека, и у всех людей, вместе взятых, нет абсолютных и полных знаний об окружающем мире. Потому по необходимости он должен решать проблему ориентации, нахождения своей определенности в мыслях и действиях, довольствуясь тем видением явлений, которое представляет последнее в форме Случая.

Из сказанного следует, что ориентационное мышление, в отличие от логического, математического, «настроено» в общем плане на раскрытие не необходимости, а случая, представленного в его пространственно-временной форме. Ориентационное мышление в отличие от логического и математического нацелено на раскрытие и использование топологии Случая.

2.4.2 Классификация типов ориентации и форм ориентационной деятельности

Предлагаемая классификация типов ориентационной деятельности и представленный на предыдущих страницах анализ человека в аспекте его ориентационных характеристик выражают необходимый, но не исчерпывающий уровень теоретического обобщения представлений о специфической стороне жизнедеятельности человека, репрезентирующей его как существо ориентирующееся. Исходным здесь является положение о целостности человека и представленности в реальном жизнедеятельностном процессе с тем или иным ви-

дом доминирования либо одного, либо нескольких, либо всех типов ориентации.

Не только характер человека выступает проводником его жизненной энергии, освобождаемой сообразно доминирующей ориентации или ориентациям, но весь человек в целостности своих сущностных свойств есть «проводник», соединяющий потенциал никогда и никуда не исчезающего бесследно прошлого с потенциалом неизвестного, непредсказуемого будущего. Механизмы ориентации, носителем которых выступает человек в пространстве данных ему возможностей, служат отысканию той определенности образа мысли и действия, которые только и наполняют случайность бытия человека конкретным смыслом. Ретроспективно оценивая смыслы употребления ориентации в различных, рассмотренных в настоящей работе аспектах, естественно сделать вывод о специфичности и содержательности не только отдельных типов ориентации, соответствующих основным уровням жизнедеятельности человека (биологическому, социальному, субъективному), но и типов ориентации, соответствующих основным формам деятельности, в которых реализуется практическое отношение человека к окружающему миру и к самому себе. Из этого следует, что рассмотренные в настоящей работе разновидности ориентаций не существуют изолированно друг от друга, а составляют элементы единой, целостной развивающейся системы. И это, пожалуй, главное, чем представленный в настоящей работе взгляд на ориентацию отличается от взглядов, в которых за пониманием содержательности, существенности, значимости того или иного отдельного типа ориентации (ценностной, нравственной, политической, и т.п.) упускается видение, осознание существования отличных от рассматриваемого типов, а вместе с тем, как следствие, и осознание искомого типа как элемента целостной системы.

Можно, например, обнаружить характерные рассуждения о гносеологической функции ценностных ориентаций у представителей Марбургской школы неокантианства, которые в качестве одной из центральных проблем рассматривали проблему ориентации понятия. Они подчеркивали, что смысл понятий существенным образом зависит от ситуаций, характерных для их употребления. Однако мы не находим здесь экзистенциалистской интерпретации ориентационной деятельности, как не обнаруживаем в явном виде связи ориентационных характеристик с характеристиками пространства-времени,

с категориями свободы и необходимости, определенности и неопределенности, случая и т.д.

В работах Эриха Фромма, наоборот, акцент делается на существовании особо значимых для жизнедеятельности человека ориентаций. Ученый оговаривает, что разрешение человеческой ситуации связано с конструированием всеобъемлющей картины мира, служащей человеку системой координат, «из которой он может извлечь ответ на вопрос, где его место и что ему делать». К сожалению, эта существенная оговорка не получает развития в дальнейшем. Фромм не развивает мысль о связи ориентации с пространственно-временными формами бытия сущего, хотя придает ориентациям столь фундаментальное значение, что именно с его пониманием ориентаций как специфических посредников («проводников энергии») взаимоотношения человека и мира, представление о человеке как ориентирующемся существе наполняется смыслом.

Иное дело идеи, формулируемые А.И. Осиповым. Решая задачи своего исследования и не придавая ценностным ориентациям значения и фундаментальности фроммовского порядка, Осипов не только опирается в осуществляемом анализе пространства и времени как категорий мировоззрения и регуляторов практической деятельности на понятие ценностной ориентации, но дает анализ того, что мы бы назвали проявлениями ориентационного подхода в общественно-исторической практике людей. Именно потому, что ориентация, связываемая с морфологическими и функциональными характеристиками человека, есть производное от особенностей, характера пространственно-временных соотношений как реальных, так и представляемых в картинах мышления, анализ зависимости форм деятельности человека от его пространственно-временных представлений есть не только анализ учета пространственно-временных характеристик действительности в практической деятельности, но и анализ ориентационных зависимостей действительности.

Хотя ориентационные характеристики не являются непосредственным предметом исследования А.И. Осипова, их рассмотрение может служить весомым аргументом для теоретического вывода о том, что в ходе исторического развития человека формируются специальные механизмы морфологического и функционального типа, реагирующие на имманентно присущую всему существующему изменчивость, даваемую человеку в виде изменения (необходимого

или случайного) пространственно-временных характеристик действительного или возможного бытия [79].

Общая классификация типов ориентации и ориентационной деятельности построена с учетом ряда моментов. К ним относятся признание атрибутивного характера зависимости определенности явлений действительности от места, занимаемого ими в конкретный момент времени во множестве других явлений, в которое они входят, включены, вписаны и т.д. и, соответственно, признание, что важнейшей потребностью всего живого, и человека в том числе, является потребность учитывать указанную зависимость в повседневной жизнедеятельности. Далее в классификации учитываются условно определенные «линия Павлова» и «линия Фромма», репрезентирующие, соответственно, природу, сущность и функционирование механизмов ориентационной деятельности, служащих удовлетворению ориентационной потребности; принимается во внимание, что многообразие ориентационных механизмов, опосредствующих отношение человека к миру и к самому себе, на всех уровнях жизнедеятельности имеет инвариантное содержание: в определенности образа мысли и действия выразить истину стечения обстоятельств места и времени, смысл Случая. Учитывается, что в эволюционном изменении, взаимосвязи, многообразии ориентационных механизмов, данных в классификации, выражается целостность человека как существа ориентирующегося. Классификация специфически выражает объективную включенность, «вписанность» человека в пространственно-временную организацию существующего, представляет его как субъекта, формирующего особые механизмы деятельности, соответственные потребности адекватной реакции на фактически неограниченное многообразие зависимостей, в которые он «погружен и в которых реально проходит его жизнь». Учитывается, что к числу последних (по времени формирования) механизмов интегральной, систематизирующей иные типы, ориентации следует отнести систему знаний, составляющих содержание экологического и ноосферного мировоззрения.

Специфика этого мировоззрения состоит в том, что оно изначально опирается в своем возникновении и развитии на фундаментальные ориентационные зависимости действительности. Потому реализация ориентирующей функции экологическим мировоззрением «созвучна», органична его сущности, выражающей важнейшую за-

зависимость характера, способа бытия организмов от особенностей, характера и места их обитания [80].

Представляемая классификация типов ориентации опирается также на следующие положения: а) на достаточно развитое в современной науке положение о системных зависимостях явлений действительности; б) на положение о том, что жизнь высокоразвитых организмов в своей сущности есть процесс обмена веществом, энергией и информацией, осуществляемый между организмами и окружающей средой; в) на положение о том, что на уровне высокоразвитых системных образований (человек, группа, общество и т.д.) жизнедеятельность выступает как единство и противоположность конструктивных и деструктивных тенденций, представляющих, соответственно, бытие этих образований в качестве объектов «конструируемых» по преимуществу внешними факторами и в качестве субъектов, целеустремленно действующих в окружающей среде; г) на положение, согласно которому процессы жизнедеятельности человека осуществляются в среде, простирающейся в границах, объемлющих собою реальность по меньшей мере трех родов: материальную, духовную и виртуальную. И именно здесь, во взаимодействии (пересечении) этих родов реальности, составляющем основу изменчивости актуального мира, «вброшенный в бытие» человек ищет по необходимости свою определенность, ищет свое «Я», позволяющее ему в изменяющемся мире оставаться «самим собой» и «для себя». При этом диапазон решений включает в себя наряду с сугубо детерминистскими вариантами жесткой обусловленности мысли и действия человека законами организации (физической, биологической, психической, социальной и т.д.) внутреннего и внешнего мира также и варианты индетерминистские, акцентирующие внимание на стохастичности действительности, на ее спонтанно-творческом характере, находящем выражение, в частности, в свободе воли, в неограниченном творчестве человека как способе его самовыражения и самоутверждения.

До недавнего времени исходным в познании человека было понимание его сущности как совокупности устойчивых, необходимых связей с окружающей природной и социальной действительностью. Зависимость же его сущностных черт, его определенности от случайного стечения обстоятельств не привлекала должного внимания исследователей. В настоящее время в большей степени, чем когда-

либо, внимание исследователей привлекает постоянно увеличивающееся в силу развития информационных технологий пространство реальностей, возникающих на грани возможного и невозможного, существующего и несуществующего; пространство реальностей, возникающее на пересечении времен: прошлого, будущего, настоящего. В этой достаточно новой онтологической и гносеологической ситуации по-особому встает проблема ориентации человека в мире; по-особому встает вопрос о специфике ориентационной деятельности человека и ее механизмов. Более того, расширение области виртуального, все более активное включение ее элементов в материальную и духовную сферы человеческой практики требуют в качестве адекватной реакции на такого рода включение совершенствование форм и механизмов ориентационной деятельности человека.

Понимая в общем случае ориентационную деятельность как специфически осуществляемый человеком учет влияния обстоятельств места и времени на определенность образа мысли и действия человека, следует подчеркнуть, что фундаментальность места и времени как атрибутивных отношений действительности, их динамические и стохастические свойства находят свое специфическое выражение в фундаментальности ориентационной деятельности, в изначальном разделении ее механизмов на динамические, учитывающие, необходимые, закономерные ориентационные зависимости и стохастические, учитывающие ориентационные зависимости случайного типа. В самом основании деления, во взаимоотношении необходимого и случайного заложена возможность доминирования либо необходимого, устойчивого над случайным, изменчивым, либо, наоборот, случайного, изменчивого над необходимым, устойчивым. Факты свидетельствуют, что по сути своей ориентационная деятельность инициируется именно *изменениями* в той реальности, в которой осуществляется жизнедеятельность человека. Потому сама типология ориентации привязывается прежде всего к факторам, обуславливающим изменения, возникновение нестандартности, новизны, неопределенности в жизнедеятельности человека. Ориентационная деятельность живых организмов вообще и ее механизмы, в частности, порождаются необходимостью адекватно реагировать на случайность, непредвиденность, непредсказуемость среды на всех уровнях контакта, взаимодействия с ней организма.

Выделяя основные уровни, на которых происходит контактирование, взаимодействие человека с реальностью, мы пользуемся субстратно-

информационной моделью человека [1, с. 110]. Суть ее в следующем. Во-первых, человек в субстратных, энергетичных, а также информационных отношениях связан не только с окружающей средой, но через нее со всем Универсумом. Во-вторых, в генетическом и функциональном планах человек имеет трехуровневую структуру, а именно: индивид как природное физико-биологическое существо, личность как социализированный индивид, субъект как постигающая и преобразующая мир личность. В-третьих, каждому уровню соответствует характерное именно для него информационное поле.

В рамках приведенной модели выделяются следующие основные типы ориентации: 1. *Ориентация индивидуального уровня.* Потребность в ней обусловлена тем, что связанная информация физико-биологического характера не обеспечивает вполне жизнедеятельность человека. Объективно действующий стохастический фактор порождает неопределенность, приводящую к возникновению проблемы выбора. Последняя дает толчок, «запускает» в действие ориентационный механизм, целеустремляющий жизненную энергию индивида определенным образом. 2. *Ориентация личностного уровня.* На этом уровне стохастический фактор играет более значительную роль, ориентационный механизм обретает здесь ту качественную определенность, которая отождествляется со свободой воли. 3. *Ориентация субъектного уровня.* Этот тип ориентации характеризуется тем, что ориентационный механизм наполняется гносеологическим содержанием, и тем самым проблема выбора путей реализации жизненной энергии смыкается с разрешением предельных экзистенциальных вопросов бытия человека в мире: смысла, цели и роли его жизнедеятельности в Универсуме.

Выделенные основные типы ориентации являются обобщающими для соответствующих уровней субстрактно-информационной (полевой) модели, ибо на каждом конкретном уровне имеются многие подтипы, достаточно четко дифференцируемые внутри любого из них. Выступая сущностной характеристикой человека на всех уровнях его модельного представления, ориентация обретает на каждом из них новое качественное содержание, «окрашивает» все формы жизнедеятельности человека, не подменяя их собой. Ориентации всех трех типов связаны, влияют друг на друга: высшие на низшие и наоборот.

В функциональном плане качество (тип) ориентации, обусловленное особенностями уровня модели, предопределяет взаимо-

действие энергетического и информационного полей. Жизненная энергия человека целеустремляется через посредство доминирующего в данный момент типа ориентации, через его ориентационные механизмы. Так, например, инстинкты (связанная информация информационного поля индивида), нормы, ценности и т.д. (связанная информация аналогичного поля личности) и, соответственно идеи, теории на уровне субъекта в особенностях своего содержания, а также в особенностях взаимодействия элементов этого содержания реализуют доминирующий тип ориентации, закрепляют, фиксируют его, формируют соответствующий ему механизм ориентационной деятельности.

Приведенная ниже типология является результатом теоретико-абстрагирующей деятельности мышления. В реальной жизнедеятельности поступки и образ мысли человека опосредованы самыми различными вариантами взаимодействия типов и подтипов ориентации. Изменчивость же, неисчерпаемость проявлений бытия – первейшее условие, предпосылка неисчерпаемости, многообразия ориентационных форм деятельности, механизмов ориентации. Именно поэтому многие проблемы адекватности ментальных состояний явлениям, процессам объективной реальности, ставящие под вопрос смысл, эффективность знания как такового (экзистенциализм, иррационализм, постмодернизм, деконструкционизм и т.д.), получают новое осмысление, понимание как средства и результаты ориентационной деятельности человека в мире.

Можно не знать философии, можно не знать математики, можно не знать многого другого и быть вполне довольным, удовлетворенным характером своих отношений с миром, равно, своей жизнью. Можно видеть мир в превратном, относительно той или иной системы знания, виде, лишь бы это видение не теряло главного – своей ориентирующей функции, своей способности связывать соответствием, необходимым для жизнедеятельности, определенность человека и определенность окружающего мира. Сказанное можно представить в виде обобщающей классификационной схемы ориентационных характеристик жизнедеятельности человека (см. схема 1, стр. 119).

Схема 1

	Уровень ориентации	Тип ориентации	Уровень организации	Способ деятельности
1	ориентация на уровне инстинкта	некрофильная биофильная инцестная нарцисстическая	индивид	ориентировочный рефлекс
2	ориентация на уровне психики индивида	рецептивная эксплуататорская стяжательская рыночная плодотворная	индивидуальность	ориентировочный рефлекс – ориентационная деятельность
3	ориентация на уровне психики личности	обыденно-практическая эмпирико-теоретическая предметно-теоретическая	личность	ориентировочная деятельность «по Гальперину» ориентационная мотивация «по Фромму»
4	ориентация на уровне интеллекта личности	социально-эмпирическая социально-теоретическая	личность-субъект	специализированная ориентационно-ориентировочная деятельность
5	ориентация на уровне субъекта как частности (дизъюнкта)	частная, т.е. или религиозная, или научная, или философская	субъект	ориентационная деятельность с доминированием или науки, или религии, или философии
6	ориентация на уровне субъекта как целостности (конъюкта)	связь, сочетание ориентаций полная ориентационная основа деятельности	ноогенный субъект	единство ориентационных форм жизнедеятельности на основе интегрального ориентационного мировоззрения (экомировоззрения)

С повышением уровня организованности материи расширяется сфера ориентационных зависимостей и усложняется, совершенствуется механизм ориентации, проходя путь от ориентировочного рефлекса до отдельных автономных, относительно независимых друг от друга механизмов высшей ориентации – науки, религии, искусства, и, наконец, до наиболее совершенных механизмов интегральной ориентации в форме экологического мировоззрения, представляю-

щего собой не только организованную определенным образом совокупность специальных знаний о взаимоотношениях организмов со средой, в том числе социальных «организмов», но совокупность знаний, реализующих собой интенцию общественного сознания мотивировать жизнедеятельность человека в мире конкретизированными в формах экологического мышления идеалами Истины, Красоты, Веры, Добра, Смысла.

Выводы второй главы: 1. Перманентное изменение сложной и противоречивой природной и социальной среды жизнедеятельности человека, его собственная сложность и противоречивость заставляют осознавать взаимодействие человека и мира как проблемное, насыщенное неопределенностью и случайностью. На уровне рефлексии это выражается в выделении общественным сознанием специфических феноменов потери и поиска людьми своей идентичности, сущности, определенности, смысла жизни; в осознании деструктивной и конструктивной значимости для человека проблемы ориентации, ее содержания, укорененности в антропосоциогенезисе форм и способов жизнедеятельности; в осознании необходимости ее разрешения. 2. Рассмотрение антропосоциогенетических особенностей жизнедеятельности человека позволяет утверждать, что на уровне человека *абсолютный закон жизни*, сформулированный П.К. Анохиным, особо значим: органы «интеллектуальных чувств» человека подстраиваются, «подгоняются» к свойствам уже не просто среды, и организм «вписывается» уже не просто в фундаментальные законы неорганического мира – человек вписывается своими «интеллектуальными чувствами» в среду духовного, интеллектуального, мыслительного, т.е. наиболее утонченного, а вместе с тем и наиболее общего выражения действительности; он вписывается в пространство бытия общих, чувственно и теоретически «видимых», духовно переживаемых и теоретически «чувствуемых» законов действительности, в пространство феноменов культуры. А это значит, что на различных уровнях взаимодействия с окружающим миром (биологическом, психическом, социальном) формируются различные механизмы этого «вписания», механизмы изменения определенности жизнедеятельности человека соответственно изменениям его жизненного пространства. 3. Функционирование этих механизмов проявляется в фиксируемых научным мышлением видах ориентационной деятельности: ориентировочной рефлекторной деятельности

на биологическом уровне, ориентировочной деятельности на уровне психических процессов, социальной ориентации на социальном уровне, духовно-мировоззренческой ориентации на уровне высших форм жизнедеятельности человека. 4. Целостность человеческой жизнедеятельности является основанием для формирования теоретической абстракции, гносеологического образа «ориентационно-ориентировочной (ориентационной) деятельности», обобщающего различные способы разрешения человеком проблемы его ориентации, а вместе с тем различные виды рефлексии ориентационного аспекта жизнедеятельности человека научным мышлением.

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОРИЕНТАЦИОННОГО ПОДХОДА

Любая теоретическая концепция, претендующая на основательность развиваемых в ней взглядов, может быть редуцирована к своим базисным понятиям. Таковыми для концепции ориентационной деятельности и ориентационного подхода являются не только понятия ориентации, места и определенности, рассмотренные ранее, но также понятия ориентационной потребности или потребности в ориентации, ориентационной ситуации, ориентационной деятельности, ориентационной определенности и ориентационного знания, обладающие гносеологической и методологической функциями, вне которых немыслимо раскрытие сущности и способов реализации ориентационной деятельности и ориентационного подхода.

3.1 Потребность

К числу первых теоретических исследований, ставящих вопрос о сущности и роли ориентировочной потребности, следует отнести работы И.П. Павлова, касающиеся ориентировочно-исследовательского рефлекса. Павлов писал: «Едва ли достаточно оценивается рефлекс, который можно было бы назвать исследовательским или, как я его называю, рефлекс «что такое?», то же один из фундаментальных рефлексов... Биологический смысл этого рефлекса огромен. Если бы у животного не было этого рефлекса, то жизнь его каждую минуту висела бы на волоске. А у нас этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в той любознательности, которая создает науку, дающую нам высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире»[81, с. 27–28]. Говоря об *ориентировочной потребности*, авторы книги «Философские проблемы современного естествознания» [2] вслед за И.П. Павловым отмечают, что эти потребности физиологически выражаются в ориентировочно-исследовательских рефлексах и психически у животных представляют собой «беско-

рыстное любопытство», а у людей выступают как познавательные интересы. Ориентировочная потребность принимает у них форму познавательных, эстетических и моральных интересов и соответствующих им норм, оценок получаемых сведений и т.д. [2, с. 224].

В процессе раскрытия связи ориентировочных и органических потребностей (потребность в пище, отдыхе, особях другого пола и т.д.) подчеркивается, что последние вызывают и постоянно поддерживают ориентировочные потребности, состояние ориентировочной активности, готовности к восприятию новых воздействий и выработке программы ответных действий, и без ориентировочной активности не может быть реализован образ предмета, не может ставиться и решаться ни одна поведенческая либо теоретическая задача [2, с. 250]. Нетрудно видеть, что ориентировочной потребности здесь придается чрезвычайно важное значение. Она не отождествляется ни с какой иной потребностью, но существует как относительно самостоятельная с определенной функцией, с определенными формами активности, деятельности по ее удовлетворению.

Среди зарубежных авторов ориентировочные потребности специально рассматривались психологом К. Обуховским. Ученый дает им следующее определение: это такие потребности, объектом которых «является деятельность индивида и внешние ситуации, связанные с ориентировкой в среде, т.е. с реагированием на предметы и явления, составляющие среду в соответствии с ценностью, которую они представляют для индивида» [82, с. 80]. Определение это дано со ссылкой на Левицкого и замечанием, что здесь принимаются во внимание все уровни ориентировки от отдергивания обожженной руки до поиска смысла собственной жизни. С учетом оговорок, сделанных нами ранее относительно соотношения понятий ориентации и ценности, данное определение не вызывает возражений.

Ориентировочные потребности, согласно К. Обуховскому, присущи каждому человеку и обусловлены как его физической и психической структурой, так и средой, в которой он функционирует. Они, наряду с физиологическими потребностями и потребностями сохранения вида, являются важнейшими человеческими потребностями и возникают в силу необходимости понимания среды и факторов ее изменения для существования человека. В настоящей работе разделяются взгляды К. Обуховского на специфику ориентировочной потребности, на связь ориентировочной потребности и

деятельности с познавательными потребностью и деятельностью человека.

Основные операции ориентировочной деятельности по Обуховскому осуществляются в формах познавательной, эмоциональной и волевой деятельности. Эти формы связаны с типами ориентировочных потребностей. Различаются три основных типа потребностей: 1. Стремление к познанию непонятных для индивида явлений. 2. Регулирование действий в соответствии с эмоциональными установками людей. 3. Соразмерение ценности своей личности с признанными ценностями [82, с. 121].

Обратим внимание на первый тип ориентировочных потребностей и на форму, в которой осуществляются операции ориентировочной деятельности. «Исследовательская», или ориентировочная потребность, и соответствующая ей деятельность признаются здесь одними из главных «инициаторов» познавательной деятельности в духе И.П. Павлова. Это связано с тем, что в ходе развития, накопления человеком чувственного и моторного опыта ориентировочный рефлекс приобретал надстройку в форме дифференцированной от других потребности в исследовательской деятельности. У развитых животных (антропоидов) ориентировочный рефлекс переходит в познавательный своеобразный рефлекс [83]. И хотя ориентировочная деятельность вырастает на основе ориентировочного рефлекса, ее нельзя свести к этому рефлексу, как нельзя свести мышление к рефлекторным механизмам.

Характер ориентировочной потребности и механизмы ее удовлетворения, а также их развитие связаны с социальным образом жизни человека. Поскольку по мере развития человек попадает в различные все более сложные обстоятельства, его ориентировочная потребность должна все более усложняться и *интеллектуализироваться*, чтобы он мог нормально функционировать. Это становится возможным, когда мозг человека в ходе онтогенеза достигает все более высоких регуляционных возможностей, венцом которых является регуляция, опирающаяся на механизм абстрактного мышления. В связи с этим, как считает К. Обуховский (а мы в полной мере разделяем данную точку зрения), ориентировку человека в существующей действительности можно определить как «ориентировку интеллектуальную», то есть основанную на познании с помощью абстрактного мышления. «Без достижения такого уровня ориентировки, – пишет

Обуховский, – человек, средний представитель современной культуры не мог бы правильно функционировать» [82, с. 123–124].

Сказанным достаточно явно определяется не только существо ориентировочной потребности, но и специфика ориентировочной деятельности человека, соответствующая данному типу ориентировочной потребности как деятельности, осуществляемой посредством механизмов абстрактного мышления как интеллектуальной деятельности.

На связь ориентировочной потребности и второй сигнальной системы указывают и другие исследователи, в частности, Ю.В. Шаров, отмечающий, что у животного ориентировочный рефлекс носит безусловный характер, возникает в ответ на непосредственно действующие раздражители и выполняет функцию ориентации животного в непосредственно окружающей среде с целью наилучшего приспособления к ней; у человека ориентировочно-исследовательский рефлекс приобретает характер активного процесса, совершенствующегося на уровне второй сигнальной системы, направленного на познание широкой действительности и выполняющего функции вооружения знаниями об этой действительности для лучшей ориентации в ней и изменения ее [84, с. 12].

Тщательная проработка глубинных оснований ориентировочной деятельности обнаруживается в работах Гальперина. В первую очередь, он выделяет объективно возникающую у человека потребность в изменившейся нестандартной обстановке, в проблематичной ситуации действовать по-новому, сообразно, соответственно ситуации, т.е. в ориентировке (ориентации).

Исследуя особенности процесса обучения, П.Я. Гальперин и его сотрудники раскрывают различные виды ориентировки, а вместе с тем, соответственно, и разные типы потребности в ориентировках. Поскольку ориентировочная деятельность человека состоит в воспроизведении действий в новой ситуации, в установлении соотношения определенности и новой ситуации, в нахождении средств, устраняющих рассогласованность определенности действий и новой ситуации, то соответственно этому и виды ориентировки определяются: а) отношением между условиями, которые фактически используются, и условиями, необходимыми для достижения цели; б) отношением наличных условий к системе условий, обеспечивающих формирование действий с заданными качествами [74, с. 166].

Высшие и простейшие животные, как правило, довольствуются непосредственно окружающей природной средой, ее условиями. Их потребности в ориентировке и соответствующие виды ориентировки, удовлетворяющие эти потребности, охватывают среду обитания животных, их местоположение и способы поддержания жизни. В общем случае ориентировка человека также охватывает его среду обитания и его способы жизнедеятельности. Однако среда человека (условия жизни) и среда животного несоизмеримы. В среду существования человека входит вся охваченная человеческой жизнедеятельностью (прошлой и настоящей) действительность. Природа, общество, мышление – вот сфера ориентировочных потребностей деятельности человека и его ориентационной деятельности. В жизни человека эти сферы составляют объективные условия его существования как родового существа, как *homo sapiens*. Его ориентировка как реализация соответствующей потребности в общем случае представляет нахождение места в данной сфере существования. Сложность среды существования обуславливает наличие иерархии ориентировок (ориентаций) человека в окружающем мире, начиная от простейшей для него ориентации и кончая ориентацией в сложнейших закономерностях действительности посредством научного (философского, эстетического и т.д.) познания. Выделяясь в окружающем мире, человек преобразует его, превращает в свое «неорганическое тело» [85, с. 565]. Оставаясь частицей мира, он занимает в нем определенное место. Определенность человека столь же связана с его местом в мире, сколь определенность мира зависит от места в нем человека.

Ориентационные потребности любого уровня реализуются в рамках ориентировочной деятельности, специфичность которой, как это было сказано раньше, заключается в ее интеллектуальном характере. В рамках изучения ориентировочной деятельности установлены три типа ориентировки, реализующие соответствующие потребности: 1) ориентировка, основой которой является фиксация свойств и отношений наиболее открытых наблюдению, «бросающихся в глаза». Этот тип ориентировки служит для формирования практических навыков, необходимых в повседневной жизни, в сфере простого труда и т.д.; 2) ориентировка, основой которой является фиксация свойств и отношений, подбираемых эмпирически. Ориентировка этого типа служит формированию знаний теоретического уровня, однако узко-

специального «технического характера»; 3) ориентировка, основой которой является фиксация объективных и наиболее существенных свойств и характеристик данной предметной области. Ориентировка третьего типа служит формированию знания общих закономерностей рассматриваемой области [86]. Названные типы ориентировки к настоящему времени достаточно четко дифференцированы и исследованы экспериментально и теоретически. П.Я. Гальперин подчеркивал, что «прямым и основным» назначением психического отражения вообще является ориентировка в ситуации и только в системе ориентировочной деятельности, в системе удовлетворения потребности субъекта в ориентации психические явления получают свое естественное место и функциональное оправдание [87, с. 64].

Эта деятельность простирается всюду, выходя, наконец, в сферу мирового масштаба, где личность соотносит себя с реалиями общественной истории, с ее прошлым, настоящим и будущим, где личность реализует свои потребности в ориентации в границах от внутреннего духовного мира, от физического облика до истины своих знаний о мире и о самом себе в пространстве, контексте социального и мирового бытия вообще. Естественно считать в связи с этим, что на уровне деятельности общественного сознания при аналогичных ситуациях начинает действовать механизм научной ориентировки (возможность которой предсказывал И.П. Павлов), а также иные механизмы (эстетического, нравственного, религиозного и т.д. характера), удовлетворяющие, соответственно, потребности в эстетической, нравственной, религиозной и т.д. ориентациях.

Многогранный характер личностного самоопределения находит свое выражение, прежде всего, в содержательной насыщенности и «полисюжетности» ориентирования человека в социокультурной ситуации. Это ориентирование включает такие виды культурной деятельности, как выработку ценностных ориентаций, выделение смысловых моментов индивидуального бытия, формирование представлений о том, что есть добро и зло, справедливость, долг и красота. Единство ценностных, смысловых, нравственно-психологических и иных сторон личностного самоопределения составляет мировоззренческие предпосылки сформированной личности: именно поэтому каждое из отмеченных направлений процесса самоопределения человека играет человекоформирующую роль в том плане, что посредством его индивид углубляет собственное по-

нимание смысла жизненных вопросов, а, следовательно, свою позицию [88].

В этой связи к числу ранее названных и уже признанных типов правомерно отнести еще один тип ориентировки, а именно ориентировку мировоззренческого уровня. Ориентировка этого типа служит удовлетворению потребности ориентирования в мире, потребности знания общих и всеобщих закономерностей окружающего мира, а вместе с тем и знания о сущности (смысле), месте и роли человека в мире сущего, ведь именно на почве «пределных оснований», на почве определяемых философией, мировоззрением вечных вопросов о смысле жизни, природе и назначении человека, о его свободе, добре, справедливости, о принципиальной ориентации человека в мире встречается и соотносится философия с моральным, религиозным, эстетическим и правовым сознанием в их неинституционализированной и неофициальной форме [89, с. 98].

3.2 Ситуация

3.2.1 «Человеческая ситуация» как вид ориентационной ситуации

Всякая философская антропология начинается с вопроса «Что такое человек?». Многие мыслители пытались осветить эту тему, перечисляя те или иные уникальные человеческие свойства. Одни считали, что человеческая природа обусловлена фактом грехопадения, другие усматривали ее в разумности человека, третьи – в его социальности и т.д. Характерно, что для мыслителей типа И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, Э. Фромма и др. проблема личности и ее свободы, ее места и роли в истории рассматривалась как проблема соотношения внутреннего мира человека, мира ее внутреннего выбора и мира внешних обстоятельств. Гегель писал: «Как бы индивиды со своими собственными целями ни желали того и ни способствовали тому, что осуществляется через посредство их собственных интересов, самостоятельность и свобода их воли остается все же формальной, определяется внешними обстоятельствами и случайностями и тормозится природными помехами» [90, с. 158].

Эрих Фромм принципиально отказывается от конкретного определения человеческой природы, которое сводилось бы к обозначению человеческих задатков. «Человеческая природа» выступает у него как философское понятие, некая абстракция. Подход Фромма близок нам своей изначальной расположенностью к пониманию подвижности, изменчивости, диалектичности всего существующего, будь то природные, социальные явления, будь то сам человек. И то, что в связи со сказанным человек не может быть понят вне определенной исторической, социальной, психологической, экзистенциальной ситуации, является исходным пунктом как для философствования Эриха Фромма, так и для понимания существа дела нами. Соответственно все, что содействует постижению феномена человека, должно быть принято во внимание. Это касается и ориентационной стороны жизнедеятельности человека.

Пытаясь постичь человека, Фромм во многом опирается на З. Фрейда, но он отвергает абсолютный биологизм последнего и пересматривает символику бессознательного, смещая акцент с подавленной сексуальности на конфликтные ситуации, обусловленные социокультурными причинами. В рамках преодоления фрейдовской позиции Фромм вводит понятие «социального характера» как связующего звена между психикой индивида и социальной структурой общества. Это понятие является специфическим отражением своеобразного сплава биологических и культурных факторов в детерминации жизнедеятельности человека. Философ разрабатывает учение о человеке как чувствующем, страдающем и мыслящем существе, «заброшенном» в реальность, в «нездоровое», «болезненное» общество, как существе, ищущем пути к «обновлению», «возрождению», «самовыявлению» и «самореализации». Фромм полагает, что понятие и сущность человека выражают не качество и не субстанцию, а противоречие, имманентное человеческому бытию. Согласно Фромму, поведение человека нельзя объяснить на основе раскрытия одних только биологических механизмов, извечно присущих людям. Он отвергает также и противоположную точку зрения, согласно которой основные мотивы поведения индивидов надо искать исключительно в социокультурных факторах, и считает, что следует избегать изолированного анализа только психического или только социального. Главные страсти и желания человека, отмечает он, возникают из его

всеобщего существования, то есть из уникальной *ситуации*, в которой вообще оказался человек. Ситуация же эта не исчерпывается социокультурными факторами. Известно и не может не учитываться то в понимании человеческой жизнедеятельности, что по своим физиологическим функциям люди принадлежат миру животных и их существование определяется инстинктами и гармонией с природой. Но вместе с тем человек давно и прочно отделен от животного мира. Эта его «раздвоенность» и составляет суть психологически окрашенного экзистенциального противоречия. И о чем бы ни писал Фромм: о бытии, власти, государстве, деспотии, культуре, нации, собственное рассуждение он начинает с человека. Индивид в определенной ситуации – исторической, социальной, психологической, экзистенциальной – таков исходный пункт его философствования. Соответственно все, что вырастает из подобного размышления, содействует постижению человека как феномена [59, с. 7].

Сама проблема сущности человека понимается Фроммом как следствие глубинного экзистенциального рассогласования, вытекающего из того, что поступки людей уже не определяются инстинктами. Поскольку последние у людей слабы, непрочны и недостаточны для того, чтобы гарантировать благополучное существование как в природной, так и в социальной средах, каждая из которых, составляя необходимое условие поддержания жизни, несет в себе в то же время и угрозу. Противоречивость усугубляется и тем, что самосознание, разум, воображение и способность к творчеству нарушают единство со средой обитания, которое присуще животному существованию. Человек, его «Я» живет, зная о самом себе, о своем прошлом, о своем ничтожестве и бессилии, зная о том, что в будущем его ждет смерть. Объективно оставаясь частью природы, человек нерасторжим с нею. Понимание, что он «заброшен» в мир в случайном месте и времени, является не только предпосылкой осознания человеком своей беспомощности и ограниченности существования, но и предпосылкой его восстания с колен, возвышения над роковыми обстоятельствами.

Фромм исходит из того, что над человеком тяготеет своего рода проклятие: он никогда не освободится от исходных, родовых противоречий своего бытия, не укроется от собственных мыслей и чувств, которые пронизывают его существо. Потому человек, отмечает Фромм, – это единственное животное, для которого собственное существование является проблемой: он вынужден ее решать, ибо от нее никуда не уйти.

Всем этим определяется та *«человеческая ситуация»*, в которой поиск человеком своей определенности есть поиск на пересечении его внутреннего и внешнего миров, поиск себя в себе самом и вне себя. Фромм постулирует вечность такого экзистенциального поиска. И этот постулат трудно не принять. Его конкретизация ведет к признанию ответственности возникновения множества проблем человеческого бытия: любовь, свобода, власть, смерть и др. Их решение составляет содержание человеческой истории. Через них реализуется стремление людей обрести самих себя, реализовать те потребности, которые порождены распадением прежних, природных связей. Однако социальная среда, та или иная форма социального общежития не только способствуют, но и препятствуют воплощению человеческих потенций.

На протяжении длительной истории человечества разум, воля, эмоции людей не получали и не могли получить адекватного самовыявления. Общество не содействовало реализации глубинных потребностей, а напротив, стесняло их или направляло в ложное русло. Среди этих потребностей потребность человека в общении, в межличностных узах, в творчестве как в одной из наиболее значимых интенций человека, в ощущении глубоких корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия, стремление к уподоблению, к познанию, освоению бытия.

Картина человеческой ситуации – это и картина «всеобщей отчужденности». Отчужденный человек, верящий, что он господствует над природой, является рабом вещей и обстоятельств, беспомощным придатком в мире, который в своей социальной явленности человеку есть не что иное, как застывшее (опредмеченное) выражение его (человека) собственных сил. Процесс социализации, происходящий в обрисованной ситуации, связан с формированием *общественного характера*. Вводя эту категорию, Э. Фромм понимает под ней стабильную и четко выраженную *систему ориентации*.

Фромм намеренно рассматривает «человеческую ситуацию» в качестве предпосылки изучения личности как субъекта деятельности. Но уже до ее анализа он высказывает ряд положений, позволяющих ясно видеть целостный контекст его концепции человека. Приведем некоторые из них, необходимые для дальнейшего:

1. Появление человека можно определить как возникновение той точки в процессе эволюции, где инстинктивная адаптация свелась к минимуму.

2. Человеческую личность нельзя понять, если мы не рассматриваем человека во всей целостности, включая потребность найти ответ на вопрос о смысле его существования и отыскивать нормы, в согласии с которыми ему надлежит жить.

3. «Быть живым» – это динамическое, а не статистическое понятие. Существование и развертывание специфических сил организма – это одно и то же.

4. Человеческая природа не неизменна, и, следовательно, культуру нельзя объяснить как результат неизменных человеческих инстинктов; не является культура и постоянным фактором.

5. Человек не чистый лист бумаги, на котором культура может писать свой текст; он существо, заряженное энергией и структурированное определенным образом, существо, которое, адаптируясь, реагирует специфическим и установленным образом на внешние условия.

6. Человеческую природу никогда нельзя наблюдать как таковую, а только в ее конкретных проявлениях, в конкретных ситуациях [59].

В определенном смысле Фромм берет человека как «готовое существо», уже обладающее всеми человеческими свойствами: физическими параметрами, биоэнергетикой, психическими способностями, мышлением и т.д., и его интересует то, как действуют все эти свойства по отдельности и вместе, проводя заложенную в человеке энергию существования в конкретные формы взаимодействия с окружающим миром. По Фромму, энергия существования, сообразно «складу», «структуре человека» как субъекта жизнедеятельности, освобождается в форме духовного, материального взаимодействия с окружающим миром. Но человек есть «точка в процессе эволюции», он «заброшен в этот мир, в место и время, которых он не выбирал», и потому отношения человека к окружающему миру, отношения с окружающим миром не могут не найти своего специфического отражения и выражения в «складе», в «структурах» образований, детерминирующих формы освобождения жизненной энергии, воплощения этой энергии в результаты жизнедеятельности человека. Они не могут не найти отражения в понятиях ориентации и человеческой или ориентационной ситуации. И потому своеобразие, качественная определенность места человека как открытой системы в сущем нашли свое особое выражение в следующих положениях фроммовской характеристики человеческой ситуации.

1. Человек, по Фромму, появляется как носитель новых свойств, отличающих его от животных (осознание себя как отдельного существа, память о прошлом и предвидение будущего, способность обозначать предметы и действия символами, наконец, разум и воображение).

2. Особые свойства человека (самосознание, разум, воображение) «разрушили гармонию, свойственную животному существованию», и породили его стремление к гармонии, равновесию через преодоление, разрушение различного рода противоречий, дихотомий взаимодействия с окружающим миром. Возникновение разума породило для человека дихотомию, принуждающую его вечно стремиться к новым решениям.

Принимая эти положения Фромма как принципиальные для его «линии», заметим, что в русле «линии Павлова» само возникновение разума, самосознания, воображения есть удачно найденный «ответ» организма предчеловека на потребности самосохранения в процессе взаимодействия с миром, несущем, содержащем в себе не только проблемы существования, но и предпосылки ответа на них специфической организацией жизнедеятельности.

3. Разлад в человеческой природе (отсутствие гармонии с окружающим миром) ведет к экзистенциальным дихотомиям, которые нельзя устранить полностью, но на которые человек может реагировать различными способами «соответственно своему характеру и культуре».

4. Основная экзистенциальная дихотомия (дихотомия жизни и смерти) ведет к другой: обладание человеком едва ли ни ничем не ограниченными возможностями – и короткая жизнь, не допускающая полной реализации этих возможностей: человеческая жизнь, начинаясь и заканчиваясь некоей случайной точкой в процессе эволюции рода, вступает в трагический конфликт с индивидуальным требованием реализации всех возможностей.

5. Бытие человека с миром «один на один» и признание, что «только собственными силами он может придать своей жизни смысл», что в жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек сам придает ей, раскрывая свои силы, живя плодотворно.

Именно дисгармония человеческого существования, являющаяся стержнем человеческой ситуации, согласно Фромму, порождает потребности человека, не присущие животным: наделенный разумом, человек пытается восстановить единство с миром, прежде всего,

мысленно, конструируя всеобщую ментальную картину мира, служащую системой координат, из которой он может извлечь ответ на вопросы: где его место и что ему делать [61, с. 46–52].

В даваемой Фроммом характеристике человеческой ситуации ясно усматриваются все те факторы, которые заставляют видеть ситуацию ориентационную, то есть такую, находясь в которой человек нуждается в ориентации:

1. Человеческая ситуация – это специфическое место бытия человека в мире, «заряженное» противоречием действительного и возможного, а потому определенного и неопределенного, необходимого и случайного.

2. Человек находится в месте, где «пересекаются» проявления его действительных сущностных свойств и траектории реализации явлений, непредсказуемого по большому счету будущего.

3. Человек стремится, имеет потребность выйти из неудовлетворяющей его ситуации путем получения ответа на вопрос, «где его место» в мире и какой должна быть, соответствующая этому месту, определенность его мыслей и действий.

Сделанные обобщения позволяют человеческую ситуацию, данную Фроммом, квалифицировать как наиболее важную из всех возможных разновидностей ориентационной ситуации. Потому использование им ориентационных терминов в исследовании сущностных свойств, особенностей, способов жизнедеятельности человека вполне «укладывается» в систему представлений человека в качестве *homo orientus*, позволяет понять действие ориентационных механизмов, даваемых ученым в виде фундаментальных оснований характера личности.

Видение Фроммом ориентационной ситуации, выступающей в форме ситуации человеческой, во многом «перекликается» с характеристиками человеческой ситуации, даваемыми современными авторами, осознающими ее суть и общезначимый смысл. Так, например, известный социолог, обозреватель еженедельника «Аргументы и факты» В. Костиков, касаясь реального положения, сложившегося в российском обществе в наши дни, пишет: «Скандал с аферистом – прорицателем Грабовым, обещавшим воскресить погибших детей Беслана, свидетельствует не только о цинизме самозванных святых, но и о глубинной тревоге народной души, которая ищет и не находит нравственного смысла и точки опоры в реальной жизни и тянется ко

всякого рода чудесам и «чудотворцам»... Положение усугубляется и тем, что за последние десятилетия оказались дискредитированными и размытыми традиционные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. *Проблема «точки опоры» становится серьезной проблемой нации (Курсив – В.К.)* [91]. Именно такие ситуации: масштабные, порожденные произошедшими в обществе изменениями, трансформациями, и личностные, возникающие на «разломах социальной материи»; ситуации, несущие в себе неопределенность и угрозу, а потому по сути ориентационные, побуждают человека искать, не опираясь на нормы морали и права, различные пути для удовлетворения своих нужд. Общество, в котором это происходит, погружается в насилие, безответственность, обман, серость. Для него становятся свойственными жестокость, хамство, раздражение, ожидание худших времен, и это, в свою очередь, еще более ухудшает социальную ориентационную ситуацию, делает ее еще более неопределенной. Потому во все времена люди искали способы ограничения примитивных, биологических мотивов поведения. Искали выход из подобных ориентационных ситуаций в опоре на Божественные откровения и заповеди, на «аксиомы правосознания», на чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, взаимное уважение и доверие друг к другу и т.д. [92].

О том, насколько глубоко укоренена проблема нравственного самоопределения (как стержневая для самоопределения человека) в целом в жизнедеятельность, в бытие человека вообще, насколько она синкретична с возникающей ориентационной ситуацией, свидетельствует многое в художественной и философской литературе. Логической «выжимкой» из многообразия описываемых литературой «человеческих ситуаций» могут служить здесь следующие утверждения К.С. Гаджиева, которые, в силу их обобщающего характера, мы приводим в весьма пространной цитате. Напоминая о том, что в глубинах природы человека одновременно с божественным началом, понимаемым как «добро», коренится сатанинское, бесовское начало, являющееся средоточием импульсов жестокости, садизма, жадности, зависти, иррациональных побуждений гордости, тщеславия, корыстолюбия и т.д., что, согласно Ф. Шеллингу, в онтологическом измерении человека «содержится вся мощь темного начала и в нем же содержится и вся сила света, в нем – оба средоточия: и крайняя глубина бездны, и высший предел неба», Гаджиев утверждает,

что «всякие социально-психологические патологии, отклонения от общепринятых в обществе норм... представляют собой не просто элементы, внесенные в человеческую природу извне, а коренятся и в самой его природе», ибо «человек – место встречи Бога и Дьявола. Человек – место встречи и совпадения противоположных начал: милосердия и жестокости, миролюбия и агрессии, консенсуса и конфликта, порядка и анархии, социальности и асоциальности и т.д. Иначе говоря, человек – живое, полярное, противоречивое существо, а не компьютер или, как говорил Достоевский, «не фортепианные клавиши», «не штифтик». Человек – это двуликий Янус, разрывающийся между двумя противоположными полюсами.

Это относится ко всем без исключения сферам и аспектам человеческого бытия как материальным, так и духовным. Мы склонны говорить о царстве духа лишь в сугубо позитивном значении, подразумевая под ним исключительно царство добра, справедливости, высокой нравственности и т.д., одним словом, царство только и только высоких материй. Но неужели этот мир можно представить только как Олимп, без глубин, без бездны, без Хтона? Неужели это – мир только хороших парней, где нет места плохим парням? Весь опыт человечества дает на это отрицательный ответ. Поэтому не совсем корректно отдавать монополию в духовной сфере одному лишь Богу, и Бог и Дьявол – творения человеческого духа» [93, с. 3,6].

Внутренняя противоречивость и неопределенность самого человека, явно и правомерно выделенные в приведенном фрагменте, существующие относительно независимо от неопределенности внешнего мира, лишь дополняются последней и в еще большей степени актуализируют для него вопросы, образующие пространство его самоопределения, вопросы, задающие ориентационный характер реальных жизненных ситуаций, в которых он по собственной ли воле или помимо нее всегда объективно находится: что «Я»? где «Я»? когда «Я»? почему «Я»? зачем «Я»? как «Я»?

Жесткую связь жизнедеятельности и ориентационной ситуации предвещает, на наш взгляд, и положение К. Ясперса, приведенное в его работе «Философия» (1932), утверждающее, *что существование человека тождественно с ситуацией в мире и сообществе*, к которому он принадлежит, и что любая попытка освободиться от этой ситуации является предательством, и потому для каждого человека «Я выбираю» равносильно «Я не могу поступить иначе».

По-особому «высвечивается» ориентационная ситуация и опосредованный культурой выход из нее В.Н. Брюшинкиным в его статье «Феноменология русской души», где он, в частности, пишет: «Мы будем исходить из предпосылки, что мир, в котором живет отдельный народ и целый народ, является *бесконечно сложным*. Это означает, что для того чтобы жить в этом мире, приходится прибегать к некоторым *упрощениям*. Каждый народ в ходе своего приспособления к среде (природному или культурному ландшафту) вырабатывает навыки, которые позволяют каждому представителю народа бессознательно обращаться с этой сложностью мира, т.е. совершать действия, которые приводят к успеху, хотя при этом не осознаются все факторы, влияющие на результат данного действия. Такого рода систему навыков, позволяющих данному народу успешно жить в бесконечно сложном мире, мы и будем называть культурой народа. Культура выполняет функцию упрощения мира, в котором живет данный народ. Вместо бесконечно многих параметров каждого действия, навязываемых сложностью мира, культура подсказывает нам некоторые основные параметры, на которые надо оказать воздействие, для того чтобы достигнуть планируемого результата.

Человек или этнос справляются со сложностью мира, изобретая привычные способы действия, создавая над неопределенностью мира свой собственный мир, в котором постоянное обращение к бытию заменено привычными бессознательными действиями, позволяющими выживать и жить в условиях обитания данного человека или народа. Культура – это ключевые точки, связывающие субъекта с миром, и связи между ними, созданные самим субъектом» [94, с. 30]. Иными словами, культура предлагает человеку систему координат, выстроенную из основных параметров жизнедеятельности; систему, позволяющую снять неопределенность действительности, то есть снять, разрешить ориентационную ситуацию; культура предлагает систему, ориентирующую человека в мире. При этом нужно отметить одно существенное обстоятельство. Культура действительно дает ориентиры, позволяющие человеку овладевать сложностью мира и преодолевать неопределенность, неизвестность, случайность в нем. Но и сама культура является особым миром с особым пространством вещей, явлений, процессов, в котором человек вынужден отыскивать или формировать свою определенность в рождаемых миром культуры ориентационных ситуациях.

3.2.2 Многообразие ориентационных ситуаций

Объективная сложность мира – одна из первых предпосылок многообразия ориентационных ситуаций, осознаваемого, в частности, и через посредство различных классификаций природной, духовной и социальной реальности. Достаточно одного примера, чтобы убедиться, насколько непростой явилась бы попытка классификации ориентационных ситуаций, если только классификация структур социальной целостности впечатляет своей громоздкостью. Так, согласно Э.С. Маркаряну, могут быть выделены три основных среза социума: субъективно-деятельностный, функциональный и социокультурный [95, с. 48]. Эти срезы, как считает С.Э. Крапивенский, необходимо дополнить еще одним – социоструктурным, внутри которого можно выделить как наиболее значимые следующие подсистемы: классово-стратификационную, социально-этническую, демографическую, поселенческую, профессионально-образовательную. Накладывание социоструктурного среза общества на три ранее рассмотренных дает возможность подключить к характеристике субъекта деятельности координаты, связанные с его принадлежностью к совершенно определенным классово-стратификационным, этническим, демографическим, поселенческим, профессионально-образовательным группировкам [96, с. 77]. При этом речь идет о классификации одной лишь социальной действительности, тогда как ориентационная ситуация порождается не только ею, но также природной и духовной реальностью, а еще в большей степени взаимодействием всех трех.

Но детерминированность внешними обстоятельствами также не может быть абсолютизирована, как не может быть абсолютизирована детерминированность жизнедеятельности человека лишь обстоятельствами внутреннего порядка. Здесь вполне следует согласиться с Н. Аббаньяно, который пишет о том, что условия, которым подчинен человек со стороны природы и истории, многочисленны, тягостны и часто скрыты, и, если бы человек не был способен противодействовать им с некоторой степенью свободы, история давно бы остановилась и, более того, даже не начала свой ход. Именно сознание собственного достоинства и вытекающий из него критический дух, как пишет Аббаньяно, должны спасти человека от беззащитности перед ходом событий, которые могут казаться ему неизбежными лишь в силу его собственной лени. В конце концов, единственный

урок, который действительно дает история, состоит в том, что мир – это всегда открытое поле борьбы и что в нем вряд ли бывает так, как на игорном столе, что все игры оказываются сыграны [53, с. 102]. В то же время, характеризуя происхождение, существо и значимость ориентационной человеческой ситуации, можно согласиться с Аурелио Печчеи, который писал, что истинная проблема человеческого вида на данной ступени его эволюции состоит в том, что он оказался полностью неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые сам внес в этот мир [51, с. 42]. С этой точки зрения характерными, а вместе с тем общими для описания ориентационной ситуации, сложившейся, например, в России в постперестроечный период и не разрешенной до настоящего времени, являются следующие утверждения. Общество таково, каковы люди, его составляющие, и культуры, их объединяющие. Это означает, что для исправления общественных пороков и болезней приоритетным становится улучшение личностных качеств граждан. Средства для подъема страны надо искать не в банках, а в школах, университетах, церквях. Качества общества оцениваются системой шкал, в которой упакованы известные факты. Модель упорядочивания в предлагаемой системе позволяет понять происходящее в России. Это – катастрофа. Она определяется поиском новых каналов социализации, новых культур. Происходит смена социокультурных ценностей. Для нее характерна атомизация, аномия, когнитивная растерянность. В такие моменты микросоциальные действия отдельных личностей могут иметь макросоциальные последствия. Люди в России являются носителями ее болезней. Вылечить Россию – означает успокоить людей, образовать их, помочь жить в неопределенном и меняющемся мире.

Обрисованная ситуация и ее понимание в той или иной мере отражают положение дел во многих общественных системах постсоветского периода (впрочем, по большому счету, не только в них). Предлагаемые пути выхода однозначно говорят о необходимости повышения уровня деятельности механизмов, способных осуществлять и осуществляющих ориентационную деятельность в обществе: образование, наука, религия (школа, вуз, церковь), ведь наиболее заметными и массовыми негативные явления в жизнедеятельности людей стали тогда, когда системы образования перестали справляться со своими социальными функциями. Следует в полной мере отдавать

отчет в том, что системы образования являются своеобразными системами социальной иммунной защиты общества от культурной энтропии, и если системы образования ослаблены, то общества гибнут от разгула бескультурья, социального синдрома иммунодефицита, социального СПИДа.

Коль скоро мир, в котором живет современный человек, является результатом его культуротворческой деятельности, и коль скоро мир этот, несмотря на научно-технический прогресс, а в чем-то и благодаря ему, остается для него миром полным неопределенности, страхов, безопорности и т.д., то и механизмами, позволяющими ему сориентироваться, определиться в нем, должны являться элементы культуры: религия, наука, искусство, политика, право и т.д. Вопрос заключается в том, в какой степени они действительно являются этими механизмами и как собственно реализуются. В этом плане уместна мысль Ключевского, касающаяся оценки места и роли одного из элементов культуры – исторического знания, высказанная им в XIX веке в курсе его лекций по русской истории: «Для меня понятнее, скромнее и трезвее тот взгляд, который ищет в изучении прошедшего указаний, чтобы ориентироваться в настоящем».

Ориентационная ситуация в том виде, в каком она была здесь представлена, носит ограниченный характер, чего не скажешь о ее реальной масштабности, ведь не только природа и общество, но и сам человек, как уже отмечалось, являются источниками неопределенности. А это значит, что в практической жизнедеятельности человек сталкивается с бесконечным многообразием конкретных ориентационных ситуаций, возникающих в самых различных сферах его бытия: в экономической, политической, сугубо бытовой, служебной, коммуникативной, нравственной, правовой и т.д. В каждой из них перед человеком особым образом встают проблемы преодоления неопределенности, разрешения ориентационных ситуаций; в каждой из них он испытывает специфическую для данного типа ситуации потребность в ориентации, а вместе с тем потребность в ориентационной определенности, в ориентационном знании.

3.3 Определенность

Известно, что потребность, реализуемая через деятельность, предстает как цель последней. Такого рода цель относительно ориентационной деятельности может быть представлена как отыскание, формирование особой, потребной субъекту ориентации определенности – *ориентационной*. В предыдущих разделах настоящей работы понятие ориентационной определенности получило истолкование как такой определенности явления, которая обуславливается, детерминируется местоположением последнего. Так что в данном разделе речь пойдет не о существовании ориентационной определенности самом по себе, но о существовании ориентационной определенности в связи со спецификой ее познания, с ее идентификацией и фиксацией. Другими словами, мы пытаемся обнаружить в эмпирическом материале научной литературы то, что свидетельствует об осознании проблемы существования и познания ориентационной определенности явлений действительности как особой онтологической и гносеологической проблемы. Сделав это, мы получим основания для дальнейшего изучения не только ориентационной определенности как феномена социально-психологической и духовно-практической деятельности, но также и ориентационного подхода в целом.

3.3.1 Принцип многомерного понимания действительности

Названный принцип был представлен в свое время как явным образом [97], так и не столь явно, но в более аргументированном виде (Б.Я. Пахомов. Становление физической картины мира. – М., 1985). Анализируя проблемы социального познания и социальной практики, авторы первой работы, как это было принято в доперестроечные времена, ищут у В.И. Ленина его авторства в формировании особого принципа познания: чтобы получить знание о качестве явления, нужно анализировать не только знание о собственном качестве, которое, казалось бы, все объясняет, но на самом деле дает лишь часть знания о явлении, нужно анализировать две его качественные определенности – предметную и макросистемную [97, с. 106].

Приводя мысль В.И. Ленина о том, что «для настоящего революционера самой большой опасностью, может быть даже единственной

опасностью, является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры при этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым трезвым и самым хладнокровным образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому». Авторы отмечают как главное то, что «одно и то же социальное явление (свобода торговли, кооперация, реформа и т.п.) в разных общественных системах наполняется особым содержанием, присущим данной макросистеме» [97, с. 107].

Особое внимание обращается на то, что Ленин часто пользовался различием двух качественно-сущностных определенностей в одном предмете; отмечаются как очень интересные в методологическом плане взгляды Ленина на двойственную природу крестьянства (труженик и собственник), об отношении к середняку на разных стадиях революционного процесса и т.д. Это, как считают авторы, обнаруживает у Ленина требование параллельного анализа двух разнорядковых качественных определенностей. Они считают, что здесь необходимо введение новых методологических представлений о полисистемности явлений, об их анализе в разных системах координат.

Исследуя вопрос о правомерности введения в научный оборот таких понятий, как макросистемные качества, двойственность качественной определенности явлений, полисистемность и т.п., авторы замечают, что наука прошлого рисовала картину мира, охватываемую как бы одной системой координат. Базовыми единицами этого миропонимания считались ординарные предметы, явления, индивиды. Так что в своем господствующем масштабе это была «предметоцентрическая» картина мира [97, с. 108].

В дальнейшем по мере развития научного знания, особенно во второй половине XX века, в научный оборот вводятся совершенно новые представления об объективной реальности. В новейших теориях речь стала идти о глобальной структуре мира, о макроскопических объектах природы и общества, о закономерностях их исторического развития. Основополагающими, базовыми представлениями нового миропонимания «стали понятия общественно-экономической

формации, видов животных и растений, а также аналогичные понятия о макрообъектах и макроструктурах в геологии, экологии, космологии и т.д., и, что особо для нас важно, было замечено, выявлено, что знание законов макромира в определенном смысле есть более глубокое основание всех прочих наших знаний о явлениях окружающего мира. Характеризуя важность, значение этого макроскопического контекста знаний, авторы пишут, что такая основа не заменяет функциональных знаний об ординарных вещах, но подводит базис под понимание их «материнских качеств», то есть тех свойств, отношений, взаимодействий, которые в глубине своей микро или макро определяют бытие единичности данного уровня [97, с. 108].

Здесь мы подходим к тому в высказываниях авторов, что весьма созвучно основной идее настоящего исследования – к мысли, что определенность явлений зависима от их местоположения, что местоположение в обобщенной форме выражает самый общий контекст – пространственную форму бытия явлений действительности. Так что, казалось бы, за едва ли не случайно оброненными терминами «система координат», «сеть» познания просматриваются логические переходы к признанию необходимости в гносеологическом и методологическом аспектах исходить в познании из отмеченной зависимости, конкретизируя ее применительно к отдельным предметным областям и уровням познаваемой действительности. Ведь именно благодаря микро- и макро- обусловленности единичности каждый предмет, кроме «собственного измерения», обретает еще одну важнейшую качественную определенность – макросистемную. И в то же время параллельно и рядом с этим стали складываться представления еще об одном фундаментальном срезе или «уровне» явлений действительности – микромире и его закономерностях.

Другими словами, речь идет не только о «двойственности качественной определенности», но, по меньшей мере, о тройственности: определенности «собственного измерения», определенности макросистемной и определенности микросистемной. Во всем этом мы обнаруживаем ту логику, которая ведет мыслительный процесс, в конечном счете, к признанию не только существования множества определенностей одного явления, но существования стольких определенностей, сколько «уровней» бытия «позволяет» своему содержанию материальная действительность и на скольких гносеологических «срезах» познающий разум способен эти уровни и соответ-

ствующие зависимости зафиксировать, отразить, познать. Именно потому, что таких уровней бесчисленное множество, бесчисленны и разнообразны качественные определенности. То обстоятельство, что и в онтологическом и в гносеологическом аспектах существование многообразия качественных определенностей явления связывается с макро-, микро- и иными контекстами бытия, а в конечном счете, как уже говорилось, с пространственной обусловленностью, заставляет осознавать эти определенности как ориентационные, а попытки установления, идентификации, познания определенностей через исследование их макро-, микро- или иного контекста существования – как проявления особого, ориентационного подхода в познании явлений действительности.

Для нас важно, что в рассуждениях о необходимости многомерного понимания действительности не только не обойдена проблема многопорядковости сущности явлений объективного мира, но отмечено со ссылкой на Ленина, что гносеологические и методологические основы многомерного понимания действительности коренятся в имеющем принципиальное теоретико-методологическое значение, положении: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т.д. без конца» [98, с. 227].

В данном случае дело состоит не в том, чтобы подкреплять теоретические позиции ссылкой на авторитет. Дело скорее в том, что за ставшим почти афоризмом и догмой положением остается во многом еще не исследованная в самых различных аспектах проблема соотношения внутренней (собственной) и внешней (обусловленной) определенности явлений действительности; проблема, которая позже осознается в виде соотношения идей экстернализма и интернализма в развитии научного знания. Это проблема и о том, порядка какой именно определенности, внутренней или внешней, раскрываются по мере бесконечного углубления мысли в исследуемый предмет. Далеко не везде понимание необходимости выделять «многомерную» качественную определенность явлений действительности сформулировано достаточно отчетливо. Тем не менее, для обоснования вывода об объективном характере ориентационной определенности, специфике ее проявления и познания важно рассмотреть, проанализировать и неявные признания, учет, свидетельства различного рода, заставляющие видеть особую сторону бытия и особые приемы,

способы ее выражения, отражения познающим субъектом. Именно о таком неявном признании, учете и т.п. идет речь далее.

3.3.2 Ориентационная определенность в свете «хайдеггеровского мировидения»

В.В. Биbihин, рассматривая творческие искания Мартина Хайдеггера, избирает примечательный способ введения читателя в суть проблем, интересовавших и получивших свое специфическое разрешение в хайдеггеровских работах. Примечательность этого способа состоит в иронизировании над нашим привычным отношением к объективности, к предметной данности, предметной выраженности мира; в иронизировании над нашей привычной уверенностью в своей способности не только познать, понять мир, но познать и понять мир наверняка истинно. Ведь только человек обладает уникальной возможностью иметь дело с самой сущностью вещей и с бытием, как оно есть. Никому не открыто, а человеку открыто последнее, безотносительное знание – пусть в стремлении и приближении к нему; все существа стремятся к своему благу, один человек – к объективной истине. В награду за такое уникальное свойство он, принято считать, и занял свое привилегированное положение [99, с. 62]. В этом контексте, говоря о Мартине Хайдеггере, В. Биbihин приводит следующее сравнение: «Паук раскрывает паутину и ловит в нее муху. Человек раскладывает сеть понятий и концепций и ловит в нее не муху и даже не просто вообще пользу, а – истину». Конечно, как и всякое другое, данное сравнение «хромает», ибо кто же согласится с тем, что в сеть познания всегда попадает истина, а куда попадает ложь, да и тот слон, который только в сети наших понятий и концепций раздувается из мухи. Но смысл в сравнении есть. Дальше – больше. «Мы то и дело говорим: «А есть Б, А есть. Не сами ли мы диктуем вещам это тождество, это существование? «А есть Б». Но ведь никогда не вполне, всегда условно, всегда с натяжкой. «Стол есть». Да, стол стоит передо мной. Как будто бы. Но присмотримся. Никакого стола нет. Есть загубленное дерево, остатки леса, срубленного и обработанного исполнителями чужого приказа... Я сижу на своем служебном месте, и мой стол своим явственным наличием будто бы упрочивает мое существование, по сути же я опираюсь на *место схождения* (Курсив – В.К.) неверных решений, суетливых действий,

совершенных хорошо, если наобум, а скорее всего – из холодного расчета...» Наконец: «Назовем главную, а по сути единственную мысль Хайдеггера: *«Мы никогда не можем фиксировать бытие как некий предмет, и тем не менее, мы воспринимаем предметы только в свете их бытия (Курсив – В.К.). Мы никогда не сможем объяснить, почему бытие есть, а не нет его»* [99, с. 62].

Обратим внимание на первую часть выделенной Бибихиным мысли Хайдеггера. Мы именно тем и сильны, что в свете бытия (множества существующего) фиксируем бытие самих предметов, существующих и берущихся в «месте схождения» связей, отношений, взаимодействий вещей и процессов, в качестве носителей, материализаторов единения, сплава этих связей, отношений, взаимодействий в данном месте, в данной точке пространства, образуемого их бытием; существующих, тем самым, в виде особых качественных определенностей.

Что касается сравнения с пауком, то здесь Бибихин пишет: «Паук продолжает плести свою паутину в подозрительно изменившейся окружающей сфере. Он будет это делать, можно не сомневаться до последнего своего часа. Человек продолжает плести сеть научно-технических подходов к вещам все полнее овладевая миром, изобретая все новые способы устройства в нем. В этом плетении что-то не ладно... Значит, человек в чем-то промахнулся? Недоучел? Недоработал? И надо еще полнее все учесть и проконтролировать? Философы должны шире обобщать, обоснованнее строить концепции, сценарии будущего, работать над совершенствованием проектной культуры?» [99, с. 63]. В приведенном высказывании не только ирония, в нем осознание через иронию сложности выражения отношения человека к миру и, вместе с тем, осознание необходимости овладения этой сложностью.

Нетрудно перекинуть логический мостик аналогии, да и не только аналогии от этого высказывания к другим употреблением того же понятия «сети» познания, столь удачно примененного в свое время Лениным к характеристике роли философских категорий в научном познании. Размышляя о ленинском понятии «сети», исследователи обращают внимание на современное прочтение его гносеологического и методологического смысла. Так в упомянутой ранее книге «Ленин. Философия. Современность» справедливо указывается, что понятие «сети» явлений природы очень адекватно многомерным

представлениям о действительности. Оно как бы знаменует собой переход от традиции «линейных» объяснений действительности к «нелинейным», как говорят в точных науках. Пока научные объяснения строились в рамках одной системы координат, эта проблема не была особенно актуальной. Но как только в теории и методологии мы переходим к многомерным, многосущностным, полисистемным построениям, то проблема сложных моделей действительности становится насущно необходимой. Ныне существует немало такого рода определений: «множественные срезы действительности», «лестница оснований», «система систем» и др.

Ленинское определение «сети явлений» удачно, оно просто и точно выражает сам принцип восприятия сложной действительности. Этот принцип наиболее уместен в познании мира там, где мир и явления в нем существующие и образующие его начинают осознаваться как многомерные, многосущностные, где истина о явлениях и мире в целом раскрывается в разных системах координат [99, с. 122], назовем ли мы эти координаты факторами исторической, социокультурной или иной обусловленности, от этого дело не меняется. Использование того же понятия «сети» в качестве гносеологического образа и методологического приема имеет место и у других исследователей, но об этом позже. Сейчас же обратим внимание на то, что ответ на возникающие у человека смутные сомнения о причинах неполадок с достижением абсолютности знания дал Хайдеггер, который «проговаривает за нас нашу догадку: бытие не предмет. Среди вещей его не найти. Оно не вещь, а невидимый свет, в котором видны вещи» [99, с. 62].

Соглашаясь с приведенной частью «проговоренного» Хайдеггером, оговорим сомнение в другом, в том, что бытие, «на которое мы хотели бы положиться, с точки зрения вещей, есть ни-что, ничто». Но ведь вещь вещи рознь, и мысль, что ни говори, если это хорошая, нужная мысль – хорошая вещь! А уж тем более столь стоящая, объемлющая своим содержанием все пространство нашего знания мысль, каковой является мысль о бытии. Именно с точки зрения содержательности и вещиности бытия, относительно которого сформулированы принципы его существования, различным образом зафиксированные научным, религиозным и философским знанием, правомерно утверждать, что бытие есть тот свет, в котором видятся вещи. И так же, как в прошлое кануло представление о физической

однородности, несоставности, «бессодержательности» света, должно восприниматься как утерявшее свой былой смысл представление о бытии как некоем невидимом «ни-что». Бытие видимо теоретической мыслью.

Во всем сказанном для нас важно то, что за своеобразным пониманием бытия в гносеологическом и методологическом аспектах просматривается тенденция находить, видеть вещи реального мира, их определенность на некоем общем, пусть и невидимом, но мыслимом фоне бытия-ничто, в свете которого вещи собственно и обретают свою определенность, как находящиеся в «сети», в «системе координат» и т.п. Важно и то, что вслед за Хайдеггером мы усомняемся в праве теоретического знания абсолютно и монополюльно представлять истину.

Рассмотрев вопрос о соотношении вещи и бытия как «света», фона, контекста, сети и т.д., в которых видятся вещи, обратим далее внимание на то в раскрытии сущности ориентационной определенности явлений, что в самом общем плане категории определенности и неопределенности давно привлекают внимание исследователей. Не касаясь пока известных категориальных систем Канта и Гегеля, дающих классическую картину развертывания логической определенности бытия через посредство диалектико-логических процедур мышления, (ранее такого рода категориальные системы можно найти и в философских системах Востока, и у философов древней Греции: Платона, Аристотеля), мы возьмем сравнительно недавние философские материалы, исследующие проблему соотношения определенности и неопределенности, проблему познания определенности как таковую.

3.3.3 Онто-гносеологический аспект ориентационной определенности

Поскольку категории определенности и неопределенности, как отмечалось выше, получили рассмотрение в ряде специальных работ [100; 101; 102], то мы обратим внимание на те аспекты в предлагаемых характеристиках искомых категорий, которые оставляют место или влекут за собой рассмотрение ориентационной определенности в свете взаимоотношения определенности и неопределенности вообще.

В этом плане важна точка зрения о глубокой диалектической связи, единстве определенности и неопределенности, о том, что это единство принципиально в диалектико-логическом понимании действительности, что оно должно поэтому рассматриваться в качестве особого принципа, имеющего гносеологическое и методологическое значение.

Рассматривая ориентационную определенность в свете единства неопределенного и определенного, возьмем те толкования указанных категорий, которые дает В.Е. Осипов. Говоря об определенности, он в качестве ее существенного отличительного признака приводит выделенность, отграниченность, дифференцируемость сторон бытия. В качестве основного существенного признака неопределенности дается слитность, нераздельность, неразличимость: если определенность характеризуется, прежде всего, выделенностью бытия и познания его, то понятие неопределенности отражает слитность форм, возникшую в результате взаимопроникновения взаимодействующих сторон и явлений. Неопределенность – это характер, выражающий слитность сторон бытия, как и форм его познания [100, с. 67].

Для наших целей важно признание особой роли, которую играет взаимодействие явлений действительности, характеризуемой категориями определенности и неопределенности, ибо во взаимодействии любой предмет или явление, существуя как нечто определенное и выступая стороной взаимодействия, теряет свою самостоятельность и самотождественность, а поэтому проявляет себя как нечто другое, слитное с другим и неопределенное.

Обратим внимание на то, что понятия определенности и неопределенности стали объектом детального изучения в сравнительно недавнее время. Мощным стимулом их исследования явилась квантовая механика, изменившая традиционные взгляды на физическую, да и не только физическую картину мира. Эта оговорка значима, поскольку дает основания соединить различные, ранее высказанные положения с новыми, в которых выражение ориентационного подхода в отыскании определенности в рамках развивающегося физического знания представлено не столь явно [101].

Обращая внимание на слитность различных сторон, неразличимость, взаимопроникновенность как определяющие признаки неопределенности, следует учесть, что особенностью всего существующего (в рамках признания принципа всеобщей связи) является

незамкнутость в себе как таковом. И эта незамкнутость проявляется в том уже, что все существующее существует как единство противоположностей. Так обстоит дело и с неопределенностью, ибо «в силу всеобщности, универсальности взаимодействия абсолютна и сама неопределенность, но ее форма зависит от типов взаимодействия, связи частей в целом, элементов в системе и т.д. Поэтому неопределенность определена» [100, с. 75]. Вполне разделяя сказанное В.Е. Осиповым, заметим, что в таком случае определенность есть форма неопределенности, переходящей в свою противоположность. Именно поэтому процесс познания не может быть только абсолютен, так же как не может быть и только относителен.

С нашей точки зрения, одной из форм перехода неопределенности в определенность и является ориентационная зависимость, в рамках которой пространственная соотнесенность объекта к другим составляет основу его сиюминутной и сиюместной, то есть ситуативной, ориентационной определенности. Такого рода представление об ориентационной определенности приоткрывает завесу над текучестью, «растворением» определенности, ее ускользанием. Вместе с тем оно дает возможность оценить реальные способности разума «схватить», «связать» неопределенность бытия через практическую деятельность. Практическая деятельность, будучи всегда ограниченной во времени и в пространстве, выступает действенным средством реального обращения неопределенности бытия, в общем случае являющейся исходной формой представления бытия человеку, в определенность. Практическая деятельность выступает в этом плане средством преодоления человеком энтропийности, хаоса, неопределенности миробытия и обнаружения в последнем его порядка. Быть может, одной из уникальных особенностей существования человека и является то, что он существует за счет использования отношений и свойств действительности, данных ему в форме порядка; он является потребителем порядка, извлекаемого им из неопределенности бытия [80, 102]. Он может существовать как человек в той мере, в какой действительности присущи информация, порядок, логос, истина. При этом порядок, логос, истина не могут быть редуцированы к тем известным формально-логическим структурам, которыми человек пользуется поныне. Этот порядок восходит и к внелогическим формам, и к формам трансцендентным. Одним из способов выражения такого рода форм порядка является пространственно-временная

структурированность и обусловленность явлений. Относительно этого способа можно сказать: вещь такова, то есть обладает данной определенностью потому, что она «здесь» и «сейчас», тогда как «там и в иное время» то, что было данной вещью, станет вещью иной. Другими словами, вещь постигается нами как ориентационно определенная.

3.3.4 Закон, научная неопределенность и ориентация

В современном научном мышлении именно закон олицетворяет познannую определенность и потому именно с законом связывается во многом представление о надежных опорах деятельности, о ее надежной ориентации. Но все ли ясно и определено в самом законе? Ответ неоднозначен.

Сегодня под натиском фактологического материала, почерпываемого как в естественнонаучных исследованиях, так и в изучении социальных явлений приходится признать наличие значительной неопределенности не только в понимании гносеологической сути закона, но и в толковании самой сущности социальной реальности, которая в той же степени является продуктом деятельности человека, в какой человек является продуктом воздействия социального окружения. Неопределенность обнаруживается в понимании того самого адекватного отношения закона к реальности, которое весьма однозначно трактовалось в свое время марксизмом. В частности, Л. Бриллюэн, характеризуя закон как средство и форму научного знания, отмечает: «То, что пытаются делать ученые, это есть создание того или иного логического каркаса мышления, позволяющего им обнаружить внутренние связи и соотношения между экспериментальными наблюдениями, которые можно провозгласить в качестве «научных законов». «Мы выбираем экспериментальные результаты, которые представляются нам логически связанными между собой, и отбрасываем множество фактов, не укладывающихся в нашу «логику». Подобный прием является нашим изобретением, которым мы настолько гордимся, что настаиваем на признании полученных с его помощью результатов как «законов природы» [103]. За этим своеобразием трактовки закона скрывается его «приближенность» к действительности, но также и некоторая условность, относительность его как средства, служащего не столько для выражения истинности,

сколько для осуществления ориентации, обоснования деятельности.

Оставляя в стороне вопрос о законах собственно природы, заметим, что подобно тому как в физике нельзя одновременно точно измерить положение частицы и ее импульс, в социальной деятельности нельзя дать гарантий ни точности в знаниях закона и социальной реальности как таковых, ни их однозначного соответствия друг другу. И это последнее, конечно, вносит новизну, корректирует наше понимание реального соотношения вещей, имеющих различную природу, но приведенных во взаимодействие человеческой деятельностью. Следствием сказанного оказывается вывод об отсутствии жесткой детерминированности общественной жизни, синтезирующей в себе результаты природопреобразующей и социообразующей деятельности людей, законами, выступающими в наличествующем знании в качестве атрибутивных законов природного и социального бытия.

«Расхождение» закона и социальной реальности, «невписывание» последней в установленные законом границы существования социальных явлений задает, на наш взгляд, меру, степень, уровень неопределенности и в знании закона, и в знании природной и социальной реальности. В границах этой меры невозможно однозначно установить, обязано ли такого рода расхождение ошибкам в знании закона, или же оно обязано ошибочному видению природной и социальной реальности; связаны ли неудачи социального устройства общественной жизни с невозможностью знать природную и социальную реальность как таковые (в силу их сложности, противоречивости, масштабности) или они связаны с невозможностью постигнуть объективную суть общественных, в первую очередь, законов; или, наконец, с ошибками в подгонке функционирования социального организма к стандартам, задаваемым содержанием законов. Иными словами, трудно однозначно установить, порождается ли указанная неопределенность и соответствующее расхождение социальной реальности и закона объективными факторами и обстоятельствами или же субъективными. Мы полагаем, что имеет место и то, и другое. И соответственно имеются возможности совершенствования как наших знаний о сущности и функционировании законов, так и наших форм практического их применения.

Вместе с тем в наше логицизированное осмысление и понимание действительности с силой, пропорциональной субъективному стрем-

лению к ясности, определенности, порядку, истине и т.п. вносится весьма значимое противонаправленное воздействие, а именно объективная устремленность результатов деятельности к нарушению ясности, определенности, порядка. И это лишь одно из следствий, проистекающих вполне естественно и закономерно из сложности объективной реальности вообще и социальной реальности, в частности.

Другим, не менее важным следствием действительной и неустрашимой сложности мира, является локальность его пространственно-временного представления в сознании познающего субъекта. Из чего, собственно, и проистекает неправомерность прямого использования аналогий в функционировании законов природного и социального бытия. Даже за корректно осуществляемой в этом плане аналогией с соответствующими ее выводами нельзя не видеть специфики социального бытия, выражающейся в его негэнтропийной направленности, в отличие от энтропийной, деградационной направленности процессов в природном, физическом мире.

Признание перманентного присутствия неопределенности в соотношении закона и социальной реальности есть не только результат осознания несовершенства наших средств познания, но и результат осознания и признания наличия действительной свободы социального творчества, а вместе с тем, соответственно, и меры объективной независимости социально-исторического процесса от произвола субъекта социальной деятельности.

Современное научное мышление стремится преодолеть любого рода неопределенность, опираясь на познание того, что лежит в ее (неопределенности) основаниях – на случайность, вероятность, во-первых; на новейшие системы получения, переработки и хранения информации, во-вторых. Успехи на этом поприще впечатляют. В то же время, несмотря на возрастание в количественном отношении мощи научного мышления, в качественном отношении положение принципиально не изменилось, ибо неопределенность была и остается неотъемлемым атрибутом любой области познания, любой сферы предметно-практической деятельности.

Характерны в этом плане суждения Э. Квейда, который в «Анализе сложных систем» отмечает, что не существует твердых рецептов для разрешения неопределенностей. Однако всегда имеется возможность выбрать такой курс действий, чтобы ошибки не вели к ката-

строфе. В анализе, цель которого сводится к поиску путей действия в условиях неопределенностей, не следует предсказывать будущее в том смысле, чтобы попытаться определить единственную последовательность событий. Наоборот, следует приложить усилия и дать прогноз возможностей возникновения различных состояний в будущем. Поскольку будущее в принципе непредсказуемо, то слишком опасно действовать исходя только из «лучшей оценки» будущей обстановки. Вместо этого Э. Квейд рекомендует в результате анализа определить ряд возможных направлений развития и выявить серьезные неопределенности в оценке будущего [104, с. 253]. Действуя в познанном мире, человек чувствует себя уверенным и безопасным в своих действиях в той степени, в какой эта уверенность подкреплена полнотой, глубиной, всесторонностью его знаний, обретающих характер законов, императивов деятельности. В этом плане идея структурно-логической изоморфности мира, мышления и языка при всей ее гносеолого-методологической уязвимости во многом остается работающей парадигмой в организации жизнедеятельности человека. Позитивный потенциал названной парадигмы вряд ли следует считать вполне раскрытым и изученным.

Действительный мир – это целостность, взаимодействие, связь, отношение не просто отдельных, частных, изучаемых наукой областей действительности, но взаимодействие всех уже охваченных и еще не охваченных научным знанием сфер, явлений действительности. И если познанная сторона мира своей определенностью вселяет в человека уверенность в успехе его деятельности, то непознанная неопределенностью и непредсказуемостью делает потребность в ориентации каждодневной и непреходящей.

В сегодняшнем сложном соотношении сфер жизнедеятельности, регламентированных законами, положениями, инструкциями и т.п., и сфер, не регламентированных таковыми, доля последних не только велика, но скорее увеличивается, чем уменьшается. И чем больше познанного и регламентированного, тем больше непознанного и нерегламентированного и, соответственно, больше ответственности за риск действий в областях с высокой степенью неопределенности. Драматическим примером сказанного является едва ли не вся практика постсоветских преобразований в любой из стран СНГ, когда в погоне за реализацией одних норм и идеалов экономического, политического и т.п. строительства забываются не менее значимые

нормы, императивы нравственного, эстетического, религиозного и т.д. жизнеустройства. За сказанным стоит, во-первых, то, что следует весьма осторожно и вдумчиво относиться к пронизывающим действительность (природную, социальную, духовную) формам и видам закономерности как таковым. Во-вторых, то, что в сфере сознания, предваряющего практическую деятельность, должны фиксироваться не только законы сами по себе, но также и связи, взаимодействие законов природы, общества и мышления между собой.

Любое сознательное регулирование общественной жизни, социальное управление превращается в фикцию, перерастает в произвол без понимания системности, взаимозависимости законов, действующих относительно независимо в каждой из сфер бытия и жизнедеятельности человека с одной стороны; без понимания раздельности, противопоставленности законов с другой стороны, без учета, наконец, взаимодополнительности законов, оказывающих реальное влияние на общественную практику.

Еще Ф.М. Достоевский, потрясенный властью денег, превращающей жизнь «в отвратительную сатиру», писал о свободе, которая для современного и экзистенциального, и экологического, а во многом и политического мышления является основой человека, «средой его обитания, его экологией»: «Что такое *Liberte*? – Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода делать все, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно» [105, с. 105].

Подобно тому, как в демократическом обществе институт разделения властей, служащий укреплению социальной целостности, предполагает определенную автономию и развитость каждой ветви власти, институт социального управления, в основе деятельности которого лежит закон, не может не исходить из идеи дополнительности правовых, нравственных, экономических и т.д. законов, при всей их относительной самостоятельности. И в этом плане знание «больших» законов (общества, природы) и «малых» (моральных, религиозных и т.д.), их гармонизация в рамках практической деятельности есть трудное, но необходимое условие совершенствования, развития общественной самоорганизации, есть формирование надежной ориентационной основы ее функционирования.

В самом общем плане законы, устраняя неопределенность действительности, выражая ее определенность, определенным же образом соотносятся друг с другом. Соотносятся объективно в рамках целостного бытия универсума и субъективно – в рамках абстрактно-логического, научно-теоретического познания действительности, в рамках деятельностного способа существования человека в мире. Определенная объективная соотнесенность законов столь же является способом, формой их бытия, сколь сами законы являются формой, способом бытия явлений в мире. Потому в целостном знании законов (в их отдельном проявлении и в их взаимодействии) человек видит определенную гарантию успешности и безопасности своих действий в окружающем мире, гарантию надежной ориентации в нем.

3.3.5 Ориентационная определенность человека

Исследуя ориентационную определенность явлений действительности как таковых, нельзя не обратить особого внимания на определенность самого человека как одного из наиболее значимых явлений миробытия. Разумеется, существует множество «срезов» рассмотрения человека от чисто физического рассмотрения до социокультурного, в котором человек сам осознает свое место, свою ценность, свой смысл в пространстве срезов социального бытия.

В характеристике ориентационной определенности человека уместно начать с примечательного высказывания Бибихина о поиске человеком своей определенности. «Разве человек – сумма материального и растительного, животного, разумного, политического?» – спрашивает он и дает следующий ответ: «Складывать человека из его свойств нельзя не только потому, что мы пока еще мало его знаем, не только потому, что он еще не показал себя, но главное потому, что у него есть опыт своей цельности, не состоящий ни в какой зависимости от самоизучения. Как раз нигде человек не теряет себя вернее, чем при разборе своих свойств и качеств. Между тем собрать себя он обязан; если он не найдет себя, то даже Бог не найдет потерянного человека» [99, с. 64]. Так образно раскрывается проблема, которая жизненным бытием человека вновь и вновь «растаскивает», «расформировывает» сложенную, созданную предыдущей деятельностью, неимоверными, быть может, усилиями социальную определенность: нравственную, политическую, правовую, физическую и т.д. и т.п. –

отец, муж, член парламента, арендатор, дипломат, вождь, гуманист, пахан, патриот и т.д. и т.п. Нельзя при этом не разделить здесь мысль о том, что всего проще растерять себя в наше время, когда настойчиво навязываются, обещая выход из неопределенности, волевые решения: человек – винтик, человек – бестия, человек – социальное животное, человек – звено биологической эволюции [99, с. 64].

Рассматривая многообразие ориентационных определенностей, извлекаемых человеком из неисчерпаемого множества его связей и взаимодействий с изменяющимся миром, обратим внимание на хайдеггеровскую идею бытийности *Dasein* человека как его сущности, улавливающей те же возможности неисчерпаемого многообразия своего проявления. Это находит свое выражение в понятии «присутствия»: присутствие, если можно так выразиться, – нечеловеческое в человеке, его бездна. Возможностям человеческого «вот» не видно края. Вне присутствия – сплошные причинно-следственные цепи, только в нем свобода и потому только в него бытие и сущее могут войти своей истиной, а не только своей функцией [99, с. 65]. Но если в хайдеггеровском понимании поиска человеком себя в мире бытия велика доля экзистентности, то в нашем понимании той же проблемы бытия и поиска своей определенности человеком превалирует сциентистская линия. В осознании ориентационной ситуации или ситуации бытийной, в которой пребывает человек в мире, как это представляется в хайдеггеровской концепции и в нашей трактовке, есть общее, но есть и различие. Суть хайдеггеровской концепции такова: «Не я решаю, присутствовать мне или нет. Во сне, наяву, рассуждая и не рассуждая, я брошен в собственное присутствие, в «вот» моего бытия. Оно не «что», а «есть», открытое всем возможностям, и не последняя из них – упустить себя... Призвание человека не в том, чтобы реализовать одну из своих возможностей, а в том, чтобы осуществиться в своем существе «понимающего в бытии», пастуха его истины. Об этой единственно подлинной возможности быть собой среди многих неподлинных не перестает говорить совесть, не давая прекратиться заботе... Мерой подлинного присутствия отмеривается время человека и вмещаемого им мира. Как он не равен сумме своих частей, так время измеряется не периодом полураспада, а моментами осуществленной истины бытия» [99, с. 65].

В позиции Хайдеггера ощутимо дуновение легкой мистики, мистики бесплотного, беспредметного бытия. Для нас же человек пре-

бывает прежде всего в мире реальности, полном как предметного, оформленного, так и беспредметного, неоформленного, «расплавленного», неопределенного бытия. И в этом сложном и противоречивом мире, как правило, ищет он своего определения, ищет свою определенность. Вряд ли до конца отдаем мы себе отчет и ясно понимаем глубинный смысл, который скрыт за уже привычными словоупотреблениями типа «многомерность жизни», «жить в ином измерении», «жить в разных измерениях», «одномерность и многомерность бытия», «одномерный человек» и т.д. Между тем за обыденным словоупотреблением нередко стоит интуитивная потребность выразить специфическую особенность жизни человека, а именно находиться по отношению к другим людям одновременно «в их» и «не в их» пространствах бытия, быть одновременно принадлежащим миру жизни других людей и принадлежащим собственному, едва ли не полностью закрытому для кого бы то ни было другого миру жизни.

Но если этот уровень интуитивного осознания достаточно прозрачен даже для того, чтобы его учитывать в практических взаимоотношениях людей друг с другом (находиться в едином геополитическом, экономическом, правовом, нравственном, эстетическом пространстве бытия и измерения и т.д.), то «выход», точнее основание или основания для «выхода», в иные измерения как некий предлогический феномен понимания отмеченной выше специфики бытия людей такому легкому прозрачному осознанию не поддается. Люди не наделены сегодня такого рода прозрачностью и не отдают себе ясный отчет в том, сколь многолик, множествен перечень этих оснований, отбрасывающих их друг от друга или сближающих друг с другом в космосе их бытия. На поверхности понимания обычно находятся традиционные ценности, отношения, меры близости или отдаленности их друг от друга как основания их принадлежности единому пространству бытия, социальному слою, клубу и т.д. — деньги, имущественное, социальное положение, мера обладания властью, политическое, нравственное, эстетическое и т.д. единомыслие и т. п. В действительности это первичное разграничение дает достаточно грубое представление о реальности формирования индивидуального микромира бытия как пространственно-временной точки, как динамично меняющегося в своей определенности узла пересечения отношений, реально существующих между всем множеством элементов

бесконечно многообразного бытия. Мы живем не только во взаимосвязанном мире, мы живем в никак не связанных между собою мирах. И только изменчивость, подвижность самих миров и отношений между ними, сближает нас, «вводит в поле тяготения» друг к другу, ставит в «единую плоскость» или в единое «пространство» бытия. И нужны особые ориентации – «резонаторы», чтобы между людьми в этих мирах возникла гармоничная связь.

Любое новое отношение рождает новое измерение, придает новое качество индивидуальному. Мы своего рода «броуновские частицы», осознающие всё величие своего бытия в мире через «удары» внешних сил, ставящих всякий раз это бытие на грань жизни и смерти, демонстрирующих всякий раз всю хрупкость и зыбкость построенной нами величественной картины, дополняющих эту картину каждым своим ударом или прикосновением новыми штрихами, утверждающими нас в верности нашего самомнения о себе и о смысле своей жизни или в его неверности.

3.4 Знание

Говоря о дескриптивности истины, С.Б. Крымский справедливо замечает, что следует разделять понятия адекватного знания реальности и понятия объективного знания, находить границы, контексты, в которых данные понятия совпадают или же расходятся. Ориентационное знание в большей степени, чем какое другое, «чувствительно» к адекватности отношения человека и мира. И дело здесь не только в том, что человек отражает мир лишь в той мере, в какой способен реализовать в нем себя, «воспроизводит мир лишь постольку, поскольку мир выступает миром человека, «зеркалом его возможностей» [106, с. 75], но в том, и это очень важно, что человек сознает себя и мир как нечто данное раз и навсегда для данного момента взаимодействия, и как лишь одну из возможностей мира, реализованную в данный момент. Потому знание мира в этот актуальный момент совпадения и реализованных потенций бытия мира, и реализованных возможностей человека самодавляюще. Оно истинно своей особой истинностью: актуальностью ответа на потребности в ориентации. Но оно не произвол лишь случайных совпадений, оно отклик, реакция на потребность в знании, наиболее адекватно

выражающем эту соотносительность концентрированных в актуальном «Я» сочетаний сознательного и подсознательного, чувственного и рационального, интеллекта и воли, с одной стороны, и концентрированных в пространственно-временной форме «здесь и теперь» для человека событий мира, с другой стороны. В точке пространства и времени, где возникает «гносеологическое напряжение», где возникает потребность в ориентации, рождается ориентационное знание. Пытаясь дать его характеристику, обратим внимание на ряд ниже изложенных моментов.

В осознании характера современного познания все более обнаруживает себя тенденция утверждения познания как своего рода «зондажа» потенциальных миров, миров альтернативных, вероятностных, виртуальных. Не только в физическом, но и в социальном познании утверждается необходимость обнаружения, учета или, по крайней мере, признания в качестве важного свойства бытия явлений действительности их виртуальности, событийного характера. Признается, что в науке формируется особого рода «вариативное мышление», которое оперирует множественностью решений проблемных ситуаций, а задачу выбора единственного «царского пути» заменяет поиском комплиментарности, дополнительности, условий целостности гносеологических результатов. Здесь приходят в действие такие характеристики бытия и мышления, как полнота событий, гносеологическое поле, событийность, альтернативность, модальность и т.д. Специфически осознается наличие в целостной системе знания особого знания об упущенных возможностях, о необратимо прошедших мимо сознания мирах, состояниях бытия. Осознается, что в виртуальном состоянии, в ускользающем от сознания виде находятся явления не только прошлого, будущего, но и настоящего. Проблема ориентации, потребность в ориентации – это не что иное, в свете сказанного, как в чем-то инстинктивное реагирование даже сциентизированного сознания на полноту мира явлений, складывающуюся из существующего и несуществующего (для нас), из явного и неявного, на полноту желаемого знания и на недостижимость этой полноты, ибо человек всегда лишь в месте, но не во всех местах сразу; человек в этот момент времени, но не во всех моментах времени сразу, он «присутствует», но не в бытии, а пока лишь в месте бытия. Лишь гению дано «видеть в вещах не то, что при рода действительно создала, а то, что она пыталась создать, но чего

не достигла» (Шопенгауэр), восстанавливать виртуальное бытие и делать практические выводы. Если шопенгауэровское «мир – мое представление» означает, согласно А.А. Чанышеву, что «субъект не может порвать связности и обусловленности своего знания собой, познающим», своим субъективно-психическим априоризмом, то это только одна сторона дела. Другая, с нашей точки зрения, – в связности, обусловленности знания внешним миром; в связности, обусловленности внешним миром самого субъекта.

Уместно обратить здесь внимание на понимание Шопенгауэром пространства, времени, причинности. У него это, прежде всего, «объективный» порядок в мире. И существующий объективно мир нуждается в «оке», «глазе», «уме», который этот мир увидит, помыслит, поймет, выразит, и «от первого раскрывшегося глаза, хотя бы он принадлежал насекомому, зависит бытие всего мира. Именно потому, что мир сам ничего не знает о том, что он мир, потому, что он становится миром только для первого познающего существа» [107, с. 13], он становится, обретает качество быть миром лишь в свете возникшей «точки зрения» (глаз, око, ум). Чтобы быть всевидящим «оком», человеку нужна п о л н о т а представлений о мире, полнота связности его с миром. Но такая полнота недоступна индивиду. Она, хотя и не исчерпывающим образом, реализуется *через* и в совокупной деятельности человечества, оставаясь, вместе с тем, при строгом подходе идеалом для человечества в целом. В этом смысле не отдельный человек чувствует и осмысляет мир, но человечество. Отдельный же человек погружен, существует в мире общечеловеческих представлений и знаний, он существо, действующее априорно, ибо его опыту и его деятельности предшествуют результаты познания и деятельности общественно-исторического субъекта.

Его ориентация в мире опосредована ориентацией в мире человеческого общественного знания и чувствования. Человек живет и действует не столько в мире природы, сколько в мире книг и информации, в мире вещей и социальных, т.е. искусственных по происхождению, явлений, сознавая при этом, что бесконечная мощь развивающегося знания, в которое он погружен, неизмеримо меньше мощности и потенциальной полноты бесконечного и вечно существующего, неисчерпаемого в многообразии своих проявлений мира.

Если же мир однороден, исчерпаем в качественном отношении, то подлинным демиургом своего бытия в мире следует признать

самого человека, отождествляющего себя с одной из голов человеческой гидры, ибо созданный его представлениями и его волей мир в таком случае ему ближе, значимее, ценнее, чем дурная бесконечность качественно исчерпаемых форм бытия, существующих до него и помимо него. В этом смысле трудно не согласиться с тем, что поскольку «каждый человек имеет миссию истины. Там, где находится мой глаз, не находится другой; то, что видит в реальности мой глаз, не видит другой. Мы незаменимы, мы неповторимы» (Х. Ортега -и- Гассет), то место, которое определенный индивид в данный момент занимает в бытии совершенно неповторимо. Вот это место и, соответственно, это время и есть подлинная основа ориентационного знания, его определяющая сторона.

Гносеологическое ориентационное напряжение (интерес, потребность знания) возникает там и тогда, где и когда нарушается относительный синкретизм, синхронность бытия мира и бытия человека в нем; где «сбои», «ломки» нарушают естественное, в пределах нормы, стандартное противостояние человека и мира как субъекта и объекта, как цели и средства жизни. Причиной таких сбоев являются и противоречивый по своей сути характер бытия всего существующего, и противоречивый характер, парадоксальность самого человека.

Возникновение нестандартных, проблемных ситуаций, противоречий – благодатная атмосфера для познания. В этих «изломах», аномальных областях бытия, в обнаруживаемых время от времени парадоксах теории и эксперимента, субъект познания ищет истину как такое знание, которое бы обнажило и выразило утаенную природой сущность, закон, ускользнувшие ранее от его пытливого исследования.

В этом смысле за нестандартностью ситуации ученый видит возможность нахождения объективной истины. Субъект же ориентационного знания не идет столь глубоко. Его способен удовлетворить «верхний слой» этой объективности – адекватность, соответствие, способность полученного знания «затянуть», закрыть образовавшийся разрыв: неопределенность, противоречие, альтернативность и т.п. для последующего нормального, не отягощенного страхами и сомнениями функционирования, деятельности в мире.

Сказанное не следует понимать так, что якобы ориентационное знание существует только в условиях экстремальных, аномальных и т.д. Дело обстоит иначе. Будучи сформированным, оно может исполь-

зоваться и используется далее в нормальной стандартной обстановке. Оно, даже как способствующее нормализации отношений, может восприниматься в качестве истинного, что не исключает реального совпадения, тождества, в определенных ситуациях ориентационного и строго научного знания. В ряде случаев снятие гносеологического напряжения, связанное с формированием ориентационного знания в связи с необходимостью последнего как средства разрешения ситуаций неопределенности, сомнительности и т.п., осуществленное на высоком уровне компетенции может быть отождествлено с научным решением конкретных проблем познания.

Годы перестройки, трансформационных процессов в обществе с изобилием всевозможных решений, постановлений, законов, резолюций, декретов, указов и т.д. и т.п. хорошо иллюстрируют эту ситуацию использования ориентационного знания (промежуточного между состоянием неопределенности – незнания и истинного знания, обретшего форму научно обоснованного закона) для поддержания общественной жизни.

Больше того, в ситуации нестандартности, бросающейся в глаза подвижности, изменчивости ценностей, опор, на которых зиждется жизнедеятельность человека и общества, имеет место негласный отказ от претензий на обладание научной истиной, «истиной в последней инстанции», абсолютной и объективной. Признается, таким образом, наличие и действенность некоей рабочей, временной истины, которая позже либо сольется, либо уступит место научной истине. Так на практике реализуется, функционирует и фактически признается ориентационное знание, его объективное значение, смысл не только на уровне жизнедеятельности личности, но и на уровне жизнедеятельности общества. В этом плане за фасадом «времени гласности» во весь рост стояла потребность разрешить не тоталитарным образом накопившиеся противоречия и неопределенности социальной жизни.

Строго говоря, никакого ч и с т о г о ориентационного знания не существует. Ибо даже самое строгое научное знание, поскольку оно дает определенность сущего лишь в конкретной обстановке, в конкретной системе отсчета («истина конкретна») подразумевает наличие других систем отсчета, точек зрения, а следовательно, контекстуальность, вписанность данной системы в потенциальное множество других, есть знание ориентационное. Подходя с различных сторон,

об этой привязанности знания и практики к системе отсчета, к социальному и, в более широком плане, социокультурному контексту, а следовательно, об ориентационном характере знания, говорят следующие признания: «У нас нет широко изданных идеологов различных направлений, мы крутимся в привычной для нас системе идеологических и экономических координат» [108]. «...Мы обретаем, наконец, духовную свободу и возможность ответить на вопрос, кто мы и где находимся в точных координатах развития мировой цивилизации, в понятиях, выношенных в лоне культуры...» [109].

Указывая на зависимые от практической ситуации знания, И.Т. Касавин отмечает, что знание, рождающееся в лоне непознавательной практической деятельности, базируется на весьма локальной практике и удовлетворяет вполне определенную потребность. Его трансляция предполагает личное общение, и закрепляется это знание в системе не рефлексивных норм и стандартов, а интеллектуальных навыков. Критерием применимости его служит непосредственная эффективность, которая обнаруживает неотъемлемость практического знания от умения [110, с. 23]. Такого рода знания относятся к разновидностям ориентационного, которое, как и знание *практическое*, едва ли может быть вытеснено наукой. Характеризуя перспективы использования такого «практического» знания в жизнедеятельности человека, Касавин формулирует следующее предположение: если общественный прогресс ведет к умножению многообразия потребностей и интересов, то доля общественного производства, регулируемая некоторыми общими стандартами, а также роль стереотипов в общественном сознании будет относительно уменьшаться [110]. Это значит, что будет возрастать многообразие форм знания, связанных с локальными практиками, не требующими универсальной стандартизации. Индивидуализация знания в лучшем случае окажется совместимой с какой-то иной, отнюдь не современной наукой.

На практический характер ориентационного знания обращает внимание и Е.К. Быстрицкий, отмечая, что практическое сознание вообще совпадает с тем пластом знаний, который актуален для человека в данный момент, обладает предметной действительностью «здесь» и «сейчас»; что общие характеристики практического сознания – фактичность, предметно-смысловая многозначность и т.п. существовали всегда в виде условия человеческого бытия в мире, его непосредственной действительности [111, с. 31].

Выходя генетически из пространственно-временной организации объективного мира, человек в своих психических, ментальных структурах «снимает» соотношенность себя с миром, снимает свою пространственно-временную обусловленность миром в виде различных способов восприятия и адаптации к действительности. В этом априоризм генетических форм, априоризм генезиса природного и социально-исторического развития человека. Данное обстоятельство не может остаться незамеченным научным мышлением. Если человечество возникает в ходе эволюции живой природы, оно естественно несет в себе в преобразованном, снятом виде некоторые фундаментальные свойства живого вообще. В первую очередь, такое свойство, как стремление к максимальной адаптации. Именно здесь и зарождается объяснительная установка, ибо, чтобы выжить, нужно знать причинно-следственную структуру среды обитания и иметь это знание в виде генетически-рефлекторного, инстинктивного ее объяснения [112, с. 44]. Другими словами, чтобы выжить, человек должен ориентироваться, иметь ориентационное знание. Существуют различные виды ориентационного знания и уровни его проявления соответственно эмпирическому и теоретическому познанию и соответственно механизмам ориентационной деятельности (наука, искусство, философия, мораль, религия и т.д.).

Крайними видами ориентационного знания в диапазоне возможных являются, с одной стороны, строго логизированное частнонаучное знание (физическая картина мира и т.п.); с другой стороны, мозаичная комбинация различных систем отсчета, образующая своеобразную метасистему, координатами которой являются элементы чувственного и логического, разумного и трансцендентного, рационального и иррационального, в которой знание, обслуживая «сиюминутный» и «местный» интерес, может, тем не менее, прочно осесть в арсенале средств превращения неопределенного сущего в его определенность.

Выводы третьей главы: Анализ существа и структуры ориентационной деятельности, а также ее осознанного воплощения – ориентационного подхода – в содержательном и функциональном планах выводит к следующим генетическим и операциональным определениям базисных характеристик, эксплицируемых научным мышлением из различных проявлений ориентационного аспекта жизнедеятельности человека: его познавательной и предметно-преобразующей

деятельности. 1. Ориентационная потребность – потребность человека в разрешении проблемы ориентации в природной и социокультурной реальности средствами, необходимыми и достаточными для преодоления «здесь» и «сейчас» факторов неопределенности, нестабильности, деструкции, хаоса; для нахождения форм самоидентификации, форм самоопределения как предпосылок и оснований целесообразной жизнедеятельности в изменившихся и изменяющихся обстоятельствах. 2. Ориентационная ситуация – такое отношение или совокупность отношений (непосредственных или опосредованных) человека к миру и самому себе, которое характеризуется нарушением привычных, стандартных, стереотипных условий существования, форм поведения и деятельности в окружающем мире; характеризуется настоятельной потребностью новых форм и способов (соответственно, непосредственного или опосредованного) «нахождения», самоопределения себя в контексте изменения природной и социокультурной реальности. 3. Ориентационная определенность – определенность явления (события, состояния, объекта, субъекта и т.д.), обусловленная обстоятельствами места и времени, выражающими действительность со стороны ее изменчивости, противоречивости, неопределенности, случайности; являющаяся производной функцией места-времени бытия явления (события и т.д.) в сущем. 4. Ориентационное знание – вид знания, являющийся в условиях ориентационной ситуации результатом ориентационной деятельности, которая нахождением, формированием новых идеалов, идей, знаний, ценностей, истин и т.д., то есть новой определенности образа мышления и поведения, обеспечивает приемлемую (необходимую и достаточную) адекватность характера и способов жизнедеятельности человека изменениям окружающего мира.

ГЛАВА 4

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОРИЕНТАЦИОННОГО ПОДХОДА

4.1 Основания рефлексии

Естественным основанием осмысления (рефлексии) реальности существования особых механизмов ориентации человека в окружающем мире является признание объективной роли, которую в существовании всего живого вообще и человека, в частности, играют случай, неопределенность, случайность как необходимое бытие случая. Это признание, влекущее осмысление, «узнавание» механизмов ориентации в структуре элементов, факторов, обеспечивающих жизнедеятельность человека, делает возможным заключение о том, что существование ориентационных механизмов, «отражение» в них ориентационных зависимостей действительности выражает двойственное отношение человека к миру, а именно гносеологическое и ценностное; выражает в обобщенном виде специфический, а именно ориентационный подход человека ко всему существующему.

Суть этого подхода в том, что человек, во-первых, осознает наличие объективно и субъективно складывающихся ориентационных зависимостей действительности; во-вторых, осознает развитие в филогенезе и онтогенезе форм и механизмов ориентационной деятельности; в-третьих, осознает ориентационную деятельность как естественную и необходимую предпосылку и составляющую своей жизнедеятельности в окружающем мире вообще; в-четвертых, спонтанно или преднамеренно использует на практике механизмы ориентационной деятельности. Отношение между ориентационной деятельностью и ориентационным подходом подобно отношению между законом и принципом. Имея одно и то же содержание, они различным образом функционируют: закон – это реальное существование и способ выражения устойчивых и необходимых связей действительности, а принцип – это знание закона и использование этого знания в качестве регулятора деятельности. Ориентационная деятельность – это реальность, объективная сторона жизнедеятельности человека как

биологического, психического и социального существа, тогда как ориентационный подход – это осознанное использование отрефлексированных форм, механизмов ориентационной деятельности в познании и практике.

Из сказанного в предыдущих разделах следует, что первичными механизмами, реализующими ориентацию человека в физическом пространстве и времени, выступают ощущение и восприятие, затем идут мышление и воля, реализующие ориентировку в пространстве социальных взаимодействий, и, наконец, разновидности общественного сознания, формирующие (априористская сторона сознания) и реализующие (апостериористская сторона сознания) ориентацию человека как в пространстве социальных взаимодействий, так и в пространстве его вселенского бытия. Сознание, выступающее в качестве средства формирования ориентации, презентует себя как априорный фактор. Когда же сознание выступает в качестве средства реализации, сформированной им же ориентации, оно презентует себя как фактор апостериорный. В априорном качестве сознание есть носитель ориентационных механизмов различного рода, исторически наследуемых человеком в процессе его онто- и филогенетического развития, вплоть до наследования артефактов коллективно-бессознательного. В апостериорном качестве сознание выступает тогда, когда содержание отрефлексированной им ориентационной деятельности становится регулятивом, ориентационным основанием его последующей деятельности. Именно здесь ориентационная деятельность обретает качество ориентационного подхода.

Из сказанного ранее следует также, что формирование и функционирование механизмов ориентации обусловлено, детерминировано наличием или потенциальным существованием ориентационной ситуации, существенными характеристиками которой выступают неопределенность, новизна, нестандартность, противоречивость, альтернативность и т.д.

В анализе гносеолого-прагматической стороны ориентационных характеристик жизнедеятельности человека («линия Павлова») подчеркивалось, что природа всех ориентационных механизмов кроется в необходимости взаимодействия живых организмов вообще, и человека, в частности, с миром случайного, неопределенного; что функцией ориентационной деятельности является снятие, «уничтожение» неопределенности и формирование ориентационного

знания как предпосылки осознанной, понимающей деятельности. В анализе экзистенциально-прагматической стороны ориентационных характеристик жизнедеятельности человека («линия Фромма») акцент делается на выявление в природе ориентационных механизмов интенции смысла, ценности, сущности человека и его жизни.

Готфрид Лейбниц, отмечая, что в опыте слагаются истины факта, которые важны для познания, хотя и не достигают статуса логико-математических, всегда необходимых истин, признавая в определенной мере случайный характер истин факта, указывал, тем не менее, что в определенном смысле познание истин факта более важно, чем познание вечных истин хотя бы потому, что область истин факта значительно больше области вечных истин.

Ориентационная определенность есть объективное основание ориентационного знания. По своей сути последнее вполне подпадает под критерий опытного знания, то есть знания, способного содержать истину факта. Однако в ряде достаточно многочисленных случаев ориентационное знание есть знание, рожденное аналитико-синтетическим способом. Оно сочетает в себе и теоретическое, и опытное, эмпирическое. При этом оно, не теряя статуса истины вообще, имеет для практической деятельности человека не менее важное значение, чем вечные истины. Говоря иначе, предметом познания для человека являются события трех родов – случайные, необходимые и те, которые не могут быть отнесены определенно только к случайным или только к необходимым. Именно эти, последние, и являют нам сферу фактов, то, что, будучи обнаруженным, не носит сиюминутного, преходящего характера, но может быть многократно и уверенно воспроизведено в иное время и в ином месте. Это фактическая действительность. Ей соответствуют в познании истины факта. События же первого рода – случайные – жестко связаны с местом и временем своего осуществления. Им соответствуют в познании истины случая. Наконец, события третьего рода – необходимые и всеобщие. Им соответствуют истины необходимости и всеобщности – «вечные истины», истины науки.

Идем ли мы от случая к необходимости? Да, если есть надежда, что необходимость обусловит надежность нашего существования. Но мы идем также к постижению истины случая, используя знание истины необходимости, если осознаем всю силу и значение случая в жизни человека. Это последнее и составляет существо ориента-

ционной деятельности по большому счету. Этим определяется и роль механизмов ориентационной деятельности – они нужны для того, чтобы постигнуть истину случая, будь это сама жизнь человека как случай в целостном бытии Вселенной.

Привычно считать, что в науке естественен путь от случайности к необходимости. Поэтому истина случая есть то, что в нем есть от необходимости как вечной и неизменной. Что же касается обратного движения от необходимости к случайности, то он вроде бы не имеет интереса и смысла, ведь случай – то, что может произойти, а может и не произойти. Но в том-то и дело, что случай все-таки происходит, а мы порой этого не замечаем, мы не готовы к нему, либо готовы к нему лишь как к... проявлению необходимости. Между тем следовало бы равным образом считать саму необходимость проявлением случая. И это особо верно тогда, когда именно случай заставляет нас поступать так, а не иначе, делает необходимым тот или иной способ нашего мышления, поведения, деятельности.

Ориентационные механизмы деятельности человека, формируемые исподволь, есть естественная, ранее недостаточно осознаваемая реакция на неизбежность, необходимость случая. Они есть средство его профилактики. Порою, правда, эта профилактика носит односторонний характер: наука, философия, религия и т.д. берут за исходное постижение необходимости нивелировку случайности как выпадка, как несущественности, преодоление которой выводит к устойчивости и благополучию. А обладание высшей истиной, высшей мудростью делает человека стоящим над суетой, быстротечностью и т.д. и т.п. явлений, событий, случаев жизни. Ориентационные же механизмы деятельности «настроены» на случай, случайность, на то, что «Случай может решить все», что он соизмерим по своему значению со всем, что было, есть и будет; что место и момент случая и его существо мгновенно вбирают в себя всю бесконечную содержательность и вечность бытия. Случай делает истину ложью и, наоборот, ложь – истиной; он может обесценить сокровища материальные и духовные, но может придать ценность ничтожному. Случайность в традиционном понимании имеет два смысла: научно-теоретический и обыденный. В первом смысле случайность – проявление необходимости, и в этом аспекте сама суть необходимость. Во втором смысле она нечто несущественное, мало достойное внимания, то, что никоим образом не влияет на ход дела.

Именно постоянная готовность учесть обстоятельства случая является имманентно присущей чертой человеческого бытия, усиливающаяся или ослабляющаяся в зависимости от того, сколь быстро или медленно изменяется окружающая человека действительность (социальная, природная и т.п.). Наука как средство, механизм ориентации реализует себя в форме опережающего отражения Случая и соответствующего предупреждения его нежелательных последствий. Поэтому она вопрошает природу, и вопросы к природе становятся постоянным ее делом. Наука пытается устранить ориентационную (случайностную, неопределенностную) ситуацию из обыденной жизни людей, профилактически обращая эту ситуацию в предмет своей собственной заботы и внимания, в предмет собственного разрешения. В определенном смысле то же самое можно сказать об ориентирующей функции искусства, морали, религии и т.д. Настоящее не только дитя прошедшего, оно проистекает из будущего. Это хорошо чувствовали люди средних веков, люди рыцарского мироощущения, для которых мгновение жизни уравнивалось с вечностью, которые глубоко чувствовали энергетику Случая. Вопросая сегодняшнюю природу, наука извлекает ответы на завтрашний день, и в них как бы снимается неопределенность, непредсказуемость бытия.

Принятый в науке в качестве исходного, закон достаточного основания игнорирует случай как то, что ни в коем случае не может быть основанием для вывода. Но дело именно в том и заключается, что индивидуальный случай на практике сплошь и рядом служит основанием реальных поступков и мыслей людей, по крайней мере, наряду с устойчивым, неизменным опытом (и в этом плане не случайным), со знанием законов природы, общества, мышления. В связи с этим имманентно присущая человеку способность учесть, использовать случай и есть его определяющая черта как существа ориентирующегося. Именно к случаю, к восприятию его во всей его действительной значимости формируются соответствующие уровням включенности, характеру взаимодействия человека с окружающим миром механизмы ориентации (механизмы ориентационной деятельности – от биологических до социальных и ноогенных).

Ф. Энгельс был прав, говоря, что в природе нет случайностей, ибо она сплошь состоит из случайностей. То же можно сказать и применительно к жизни. Было бы удивительно потому, если бы человек, постоянно взаимодействующий с миром случайности, не выработал

в процессе своего эволюционного развития механизмов отслеживания, учета и использования как раз индивидуального случая, то есть стечения обстоятельств места и времени здесь и сейчас. Размышляя над жизнью и деяниями достойных людей, Никколо Макиавелли писал в «Государе»: «Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай... Итак, каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [113, с. 17]. История не знает сослагательного наклонения – это так, она не может вернуть случившегося, она лишь дает наказ предусмотреть роль и значение случая на будущее.

Вместе с тем, быть может, появляется и новая гносеологическая контрарность движения мысли: не только по «волнам» превалирования духа над материей (восходящая ветвь синусоиды), а затем материи над духом (нисходящая ветвь синусоиды), но также по «волнам» превалирования ориентационного (через призму случая) познания над сущностным (через призму необходимости) как восходящей ветви, как ветви конструктивистской, творческой, и, наоборот, превалирования рационально-сущностного познания над познанием ориентационным (нисходящая ветвь) с достижением опять-таки вершин гармонии одного с другим и вершин спада, истощения рациональности [27]. Проблема интуиционистских озарений в свете сказанного может быть рассмотрена через идею «срабатывания» ориентационных механизмов, закладываемых в нас Вселенским происхождением, механизмов, несущих в себе априористски голографический ключ истинностного видения. Ибо истина столь же в вечности и бесконечности, сколь в краткости мгновения и ограниченности обстоятельств.

Как уже отмечалось раньше, ориентационная деятельность возникает в рамках учета и использования человеком фактора его местобития в Универсуме. Фактор столь же необходим, сколь и случаен, и поскольку случайностная сторона как главная в мотивации ориентационной деятельности нами в определенной мере в гносеолого-прагматическом аспекте рассмотрена, то мы в дальнейшем обратим внимание на рефлексию в современном философском мышлении

другой детерминанты феномена ориентационной деятельности, взятой в том же гносеолого-прагматическом аспекте.

Речь идет о том, что ориентационные зависимости есть зависимости определенности от местоположения, но само место есть форма соотнесенного существования единичной вещи во множестве других вещей, есть, следовательно, проявление всеобщей пространственно-временной формы бытия сущего на уровне единичной, отдельной вещи. И коль скоро правомерно говорить о различных видах пространственно-временных отношений (биологическое пространство, физическое пространство, социальное пространство и т.д.), то столь же правомерно говорить о соответствующих данным формам места ориентационных зависимостях.

В этом плане анализ эволюции пространственно-временных воззрений человека дает возможность реконструировать характер ориентационных зависимостей и соответствующих механизмов ориентационной деятельности, используемых им в тех или иных исторических условиях, в те или иные исторические эпохи. Связь изменений мировоззренческих ориентаций и изменений картин мира, в которых особое место занимают пространственно-временные характеристики, обстоятельно освещена в ряде работ В.С. Степина.

Понятно, что проникновение человеческого ума в «лабораторию пространственно-временных изменений», постижение качественного многообразия пространственно-временных форм бытия сущего есть, вместе с тем, проникновение человека в самого себя; есть постижение тех механизмов биологической, психической и социальной деятельности, которые, реагируя на действительность в ее пространственно-временной представленности, в ее пространственно-временной данности, позволяют человеку «найтись» в мире сущего, обрести в нем адекватную обстоятельствам (ситуации, случаю) определенность мысли и действия. Другими словами, за реконструкцией эволюции пространственно-временных представлений человека «проглядывает» реконструкция эволюции механизмов ориентационной деятельности.

В связи со сказанным представляется закономерным то, что в работе, посвященной исследованию статуса, структуры и многообразия функций категорий пространства и времени в процессе их культурно-исторической эволюции, А.И. Осипов говорит о ценностных ориентациях, которые направляют деятельность и поведение

человека в русло оптимизации образа мира и его пространственно-временной структуры [79, с. 27].

Не вдаваясь в детальное рассмотрение, отметим, что потребность отражения и использования такого рода зависимостей, а именно ориентационных зависимостей действительности (объективных и субъективных по происхождению), или «потребность в ориентации в мире», порождает, кроме названных ранее, соответственно уровням и сферам взаимодействия человека как субъекта ориентационной деятельности и как объекта ориентационных воздействий окружающего иные, более сложные механизмы ориентационной деятельности. К ним на уровне духовного (ноогенного) взаимодействия с миром существующего, помимо науки, относятся религия, искусство, мораль, право, философия. Разумеется, не в полном объеме их содержания и функционирования, но лишь в той части, в которой они реализуют имманентно присущую, заложенную в их генезис ориентирующую функцию.

В широком смысле самым общим механизмом ориентационной деятельности выступает культура. Именно она реализует ориентирующую функцию в отношении субъектов социальной практики, и именно в ней рефлексировается и из неё эксплицируется весь понятийный ряд, выражающий ориентационное отношение человека к действительности [114]. Здесь уместно заметить, что недвусмысленным, определенным образом роль культуры вообще и образования, в частности, в ориентации человека в окружающей действительности впервые специально рассматривает Н.А. Рубакин [115], который, ссылаясь на Ф. Паульсена, писал, что истинно культурным, образованным мы должны признать всякого, кто приобрел способность с того места, на котором он поставлен природой и судьбой, ориентироваться в окружающем и создать собственный гармонический мир, великий или малый – безразлично. Не количеством того, что знает или что изучил человек, определяется образованность, но силой и самобытностью, с которыми он усвоил изученное и которыми он пользуется для уразумения и оценки представляющихся ему явлений [116].

Как следует из всего ранее сказанного, развивающиеся первоначально на базе ориентировочного рефлекса, все более совершенствующиеся и усложняющиеся механизмы ориентации (наука, мораль, религия, искусство и т.д.) не отменяют действия механизмов,

действующих на предыдущих менее развитых уровнях организации жизнедеятельности (физиологическом, психическом, социальном). Вместе с предшествующими им исторически механизмами вновь возникшие образуют целостные системы, позволяющие человеку на всех уровнях взаимодействия с окружающим миром должным образом реагировать на перманентно возникающие мгновенные или протяженные во времени ориентационные ситуации, формированием определенности образа мысли и действия, сообразной характеру случившегося в прошлом, в настоящем и в представляемом будущем.

В предыдущих разделах работы, посвященных рассмотрению потребности в ориентации, существа и форм проявления ориентационной деятельности, характера ориентационного знания и ориентационной определенности невозможно было не коснуться вопроса о механизмах осуществления ориентационной деятельности. Их рассмотрение, не являющееся главным в содержании указанных разделов, позволяло, тем не менее, сделать опирающийся на естественнонаучные данные вывод об определенной преемственности, взаимосвязи и развитии механизмов ориентации у живых организмов вообще и у человека как социального и духовного существа, в частности.

В рамках рассмотрения означенных выше вопросов механизмы ориентационной деятельности классифицировались сообразно известным уровням взаимодействия человека с окружающим миром: биологическое взаимодействие, психическое взаимодействие, социальное взаимодействие. В связи с этим на уровне биологической организации внимание акцентировалось на ориентировочном рефлексе как специфическом механизме ориентации. На уровне психического взаимодействия – на ощущении, эмоциях, мышлении (понятии) как на соответствующих механизмах ориентации.

Отмечалось, что в соответствующих этим уровням исследованиях, по преимуществу, отечественных ученых (Павлов, Бехтерев, Сеченов, Аносов, Леонтьев, Гальперин и др.) в общих чертах осознается характер действия механизмов ориентационной деятельности. Что касается третьего уровня, уровня социальных взаимодействий, то о нем говорилось со ссылкой на качественное различие уровней индивидуально-психического и социального бытия людей, что механизмами реализации потребности в ориентации, соответствующими этому уровню, являются формы общественного сознания, обще-

ственное сознание в целом. Однако специальное рассмотрение механизмов ориентации на уровне социальной жизни дано не было. Не были оговорены и соответствующие отправные методологические идеи. К ним мы обратимся в первую очередь.

В качестве общеметодологических оснований, предваряющих выделение механизмов ориентации человека в мире, в работе используются следующие положения, развитые В.С. Степиным в исследовании оснований культуры и жизнедеятельности человека:

1. Согласно В.С. Степину, формами бытия мировоззренческих представлений и установок, которые определяют целостный образ человеческого мира, «являются категории культуры – мировоззренческие универсалии, систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт. Именно в их системе складывается характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире, представление о социальных отношениях и духовной жизни, об окружающей природе и строении её объектов».

2. Соответственно сказанному, «социализация» индивида, формирование личности «предполагает усвоение этого целостного образа человеческого мира, который формирует своеобразную матрицу для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках данного типа культуры».

3. С этих позиций в каждом типе культуры обнаруживается «специфический *категориальный строй сознания*».

4. При этом «категории культуры реализуются и развертываются не только в формах понятийно-мыслительного постижения объектов, но и в других формах духовного и практического освоения человеком мира... категориальные структуры обнаруживают себя во всех проявлениях духовной и материальной культуры».

5. «Любая, сложившаяся в культуре категориальная модель мира сохраняется до тех пор, пока она выполняет *функции мировоззренческого ориентира, обеспечивающего воспроизводство, генерацию и сцепление* необходимых обществу видов деятельности».

И здесь, забегая вперед, мы должны заметить следующее: культура мертва без ее носителя – человека. Являясь «мерой человеческого в человеке», она порождается им, существует в нем и существует для него. Этот сложный механизм бытия и опосредованности

культуры человеком есть вместе с тем и сложный механизм бытия человека, опосредованного культурой. Другими словами, культура присваивается человеком в качестве средства, особым образом содержащего в себе необходимый ему мировоззренческий ориентир, она формируется им в качестве средства его мировоззренческой ориентации. Потому воспроизводство, генерация, сцепление всех элементов духовной, мыслительной и практической, материально-преобразующей деятельности человека опосредовано культурой, формируемыми в ее фундаментальных сферах мировоззренческими универсалиями; культурой, выполняющей в отношении человека роль интегрального механизма его ориентации в окружающем мире.

Однако столь общее понимание культуры не может дать достаточно содержательного представления об ориентационной деятельности человека, не будучи развернутым по наиболее важным составляющим культуры (науке, искусству, философии, религии и т.д.), в которых, собственно, и формируются категориальные модели мира, дающие человеку необходимые для его жизнедеятельности мировоззренческие ориентиры.

6. «...По мере развития производства и появления новых видов деятельности в обществе возникает *потребность в новых типах* мировоззренческих *ориентаций*, которые обеспечивали бы переход к новым формам социальной жизни».

7. «*Переустройство общества всегда начинается с критики* ранее господствующих *ориентаций* и смыслов жизни, которые исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности».

8. «...Рефлексия над основаниями культуры и составляет важнейшую задачу философского мышления. *Необходимость этой рефлексии вызвана* не чисто познавательным интересом, а реальными *потребностями в поиске новых мировоззренческих ориентаций*, в *выработке и обосновании новых предельных программ человеческой жизнедеятельности*. Философия, анализируя смыслы категорий культуры, выступает в этой деятельности как теоретическое ядро мировоззрения» [117].

9. Различные философские направления вступают в диалог друг с другом «с целью выявить смысложизненные ориентиры, которые должны стать опорой человеку... в нашем целостном и быстроменяющемся мире».

10. «Философское мышление всегда движется как бы между двумя полюсами: на одном оно тесно соприкасается с реалиями современной ему жизни, на другом – выходит за их рамки и создает своеобразные проекты тех общественных и духовных структур, которые могут стать основаниями будущего развития культуры. В этом смысле философия одновременно выступает квинтэссенцией наличной культуры и смысловым ядром культуры будущего, своеобразной наукой о «возможных человеческих мирах» [118, с. 22].

В настоящем разделе, посвященном рассмотрению именно форм общественного сознания как специфических механизмов ориентационной деятельности, не ставится задача полного охвата, раскрытия, освещения их всех, как не ставится и задача глубокого, подробного исследования специфики деятельности той или иной отдельной формы сознания в качестве механизма ориентационной деятельности. Сегодня такого рода глубокое и подробное исследование представляется делом будущего. Ему должна предшествовать предварительная работа, требующая времени и усилий различных специалистов.

На данном же этапе исследование ограничивается по большей части установлением самого факта функционирования форм общественного сознания в качестве механизмов ориентации, или, другими словами, установлением факта присущности различным формам общественного сознания, а также некоторым общественно значимым видам социальной практики (образование, воспитание) ориентационной функции, понятой в контексте развиваемой в настоящей работе общей концепции ориентационной деятельности и ориентационного подхода.

С позиций сегодняшнего дня существование различных форм общественного сознания есть объективный факт. В то же время раскрытие ориентационной функции форм сознания, осознание их как особых механизмов ориентационной деятельности не является ни одновременным актом, ни результатом озарения отдельной личности. Это осознание происходит постепенно и находит различные способы своего выражения в различных областях духовной и материально-преобразовательной деятельности людей. Потому пока мы вынуждены ограничиться во многом исследованием «следов», свидетельств этого процесса осознания. Эти «следы» интерпретируются как своеобразные формы рефлексии общественным сознанием существования механизмов ориентационной деятельности вообще, их существования в науке, искусстве, религии, философии и т.д., в частности.

Сложность любого предметного исследования состоит в том, что, изучая один и тот же предмет, необходимо строго дифференцировать его различные аспекты. Рассматривая «следы» осознания ориентационной функции форм общественного сознания, необходимо различить то, во-первых, что свидетельствует о функционировании форм сознания в качестве объективно существующих механизмов ориентации человека в окружающем мире, и то, во-вторых, что, быть может, в тех же «следах» свидетельствует об осознании смысла, значения ориентационных процедур, осуществляемых общественным сознанием; что свидетельствует, следовательно, об осознании, в той или иной степени смысла, значения ориентационного феномена жизнедеятельности человека вообще, являет собой, в сущности, рефлекссию этого феномена, рефлекссию особого отношения, подхода человека к действительности.

Собственно под механизмом ориентационной деятельности, в широком смысле, понимается все то, что делает последнюю фактом жизнедеятельности, особым способом бытия человека, а под механизмом в узком смысле – то, что непосредственно осуществляет ориентационную деятельность. И в этом последнем смысле механизм ориентационной деятельности – это и орган ее осуществления, и способ функционирования органа ориентационной деятельности.

Как отмечалось выше, пока мы не имеем возможность детально вскрыть и проанализировать картину действия тех или иных конкретных механизмов ориентации: орган, способ, результат – это дело будущего. Однако и за ранее проведенным общим анализом структурных элементов ориентационного феномена жизнедеятельности человека, к которым относятся ориентационная потребность, ориентационная ситуация, ориентационная определенность, ориентационное знание, ориентационная деятельность, просматриваются их вполне определенные контуры.

4.2 Гносеологическая реализация

Под гносеологической ориентацией понимается деятельность, в основе которой лежит потребность человека извлечь из познавательного отношения к действительности знания, необходимого и достаточного для успешной жизнедеятельности «здесь и сейчас», в

условиях присущей миру изменчивости, противоречивости, неопределенности.

4.2.1 Наука как механизм ориентационной деятельности

Одним из наиболее значимых механизмов ориентационной деятельности является наука. В обществе, не знающем науки, деятельность в целом устойчива, консервативна и определена. Это находит выражение в стабильности, относительной неподвижности целей и средств деятельности, которые представляются людям абсолютно естественными, непосредственно вытекающими из самой сути мирового порядка [119, с. 17].

Однако привычность и устойчивость представлений о мире и о себе, например, в IX–XIV веках не снимают, не устраняют проблему ориентации вообще, но делают ее актуальной лишь для житейских частных ситуаций, тогда как в масштабах мироздания она представляется решенной. В «Божественной комедии» Данте обращается внимание на эту устойчивость, определенность мироздания, а вместе с тем и на вытекающую отсюда предзаданность судеб человека и человечества в целом как на естественное основание, общую посылку понимания действительности. Задание теологией норм и смысла жизнедеятельности человека ориентировало и детерминировало последнюю, вписывая ее в мировой, а еще точнее, в надмировой порядок. И каким бы тяжким бременем эта жизнедеятельность не казалась, за ней всегда стояла сверхчеловеческая, сверхразумная необходимость.

Зарождающаяся в XVI–XVII веках наука являлась следствием интереса представителей нового общественного класса – буржуазии – к практической стороне познания природы, к приложению получаемых знаний в различных сферах жизнедеятельности (торговле, военном деле, мореплавании и т.д.). Однако открываемый наукой мир явлений природы становился не только все более доступным пониманию, но и все более неисчерпаемым в его познании. В таких условиях, еще только набирая силу и мощь, наука до поры до времени не стремилась изменить сложившийся и казавшийся неизменным миропорядок. В этом плане для нее было достаточно исследовать, понять естественную связь вещей, ставших или становящихся предметом практической деятельности.

Положение и роль науки в жизнедеятельности человека начинают изменяться с переменой отношения к самой трудовой деятельности, когда последняя из «наказания господнего», из «проклятия рода человеческого» превращается не только в средство добывания материальных благ, в источник общественного богатства, но и в средство реализации, утверждения сущностных свойств человека, во всеобщую характеристику человеческого существования. Превращение деятельности в ведущий предмет мысли, в ось, вокруг которой стало вращаться общественное сознание, явилось главной предпосылкой изменения роли науки в общественной жизни, что находило свое выражение в соответствующих изменениях ориентации науки на различных этапах ее исторического развития [120]. Одним из аспектов этой роли становилось соперничество с теологией в мировоззренческой сфере. То затухая, то разгораясь вновь, это соперничество не прекратилось и в наши дни. Достаточно сослаться на дискуссии последнего времени о роли и месте в социальной жизни, в формировании ее идеалов, норм и ценностей таких институтов, как наука и религия [47].

Важно учитывать, что изначально мировоззрение, которое ориентировано на запредельные ценности и сверхразумный авторитет религии, может видеть в деятельности лишь бледное отражение не постигаемой разумом горней благодати; при этом деятельность как раз и должна быть структурно неподвижной, ибо неподвижен находящийся за пределами ее собственный смысл. Наука же предлагает мировоззрению принципиально иные ориентиры – вполне умопостигаемые, отнесенные к посюстороннему миру и связанные с его пусть пока идеальным освоением, а потому соизмеримые с активностью человека, и, более того, требующие развертывания этой активности [121, с. 20]. И в той степени, в какой наука входит в эту новую свою роль, происходит освобождение «мировоззренческой территории» от доминирующей роли религии в качестве главного фактора, средства, механизма мировоззренческой ориентации.

Двадцатый век правомерно признает ведущую роль научного познания в обеспечении материально-технической деятельности, однако он неправоммерно относит это влияние лишь на счет прогресса материального производства в XVI–XVII веках. Научные идеи этого времени, как отмечает Л.М. Косарева, получали поддержку потому, прежде всего, что отвечали глубоким мировоззренческим потребностям

человека этого времени, отвечали на острые вопросы бытия человека в мире [122, с. 8].

Что же это за вопросы? В чем суть духовных поисков? О них достаточно определенно свидетельствует в своей книге «Введение в науку о морали» Леонардо Аретино: «Мы живем без ясной цели, и словно в мрачном ослеплении движемся не по хорошо различимой стезе, но по случайной предложенной нам дороге... Против этого мрака и слепоты человеческого рода необходимо просить помощи у философии... Я страстно призываю ...к познанию этой науки. Ведь что может быть прекраснее, ...чем изучение того, благодаря чему он (человек – В.К.) прекращает жить стихийно и сам различает свои пути и действия!» [123, с. 49].

Эта потребность разобраться в себе, обрести основу действия, найти свое место в мире, каким он предстает для мыслящего человека, являющегося современником социальных катаклизмов, связанных с перестройкой способа производства, составляет важнейшую изначальную предпосылку развития науки. Однако дальнейшее развитие науки вплоть до ее превращения в непосредственную производительную силу, сдвигает фокус видения ее главенствующей функции с раскрытия *meta odos* (правильного пути, правильного места) на раскрытие оснований материальной деятельности. Но в своих изначальных истоках наука призвана дать именно *meta odos*, найти место и найти путь человека в мире. Найти – значит обосновать, доказать. Там же, где наука сосредотачивается исключительно на материальной стороне дела, где она уходит от «смысложизненных проблем», отдавая их решение религии, искусству и т.п., она наносит ущерб человеческому развитию. Не случайно, сравнивая значимость науки и философии в эпоху Ренессанса и в первой половине XX столетия, Гуссерль пришел к выводу, что в своем стремлении отмежеваться от философии наука замкнулась на рассмотрении тех вопросов, которые не имеют отношения к гуманистической ценности человеческой культуры, вследствие чего она лишилась главного – смысла, какой может и должна иметь для человеческой цивилизации, давая ей обоснованно и доказательно гуманистические ценности и идеалы [52, с. 42, 43].

М. Вебер отмечал, что научный прогресс являет собой часть процесса интеллектуализации, который происходит с нами на протяжении тысячелетий и означает не столько рост знаний о жизненных условиях человеческого существования, сколько то, что люди знают

и верят, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следовательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами можно овладеть путем расчета. Это означает, что мир расколдован. Больше не нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация [124, с. 134].

Мысль об интеллектуализации как существеннейшей стороне развития человеческого общества достаточно распространена и не вызывает возражений. Вслед за Вебером мы выделяем то в ней, что с интеллектуализацией, в каком бы конкретно виде она не выступала, происходит устранение таинственности, неопределенности мира, все в нем становится принципиально учитываемым. Его вещи осваиваются, «схватываются», определяются путем расчета.

Примечательно в этой характеристике научного прогресса как части процесса интеллектуализации то, что он, по Веберу, не означает «рост знаний о жизненных условиях», но означает, прежде всего, знание, веру в то, что мир принципиально доступен во всем его объеме, что человек обретает уверенность бытия в этом рассчитываемом им мире вещей. Не случайна в этой характеристике и фраза о «расколдовании мира», об утрате необходимости в магических средствах взаимодействия с миром, доминировавших на преднаучном этапе человеческой истории.

Хотя в процессе интеллектуализации научное знание постепенно занимает одно из ведущих мест, сам процесс интеллектуализации не сводится ни к науке вообще, ни к отдельным ее разновидностям. В то же время возрастание значения науки, осознание эффективности ее в интеллектуальном освоении мира, в интеллектуальном вписании человеком самого себя в «прочитываемый» и «просчитываемый» средствами науки контекст человеческого бытия, в самоопределении себя в этом контексте заставляли и философию, и искусство, и политику и т.д. выступать под флагом поиска истины. Ведь еще Цицерон утверждал: «*Omnes artes in veri investigatione versantur*» – все искусства состоят в исследовании истины. И в этом плане процесс интеллектуализации, дробясь на составные части, не теряет в них своего функционального назначения – постигать определенность мира и

человека. Заметим при этом, что всякая истина есть определенность, но не всякая определенность есть безусловная истина.

Как уже отмечалось ранее, с развитием регуляционных возможностей мозга, опирающихся на механизм абстрактного мышления, ориентация человека в окружающем мире обретает особое качество: она интеллектуализируется, а само абстрактное мышление обретает в своих различных модификациях функцию механизма ориентационной деятельности. Речь при этом идет уже не о механизме ориентационной деятельности, формирующемся на уровне жизнедеятельности человека как биологического индивида, но о механизме, формирующемся на уровне деятельности человека как существа общественного, как личности. Речь, следовательно, идет о формах общественного сознания как особых механизмах ориентационной деятельности.

Отличительным признаком науки как средства ориентации является постижение определенности сущего в форме истины. Нас мало смущает здесь то обстоятельство, что сегодня, как никогда ранее, рассеялись иллюзии, «благодаря которым наука выступала как «путь к истинному бытию», «путь к истинному искусству», «путь к истинной природе», «путь к истинному Богу», «путь к истинному счастью» и т.д. именно потому, что истина есть лишь одна из форм определенности и, следовательно, наука не может дать исчерпывающей полноты знания о мире, не может быть истиной истин. Все, на что может претендовать наука, — это внести ясность, наличествующими у нее средствами устранить неопределенность с тем, чтобы дать основу деятельности. Главное здесь то, что она указывает на известные, рассчитанные ею позиции и на средства, необходимые для практического проведения позиций в жизнь. Эффективная работа с информацией в информационных обществах: теоретический перебор и анализ действительных и возможных событий, факторов, обстоятельств; оценка и выбор возможных действий и их последствий; предложение обоснованных выходов из неопределенностных, ориентационных ситуаций — вот совокупность операций, характеризующих особую роль науки в современном обществе, определяющих особый аспект ее функционирования и исследования — ориентационный аспект.

Наука не претендует сегодня на большее, нежели помочь человеку «дать себе отчет в конечном смысле деятельности». Она вполне

осознает, что «всякой научной работе всегда предпосылается определенная значимость правил логики и методики – этих всеобщих основ нашей ориентации в мире» [124, с. 138]. И действительно, ничто не ориентирует с такой жесткой неотвратимостью, как правила, законы, нормы, запреты и т. д. – все то, чем насыщены и наука, и мораль, и религия, и иные формы общественного сознания. Именно правила, законы, нормы, идеалы и т.п. *выстраивают нашу мысль в определенность*, отвечающую характеру «схваченной», выраженной в этих правилах и законах действительности, в которую с необходимостью включается, вписывается наше сознание, *«выстраивают» сознание соответственным самой действительности образом: ориентированно в ней и на нее.*

Наука через пронизывающие все ее строение логические, методологические и методические установки задает определенную систему координат, в которой любое явление или совокупность явлений только и может быть воспринято как упорядоченное, определенное в этой системе; в которой находит себя, как специфическую, опосредованную полученным знанием определенность, сам человек. Тем самым признается, что наука удовлетворяет своей деятельностью, своими результатами потребность человека в ориентации, в системе координат, в которой удовлетворительным образом находится потребная ему определенность знаний об окружающем мире и о нем самом. Однако наука не имеет сегодня в себе безоглядной веры времен Декарта и Бэкона в свою способность дать единственно истинное знание, дать абсолютную систему координат познания. Поэтому она несет в себе противоречие между желанием выразить мир в категориях абсолютной истины и реальным выражением его лишь в истинах определенной, пусть и наистрожайшей, но не единственно возможной системы отсчета (исходных постулатов, логических правил, методических установок, методологических принципов и т. д.)

Она вынуждена поэтому признать ориентационный, условный, относительный характер продуцируемого ею знания (в форме ли марксистского положения об относительности истины или попперовской идеи правдоподобного знания). Конечно, при всем этом подчеркивается, что эпистемологическое знание отлично от любого другого знания, прежде всего, в силу своей доказательности. Другими словами, если признать, что общей тенденцией современной науки является стремление не изолировать исследуемые явления в узко

ограниченном контексте, а «изучать прежде всего взаимодействия и исследовать все больше и больше аспектов природы» (Р. Акоф), если признать, что до последнего времени область науки «практически отождествлялась с теоретической физикой» (Л. фон Берталанфи), но последняя «только одна модель, имеющая дело с определенными аспектами реальности», модель, которая «не может быть монопольной и не совпадать с самой реальностью, как это предполагали механистическая методология и метафизика» [125], то следует признать противоречивость самой науки, которая, стремясь дать истинное знание в условиях постоянно расширяющегося контекста познания до охвата любых явлений и взаимодействий исследуемого явления, вынуждена констатировать, что получаемое ею знание условно, контекстуально, ориентационно. Но иначе и быть не может: нельзя объять необъятное! Наука выступает лишь одним из наиболее эффективных и адекватных в пределах практических потребностей механизмов ориентации человека в мире. Достаточно в этой связи указать на всю основательность предпосылок, заставляющих Поппера говорить лишь о правдоподобности, но не об истинности научного знания.

Осуществляется специальный анализ пронизанности науки потребностью человека в мировоззренческо-этической ориентации в мире, в социальной действительности в период раннего буржуазного устройства жизни, когда востребованность науки стала все более осознаваться, и вместе с тем указывается на зависимость между вновь возникающей ориентационной ситуацией, сопутствующей всякому переустройству общественной жизни вообще, характеризующейся возросшей неопределенностью бытия, появлением новых элементов в бытии, собственно и вносящих неопределенность и т.д. и наличествующими научными представлениями [126].

В этих источниках в форме анализа мировоззренческо-этической пронизанности науки раскрывается, фактически, определенный вид общей ориентационной предпосылочности научного знания, нацеленность науки на удовлетворение среди прочих ориентационной потребности человека.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. С развитием общества человек вынужден «целостный» и «нераздельный» мир, в котором он на ранних ступенях функционирования мышления находился в синкретическом единстве, делить на множество сложных и внутри

себя еще далее дифференцируемых миров. Сама наука из средства общей ориентации в мире, дифференцируясь на множество специальных наук, превращается вместе с тем в средство ориентации человека в физическом, химическом, биологическом, социальном, политическом и т.п. мирах; в мире природы, искусства, а также в мире социальных, политических и др. отношений.

При этом каждый из видов частных наук реализует, удовлетворяет специфический вид ориентационной потребности человека – от потребности ориентироваться в мире коммерческой деятельности до потребности ориентироваться в мирах внеземных цивилизаций, от потребности ориентироваться в мире частных производных до потребности ориентироваться в мире многообразнейших компьютерных технологий и т.д.

Таким образом, общая ориентационная предпосылочность научного знания – его изначальная нацеленность на удовлетворение потребности в ориентации в мире дробится и реализуется, в конечном счете, через удовлетворение отдельных потребностей человека ориентироваться в тонких и точных сферах, областях, охваченных его материальной и духовной практиками. Указанное обстоятельство не отменяет того, что наука остается при этом особым целостным механизмом ориентации человека в мире вообще. Не случайно само понятие науки является несобирательным. В этом смысле несобирательна и ориентационная ее функция. Об этом свидетельствует и особая связь между различными картинами мира: философской, общенаучной и частнонаучной.

Задавая вопрос, почему аристотелевско-схоластическая физика совершенного и гармонического Космоса перестала удовлетворять человека XVIII века, чуткого к социальным потрясениям своего времени, Л.М. Косарева замечает, что, как это ни парадоксально, решающая роль принадлежит здесь не физикам, а гуманитарной культуре XVI–XVII веков. Для человека, «который не находит себе «естественного места» в социальной действительности XVII века, трактуемой в духе аристотелианства как часть «прекрасного Космоса», не имеет смысла более и аристотелевский образ земли и неба, пространства и времени; он начинает искать более убедительные альтернативы. Он ищет и находит иные концепции физического мира [122, с. 45].

Мировоззренческие потребности, формируемые гуманитарной культурой, сама гуманитарная культура XVII века составляют один из

контекстов развития науки, определяют ее роль в разрешении сформировавшейся ориентационной ситуации, когда, согласно Л.М. Косаревой, образованный человек, вместе с героями Шекспира, Гриммельсгаузена или Грасиана констатирует, что распалась связь времен, что «в мире всё пошло наыворот, перепуталось не только место, но и время» ...Когда шекспировскому Гамлету, которому «так не по себе» в окружающей его социальной действительности, Земля, воспетая средневековьем как «цветник мироздания!», начинает казаться бесплодной скалой, а небосвод – «царственный свод, выложенный золотой искрой» – скоплением «вонючих и вредных паров». Для героев Грасиана мир, рисуемый схоластами как «великолепный чертог», превращается в «острог», а герой Гриммельсгаузена проклинает мир, дарующий человеку жизнь, «прежалкое странствие», которую «надлежит скорее наречь...смертию» [122, с. 45].

Удовлетворение мировоззренческих потребностей во многом детерминирует содержание, строение и функционирование науки. Для Рене Декарта метод познания природы и метод правильной жизни неразрывны, постижение абсолютно детерминированного хода природных процессов «является важным средством» воспитания нравственных качеств, разрешения нравственных проблем.

Говоря о пронизанности науки мировоззренческими потребностями, мы, фактически, противопоставляем этот взгляд веберовскому, оставляющему такого рода «предпосылки» науки в стороне. Конечно, в определенном плане для понимания существа науки первостепенна ее связь с производством, техническим прогрессом общества и т.п.; первостепенна и веберовская самодостаточность науки. Но в рамках настоящего исследования более важно видеть связь науки с разрешением тех ситуаций, которые возникают на переломных этапах жизни отдельного человека и общества в целом; видеть в основаниях науки мировоззренческие, экзистенциальные потребности человека. Сегодня можно лишь предполагать, что в будущем наука со всей серьезностью обратится именно к этим своим основаниям и устремит свой потенциал на удовлетворение именно экзистенциальных запросов.

Справедливости ради следует отметить, что и в представлениях ученых XX столетия наука не предстает исключительно только в качестве фактора технического прогресса. Как пишет Г.П. Аксенов, «для Вернадского мышление и практика неразделимы. Он не выво-

дил абстрактных научных истин, он их переживал. Наука не представлялась ему неизменной целью жизни. («Я никогда не жил одной наукой», – с полным правом записал он однажды). Она была только средством постижения смысла жизни» [127].

Известный софизм о яйце и курице (кого Господь создал раньше) мог бы перефразироваться применительно ко многим явлениям: среда формирует человека, а человек формирует среду; цель оправдывает средства – средства дискредитируют цель и т.д. Применительно к науке софистически звучит суждение о первичности ценностной социокультурной обусловленности научного знания в противоположность первичности норм и идеалов научного знания в обусловливании процесса познания социокультурной действительности, в обусловливании социокультурной действительности вообще со стороны науки (научной деятельности, научной информации и т.д.). Здесь также наличествует взаимодействие априорных и апостериорных факторов. В жизни общества одно может предшествовать другому в разное время и в разных обстоятельствах. Вот почему исследование проблемы социокультурной обусловленности познания мы рассматриваем как своеобразное проявление феномена ориентации в научной деятельности человека. То же можно сказать об искусстве, праве, религии и т.д.: мы знаем, что надо ориентироваться в науке, искусстве, морали, праве, как знаем и то, что сами наука, искусство, право, мораль ориентируют нас. Но мы не вполне отдаем себе отчет в том, что ориентирующая функция науки, искусства, морали, права и т.д. произрастает не только из нашей ориентации в них самих, в поле их ценностей и истин, но также из более глубоких корней, уходящих в самую природу науки, искусства, морали и права как средств фиксации человеком его ориентационных отношений с миром, средств разрешения им перманентных ориентационных ситуаций, средств формирования ориентационных основ деятельности в окружающем мире.

Главным, философски значимым в рассуждениях об ориентационных аспектах функционирования науки, искусства, философии, морали и т.п. является для нас соответствующая рефлексия указанных аспектов. К достаточно явным выражениям такого рода рефлексии, является, на наш взгляд, следующее высказывание: «важную роль играет нацеленность исследователей науки не только на чисто гносеологический анализ роста научного знания, но и на выявление

тех социокультурных ориентаций, тех ценностных, этических установок, которые «вплавлены» в структуру этого знания: благодаря им научное знание становится феноменом культуры и выполняет свою мировоззренческую функцию» [122, с. 59].

Особо значимы в этом плане идеи, развиваемые В.С. Степиным в его концепции социокультурной обусловленности знания. В указанной концепции задействованы понятия, позволяющие говорить о социокультурной обусловленности и об ориентации как идейно близких характеристиках.

Степин, в частности, вводит аналогию Эдингтона, использованную также Поппером, о теории как «сети», которую мы забрасываем в мир. Автор модернизирует эту аналогию с учетом того, что теория строится в соответствии с принятыми на определенном историческом этапе идеалами и нормами и уподобляет систему таких идеалов и норм проекту «сетки», и то, какой тип объектов попадает в поле исследования, «будет зависеть от характера «сетки метода», от размеров её «ячеек», их конфигурации и т.д.» [128, с. 65]. Заметим, что у Эдингтона и Поппера «сетью» является наука. Это верно, как верно и то, что свою функцию *быть сетью* наука обретает в особой деятельностной, ориентационной ситуации. Наука обретает способность обуславливать, определять нечто для человека, замещая его обычные средства, механизмы ориентации: зрение, слух, обоняние и т.д.

Изучая формирование научных определенностей (понятий, законов, концепций и т.д.), мы абсолютизируем интересующий нас процесс и механизм формирования научного знания как таковой с тем, чтобы, раскрыв его, можно было бы вновь и вновь его использовать в дальнейшем наращивании знания. При этом уходит в сторону понимание, что наука, раскрывая явления действительности, не перестает быть средством ориентации именно потому, что и внутри нее самой реализуется ориентационный подход, *что человек, ориентируясь в науке, опосредованно ориентируется в мире.*

Ориентация в ценностях науки, во-первых, и ориентация как способ формирования научной определенности, во-вторых, не должны закрывать ни проявления ориентационной деятельности в виде деятельности научной, ни ориентации человека в мире как посредством науки вообще, так и посредством ориентации в самой науке, в частности.

В положениях В.С. Степина о влиянии идеалов и норм на определенность научного знания мы обращаем внимание на выделение ориентационных зависимостей при формировании научного знания, во-первых, и на общее видение, понимание их значения в этом формировании. Степин констатирует, что в науке происходят перестройки нормативных структур. Эти перестройки вызваны не только экспансией науки в новые предметные области и обнаружением новых типов объектов, но и изменением места и функций науки в общественной жизни [128, с. 67].

Осознание, рефлексия наукой ее ориентационного характера начинается в период перехода от классического к неклассическому естествознанию; в период, подготовленный «изменением структур духовного производства в европейской культуре второй половины XIX – начала XX веков, кризисом мировоззренческих установок классического рационализма, формированием в различных сферах духовной культуры нового понимания рациональности, когда сознание, постигающее действительность, *постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации* (Курсив – В.К.)» [128]. Мы не можем не видеть, что речь в данном случае идет не об ориентации человека как такового, а об ориентации науки. Но ориентация науки, как уже отмечалось, есть, пусть и опосредованная, ориентация человека.

Само признание факта ориентируемости столь значимого явления, как наука многого стоит в развитии представлений об ориентационном характере феноменов общественной жизни там, где ранее речь о такого рода ориентируемости и её рефлексии в научном мышлении не велась. С учетом сказанного выделим характерные, фиксирующие ориентационный аспект науки моменты в приведенном выше высказывании с тем, чтобы более четко означить позже их общий вид и для других феноменов общественной жизни, таких как религия, искусство и т.д.

1. Не человек как таковой, а социальный институт – наука – находится в ориентационной ситуации.

2. Осознается: а) «погруженность», «вписанность», «включенность» науки как социального института и как формы общественного сознания в действительность; б) «зависимость» научного сознания от социальных обстоятельств.

3. Целевые и ценностные ориентации науки определяются зависимостью от социальных обстоятельств, от характера погруженности в них.

4. Ориентации науки накладывают свой отпечаток на реализацию ее ориентационной функции; опосредованно, через усвоение человеком научных знаний они участвуют в формировании его ориентации в мире.

Западная методология науки в течение нескольких десятилетий прошлого века разрабатывала проблематику внутренних и внешних факторов, обуславливающих познание. Это нашло свое отражение в формировании двух противоположно акцентированных концепций: экстернализма и интернализма.

В них особым образом выразились процессы, затрагивающие самые основы человеческого миропонимания [129, с. 62]. Ибо в споре о том, какие именно, внешние или внутренние, факторы играют определяющую роль в развитии науки, чему отдать предпочтение – имманентной логике развития научной мысли или воздействию на познание факторов, лежащих вне его, непосредственно и в значительной мере затрагивается вопрос о глубинной сути, о цели всех тех изменений, которые происходят ныне в науке и в обществе.

Примечательно то, что с утверждением социокультурной обусловленности научного знания в западной и отечественной философии все более проясняется тот факт, что попытки непосредственного введения социальных факторов в познавательные схемы имеют тенденцию превращать познание в функцию интересов социальной группы, в проекцию прагматических потребностей данного момента и тем самым неизбежно релятивизируют познание, санкционируя, по сути дела, устранение вопроса об истине [127, с. 61]. Здесь несколько в завуалированной форме речь, в сущности, идет о той же связи социокультурной детерминации и ориентационной деятельности, реализуемой в рамках этой детерминации. С нашей точки зрения, социокультурное обуславливание знания есть, как об этом уже говорилось, по существу разновидность ориентационной деятельности, ориентирование, осуществляемое социальным субъектом познавательной деятельности.

Конечно, основные черты ориентационного механизма мы можем проследить уже на уровне психической деятельности, а затем и на уровне социально-психической деятельности, и только позже мы можем подняться на уровень механизмов гносеологических, на

уровень познавательной деятельности с ее нынешней дилеммой: то ли механизм познания опирается на свою внутреннюю силу, то ли на силу внешних факторов, то ли действует и то, и другое в одно или различное время. Здесь, собственно, прорисовывается классификация и субординация отдельных механизмов ориентационной деятельности. Но общие черты, общие принципы ориентационного способа деятельности человека мы можем обнаружить на каждом из уровней его проявления. При этом наилучшим для понимания его существа и важности было бы рассмотрение черт ориентационного механизма на высшем уровне его реализации. Там именно, где развитый аппарат философского мышления выявляет наиболее существенное и делает это в разнообразных аспектах. Неудивительно, потому что в концепции социокультурной обусловленности знания выделяется то, что делает понимание способов реализации ориентационной деятельности более отчетливым и убедительным и что приближает нас к ответу на вопрос: *как, с помощью каких механизмов человек находит свою определенность в мире, свой смысл и образ деятельности в нем.*

В этом видится связь социокультурного обоснования знания с ориентационной теорией, когда, раскрывая способ реализации первого, В.С. Степин вводит понятие «сети», едва ли не центральное для ориентационного подхода (см. раздел об ориентационной определенности); когда к этому же понятию приходят и Поппер, и Ойзерман, которые, хотя и отталкиваются от различных исходных точек зрения, сходятся, тем не менее, в том, что оба говорят о необходимости новой теории познания, основывающейся по крайней мере на двух, ранее должным образом не принимаемых во внимание моментах: привязке всех философских проблем к жизнедеятельности человека (понятие жизни делается центральным для философии), во-первых, и, во-вторых, введению в философский обиход новых методологических представлений о полисистемности явлений, *о необходимости их исследования в разных системах координат.*

Так что в какой бы терминологии не велась речь, всюду в философских концепциях просвечивает проблематика ориентационного подхода человека к действительности. Всюду обнаруживается стремление человека привлечь к решению проблемы его ориентации в действительности (а это, прежде всего, удовлетворение соответствующей ориентационной потребности: найти определенность об-

раза мышления и действия, отвечающую изменениям в окружающем мире) все наличные средства – от чувств до высоких теоретических абстракций, от фантастики до строго логической формализованной доказательности.

Исследуя ориентационную подоплеку научного знания, мы фактически решаем задачу, обратную той, которую ставит и решает Л.М. Косарева. Но это взаимодополняющие друг друга аспекты рассмотрения науки. Если Л.М. Косаревой важно изучить ценностную детерминацию науки в виде процесса, в котором, скажем, политика, этические доктрины и наука выступают в качестве форм общественного сознания как в равной мере детерминируемые ценностно-практическими ориентациями, принадлежащими сфере общественного бытия», в виде процесса, в котором «ценностно-практические ориентации, навыки деятельности детерминируют научное познание (и его результат) как общее детерминирует особую форму своего проявления [129, с. 58], то для нас ценностная детерминированность науки заключается в ином. В том, что именно наука (как, впрочем, и другие формы общественного сознания), будучи «заряжена» потребностью человека сориентироваться, служит разрешению ориентационной ситуации и результатами своей деятельности удовлетворяет ориентационные потребности человека, во-первых; принимает участие, во-вторых, в выработке ценностных ориентаций, которые при необходимости могут оказать детерминирующее воздействие и на науку, и на другие формы сознания, но уже в иных условиях, в условиях снятия остроты исходной ориентационной ситуации, в решении которой надежды возлагаются на науку. Наука не только детерминируется в своем развитии ценностно-практическими ориентациями (этическими, эстетическими, правовыми и т.п. нормами), но она участвует в формировании как ценностных ориентаций, так и, что особенно важно, особых способов ориентации. Наконец, наука осуществляет рефлексию наличных способов ориентации.

Л.М. Косарева права, когда утверждает, что человек с надломленным мировоззрением не может стать активно действующей личностью, предпринимателем: «Частным предпринимателем с его деловой энергией не мог стать и во всем изверившийся свидетель социальных потрясений XVI–XVII вв., потерявший основные жизненные ориентиры, полный нигилизма и равнодушия к позитивному строительству новой жизни. Действительно, каким образом в новую

буржуазную производственную деятельность мог быть включен человек с широко распространенным в XVII веке мировоззрением, выраженным, например, в следующих стихах свидетеля 30-летней войны в Германии Андреаса Грифиуса?

Ведь слабый человек не может ничего

Слепой игре времен противопоставить.

...Мир – это пыль и прах, мир – пепел на ветру.

Все бrenно на Земле. Я знаю, что умру.

Но как же к вечности примкнуть себя заставить?» [123].

Она права, когда утверждает, что оправданием науки в период ее становления явились не столько нужды производства, сколько потребности в мировоззрении, ибо прежнее к этому времени было надломлено, разрушено; человек оказался в требующей своего решения ориентационной ситуации.

Сформированные наукой, и не только ею, ценностные ориентации (определенные нормы, максимы и т.п.), собственно, и являются уже рациональным продуктом, продуктом интеллектуализации, и в качестве таковых действительно оказывают влияние на творчество ученых, «позволяя по-новому увидеть предмет, по-новому поставить проблему и т.п.». Справедливо и то, что ориентации и способы ориентирования в качестве рациональных продуктов производятся не только наукой, но и другими областями культуры, другими сферами обыденно-практической деятельности. И то, что говорит Косарева о куновском эффекте «невидимости», «незаметности», нерелексируемости сознанием ученых научных революций, относя это к «невидимости» воздействия ценностных ориентаций на деятельность ученых, на конечные результаты науки, всецело можно отнести к описанию феномена невидимости, нерелексируемости, неосознаваемости ориентационной функции науки и других форм общественного сознания в непосредственной духовной и материально-практической деятельности.

Философ или историк науки, изучающий ту или иную исследовательскую программу, не всегда, скажем мы, может увидеть в ней особые ценностные ориентации, если его собственные неотрелексированные ценности совпадают с ценностями, имплицитно содержащимися в исследуемой им программе. Но даже тогда, когда он захочет это сделать, ему не просто выйти из круга собственной предметной научной проблематики и занять позицию стороннего наблю-

дателя собственной деятельности; занять позицию, которая является профессиональной для философа: методолога и гносеолога. Потому, быть может, реально ориентируя человека в мире, ни наука, ни философия, ни искусство не делали ориентационную функцию и себя в качестве механизма ориентации предметом особого исследования.

Сложность рефлексии ориентационной функции науки усугубляется неоднозначностью трактовок ее мировоззренческой роли. При рассмотрении мировоззренческих функций науки внимание даже в конце XIX века обращалось на то, прежде всего, что научные знания входят в мировоззрение, являются в нем необходимым, важным и неотъемлемым компонентом. При этом влияние науки на общество виделось, по преимуществу, через систему ее результатов.

Научное знание рационализировало отношение человека к действительности, избавляло от предрассудков и заблуждений, осуществляло «непосредственную практическую ориентацию человека в окружающей социальной и природной реальности» [121, с. 15]. Но из того, что научные знания являются частью мировоззрения, еще не следует, что «всякие и любые знания выполняют эту роль»; другими словами, факт науки не превращается автоматически в факт мировоззрения, а это значит, что для последнего необходима особая работа, сознательно или неосознанно выполняемая носителем мировоззрения. В.С. Швырев и Б.Г. Юдин отмечают, что суть такого рода работы в том, чтобы «спроектировать» полученный наукой результат на свой внутренний мир, придать ему не только объективное, но обязательно и субъективное значение.

Это значение, конечно, вовсе не измеряется только непосредственной субъективной пользой, которую может извлечь именно данный человек из обладания данным знанием. Такой пользы может совсем и не оказаться. Но при всех условиях *«научное знание, ставшее элементом мировоззрения личности, должно выполнять роль определенного ориентира для этой личности (Курсив – В.К.) и именно для нее, в ее отношениях с окружающей действительностью, в упорядочивании и организации этих отношений, в понимании их смысла и направления (Курсив – В.К.)»* [121, с. 16].

Характеризуя сциентизм в качестве такого рода ориентира (мы бы сказали и в качестве средства ориентации), авторы говорят о нем как о «некотором умонастроении», осознаваемой абсолютизации мышлением роли науки в системе культуры, в идейной жизни челове-

ского общества, подчеркивая, что при этом абсолютизируются стиль и общие методы построения знания, свойственные естественным и точным наукам, которые рассматриваются как парадигмы, образцы научного знания вообще.

Перевод указанного умонастроения «в теоретический план» позволяет ему не только принимать различные формы и выражаться с различной силой и последовательностью, но и проявлять, по словам А. Лосева, «энергично-построяющую» функцию. Вследствие чего сциентистские установки варьируются в широких пределах – от внешнего подражания точным наукам, выражающегося в искусственном применении математической символики или нарочитом придании философско-мировоззренческим и социально-гуманитарным рассуждениям формы, характерной для точных наук (аксиоматические построения, система дефиниций, логическая формализация), до абсолютизации точных и естественных наук как единственно подлинного научно осмысленного знания и отрицания философско-мировоззренческой проблематики как лишенной познавательного смысла, что присуще неопозитивизму. Здесь достаточно четко выражен способ, каким осуществляется ориентационная функция сциентизма как мировоззренческой ориентации. Она в том воздействии, которое оказывает данное «умонастроение» и на развитие научной мысли, и на развитие общественного сознания в целом. С позиций осознания науки как механизма ориентации важно то, что термин «сциентизм» употребляется и исследователями, которые не разделяют «соответствующей мировоззренческой ориентации», рассматривают сциентизм как «точку зрения», основанную на фетишизации науки.

Гносеологически интересно «схождение» воедино двух неслучайных характеристик, примененных к понятию «сциентизм». Это «мировоззренческая ориентация» и «точка зрения». Неслучайность заключается в том, что всякая ориентация действительно есть точка зрения; есть видение, выражение, осознание с некоторой позиции, точки, с «места стояния». Так, В.С. Швырев и Б.Г. Юдин, снимая возможные недоразумения, подчеркивают, что рассматривают не трактовки понятия «сциентизм», которые даются его противниками из лагеря тех, кого можно охарактеризовать как антисциентистов, а «сциентизм как реально существующую идейно мировоззренческую ориентацию, выступающую в различных вариантах и моди-

фикациях». Более того, они подчеркивают, что речь о сциентизме и атисциентизме как мировоззренческих ориентациях подразумевает двойственное к ним отношение, а именно отношение к ним как к «реальным явлениям современной идейной жизни», которые выступают в качестве предмета анализа, научной и идеологической оценки, во-первых, и отношение к ним, во-вторых, как к «определенным понятиям и ценностным представлениям». «Иными словами, – пишут авторы, – в одном случае термины «сциентизм» и «антисциентизм» характеризуют в нашем рассмотрении реальные моменты социально-культурной жизни как таковой, а в другом – различные формы осознания этих моментов» [121, с. 23]. Именно такое двойственное отношение следует разуть там, где речь идет об ориентации, которая, повторяя вслед за цитируемыми авторами, в одном случае характеризует в нашем рассмотрении реальные моменты социально-культурной жизни как таковой, а в другой – различные формы осознания этих моментов.

О том, что сциентизм как *ориентация* не является элементарным, походя оброненным и мало что выражающим словечком, авторы высказываются тоже весьма определенно, говоря, что «сциентизм выступает в качестве мировоззренческой позиции (ориентации – В.К.) именно потому и постольку, поскольку он вполне определенным образом истолковывает роль науки, специфически организованного научного знания и связанного с ним стиля духовной деятельности по отношению ко всем иным формам культуры, *ко всем другим формам ориентации человека в мире (Курсив – В.К.)*» [122, с.24].

Наука в своем развитии завоевывает право быть силой, формирующей мировоззрение, выстраивающей знание человека в определенное мировоззрение, а именно в совокупность базирующихся на достижениях научной мысли представлений о мире и месте в нем человека, представлений об определенности, смысле и цели бытия, составляющих основу его жизнедеятельности. Чтобы быть такой силой, чтобы превратиться в факт и основу мировоззрения, наука должна обладать безусловным доверием со стороны людей. Лишь при этом условии усвоение не только результатов научного познания, но и специфических способов аргументации, норм мышления, используемых наукой для доказательства, для подтверждения ее результатов, становится осознанной необходимостью, реальным средством выстраивания сознания человека, адекватного, соответственного этим рожденным наукой ориентирам.

Наука двойственным образом реализует свою ориентационную функцию: *опосредованно*, через формирование мировоззрения как основы деятельности, и *непосредственно*, задавая своими нормами, принципами, законами направленность практических действий человека в конкретных ситуациях познавательной и предметно-практической деятельности.

Со временем вера в силу научного знания как средства, позволяющего добиться едва ли не любой цели, становится более чем характерной. Но как раньше теология не смогла монополизировать для себя право быть единственной силой, ориентирующей человека в мире, так и наука не явилась раньше и не является сегодня монополистом в ориентации человека: слишком сложен, противоречив и изменчив мир, в который вступил человек XXI столетия, чтобы один даже весьма развитый общественный институт справился с такой задачей.

Такая судьба науки осознавалась достаточно ясно многими мыслителями. Крайне пессимистически оценивал перспективы науки М. Хайдеггер, полагавший, что мышление, ориентированное на каноны науки, является синонимом разрушения личности, вырождением разума в холодный, бездушный, калькулирующий рассудок. Уходя от крайних оценок, необходимо отметить, что реальное отношение науки и деятельности человека никоим образом не отменяет всей важности и значимости науки как одного из действенных механизмов ориентации в мире вообще и ориентации в различных областях природного, социального, духовного бытия, в частности. Уже коперниканским переворотом наука заявила не только о своей способности знать мир иным, нежели это предлагалось традициями теологического знания, но и о способности входить в сферу повседневных размышлений человека в качестве особого средства разрешения его проблем и удовлетворения его потребностей. Сегодня наиболее приемлема, на наш взгляд, точка зрения на место и роль науки в формировании определенности человеческого бытия, которая утверждает, что именно наука в содружестве с искусством придают ценность цивилизациям. Благодаря науке развиваются подлинно человеческие начала, происходит духовное возвышение человечества, ведь, как считал Анри Пуанкаре, если мы все более и более хотим избавить человека от материальных забот, так это затем, чтобы он мог употребить свою отвоеванную свободу на исследование и созерцание истины [130].

Понимание сциентизма и антисциентизма *«как особых способов ориентации в современной социальной действительности»* является достаточно убедительным примером содержательного анализа, раскрытия сущности конкретных типов ориентации. Каждый из них в статическом виде предстает как данность, как выражение конкретной состоявшейся ориентированности, как выражение конкретных реализовавшихся ориентаций. И дело, заслуживающее особого внимания, – выявление и анализ в таком же ракурсе других фундаментальных, значимых ориентаций личности и общества.

В приведенном анализе сциентизм и антисциентизм как типы ориентации есть *выражения* включенности, «вписанности» объекта ориентации, а им является наука, в определяющий социокультурный контекст; выражение зависимости определенности объекта ориентации от *точки стояния* в мире, от координат, от системы отсчета. В этом плане и материализм, и идеализм, и агностицизм, и буддизм, и конфуцианство, и марксизм, и неокантианство и т.д. есть и особого типа ориентации, и в тоже время есть средства, механизмы, способы ориентации.

В свете сказанного представляется далеко не случайным созвучие разделенных значительным промежутком времени теоретических положений И.П. Павлова, писавшего о фундаментальности ориентировочного рефлекса и о том, что у человека этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в той любознательности, которая создает науку, дающую ему высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире. Из теоретических положений Э.Г. и Б.Г. Юдиных, писавших, что всякий раз, когда современное общество сталкивается с достаточно серьезной и острой проблемой, взгляд в сторону науки бывает немедленной и даже автоматической реакцией, своего рода рефлексом. Осознание общественной значимости проблемы и обращение за помощью к науке – это не два отдельных процесса, даже не две стадии одного процесса, это по сути дела две стороны одной медали [121, с. 50].

От ориентировочного рефлекса, действующего в жизненно опасных ситуациях, к науке, дающей высшую ориентацию в мире, – такова эволюция ориентационной деятельности по Павлову. От признанной роли науки к рефлекторному обращению к ней в случае появления серьезной проблемы и осознания её общественной значимости – такова стратегия деятельности современного человека по Юдиным. Провидение Павлова находит свое подтверждение в действительной

реализации наукой ее ориентационной функции в обществе. В различные времена от знания люди ждали ответов на вопросы, касающихся смысла жизни, места человека в мире, правильного устройства общества и правильного устройства человеческой жизни, – именно в этом им виделось практическое предназначение знания вообще, знания научного, в частности. В этом качестве знание вообще и знание научное, в особенности, реализуют мировоззренческую и ориентационную функции.

Наука, научные знания реализуют ориентационную функцию тогда, *когда складывается ориентационная ситуация, когда возникает ориентационная потребность, когда научные знания оказываются способными задать контекст, форму, направленность обсуждения, осмысления, понимания мировоззренческих вопросов, когда они могут предложить или задать те категории, научно обоснованные мировоззренческие ориентиры, в координатах которых собственно и выстраивается понимание человеком мира, своих отношений с миром, понимание самого себя, своей определенности как необходимых предпосылок не только сохранения себя в мире в качестве живого организма, но сохранения себя в не менее значимом качестве – в качестве Человека, личности.*

Но не только наука способна ориентировать, сама она, как отмечалось выше, и ориентируется, и нуждается в ориентации. Весьма образно состояние дезориентированности науки описывает один из лидеров медицинской науки первой трети XX века С.П. Федоров, когда сравнивает свою науку того времени с витязем на перепутье дорог: и вот стоит она, «связанная по рукам и ногам, на старых основах, обремененная ложными путями и упрямством идущим по ним... Да, стоит она, как русский древний витязь, в раздумье на перекрестке дорог и оглядывается на свое блестящее прошлое... Скоро ли выйдет она на новый, истинный и славный путь?!» [131, с. 55].

В истории развития науки определенность её содержания, строения, характера функционирования в различные времена выражалась соответствующим типом ориентации. Наиболее значительные среди них следующие: 1) *ориентация античной науки на человека*; 2) *ориентация науки XVII–XVIII веков на технику*; 3) *ориентация науки XX века на личность*.

Для первого типа ориентации характерно стремление науки к выработке общего представления о мире и месте в нем человека. Наука

ориентирована здесь на человека в том смысле, что в качестве основных ставила и решала задачи: раздвинуть границы мировоззрения человека, вооружить его знаниями о строении мира, о связи космоса и микрокосмоса, научить его гибкости понятий, выражающих текущую действительность процессов.

Второй тип ориентации характеризуется стремлением науки к опытному изучению природы, к реализации идеи о грандиозных инструментальных возможностях изменения природы, к техническому воплощению знания.

Третий тип ориентации, осуществляемый в процессе единения научного знания и технического творчества, связан с приданием технике человеческого измерения. В рамках последнего наука выступает как сфера деятельности, производящая знания не столько для того, чтобы обновлять технику, технологию и вещный мир материального богатства сами по себе, сколько для того, чтобы обновлять мир духовного богатства, образ жизни самого человека [120].

4.2.2 Ориентация исследовательской мысли как результат взаимодействия науки и философии

Философские мировоззренческие ориентиры имеют своей целью скорее истину, нежели ценность. Хотя в идеальном случае философия предпочитает иметь дело с истиной, являющейся несомненной ценностью для человека, обладающей статусом истинной, а не сомнительной или ложной ценности. Философия дает фундаментальную ориентацию, в которой деятельность фундируется на предельно общих и вместе с тем максимально приближенных к сущности и истине идеях, положениях, категориальных смыслах и т.п. Она дает эти истины как результат общечеловеческого поиска подлинных, а не кажущихся, мнимых ценностей человеческого бытия. В силу сказанного ценностная ориентация, эксплицируемая в качестве предпосылки, или же в качестве внутреннего каркаса, матрицы осуществившейся деятельности, конечно, выражает определенность личности, но не исчерпывает этой определенности. Потому вполне естественно говорить не только о так называемой «философской составляющей» научного знания вообще, но и о том, что в рамках методологического мышления решаются проблемы ориентации исследователя и ориентации научного исследования.

По мнению некоторых авторов, значение методологии в современной науке определяется тем, что именно она вносит в конкретную исследовательскую программу конкретные цели и идеалы познания, ибо осуществляемое методологическим мышлением в рамках методологического обоснования критическое обозначение эвристических возможностей применяемых методов научного познания является не только необходимой стороной, но буквально «конститутивным элементом в структуре научного прогресса» [132, с. 86].

Через «философскую составляющую» научного поиска осуществляется ориентирующее воздействие философского знания на научное исследование. Ведь в философии на протяжении истории наработаны многообразные сетки категориальных структур, задающие различные варианты видения, понимания природы объектов. При смене научных картин выбираются и используются научным мышлением лишь определенные, обычно ограниченные «наборы» категорий. Тем самым, осуществляется философская детерминация категориального строя науки, происходит обогащение ее категориального строя. При надлежащей методологической реконструкции, созданной Ч. Дарвином эволюционной биологической картины мира и соответствующих идеалах и нормах объяснения, органический детерминизм, как считает Е.В. Петушкова, явится ничем иным, как философской составляющей в основаниях дарвиновского учения. И именно благодаря этой составляющей в категориальный строй дарвиновского теоретического объяснения входят понятия случайности, вероятности, целесообразности, возможности и действительности, статистической закономерности и т.д. В свою очередь понятия и принципы дарвиновской концепции детерминизма становятся рабочим инструментом всей последующей биологии и материалистической школы исследования высших психических функций. Другими словами, философские категориальные структуры, входя в ткань научного мышления, направляют, ориентируют последнее через обоснование и содержательно-логическую развертку принципов, составляющих наиболее общие и необходимые посылки в формировании специального научного знания. В теоретические основания каждой конкретной науки, наряду с научной картиной изучаемой реальности, идеалами и нормами теоретического понимания и объяснения, входит, таким образом, философская составляющая. С данной точки зрения, лапласовский детерминизм не является соб-

ственно философской доктриной, но является формой философской составляющей в основаниях научного поиска, которая определяет и обосновывает соответствие эволюционно-механической картины мира и вероятностно-статистических методов ее разработки нормативным предписаниям общенаучного методологического норматива, т.е. принципу детерминизма [133].

При анализе философских вопросов научного познания следует иметь в виду не столько конкретные вопросы, сколько их конструктивные решения, приводящие к обогащению научного знания. Полученные решения входят затем в систему философских оснований науки. К таким основаниям относятся, как известно, фундаментальные принципы и законы теории, составляющие ее каркас и придающие ей целостность. В каждой науке существуют *собственные* теоретические основания, выступающие в качестве согласованных и подкрепляющих друг друга принципов и законов теории. Эти законы используются для объяснения эмпирических фактов и предсказания новых явлений на основе экстраполяции следствий из законов. Кроме того, в теории имеются философские основания в виде важных положений, принципов и законов, имеющих мировоззренческое, методологическое или социальное содержание [134, с. 17].

Понятия *гносеологических и методологических* оснований близки по содержанию, но для науки методологическое значение имеют не только теория познания, но также и все мировоззренческие законы и принципы, если они используются для объяснения явлений природы, интеграции научного знания либо являются *ориентирующими* установками в познании. Гносеологические основания включают в себя комплекс ориентирующих принципов в познавательной деятельности, законы развития и смены теорий, взаимоотношения между старыми и новыми теориями, совокупность общих и специфических методов познания.

Сюда входят принцип относительности знаний, единства теории и практики, преемственности объективных истин, принцип единства логического и исторического в познании, теории и эксперимента. В системе гносеологических оснований раскрывается взаимоотношение между общими методами познания: индуктивным, дедуктивным, аксиоматическим, системно-структурным, аналогией и моделированием и др.

Социальные основания теории включают в себя систему принципов и положений, определяющих место данной науки в общем челове-

ском знании, ее цель и назначение в плане удовлетворения социальных потребностей и ориентации, определяющих взаимоотношение науки и производства, науки и общественных отношений, морали, искусства, эстетические аспекты в научном обществе и в развитии теории, движущие силы и закономерности развития теорий как социальных явлений.

Философские основания органически входят в содержание любой фундаментальной науки, определяют ее мировоззренческое и методологическое значение. Очень часто от исходной философской идеи, ее основательности, ориентационного потенциала зависит степень обоснованности разрабатываемой гипотезы или концепции, укорененность в систему научного знания. Академик А.Б. Мигдал, замечая, что камень преткновения на пути общения ученых с людьми ненаучных профессий не в терминологии и даже не в сложности понятий, а в разной оценке достоверности фактов и в различном понимании задач и методов науки, подчеркивал, что разговор о науке следует начинать не с конкретных научных результатов, а с обсуждения научного метода, который зародился в XVIII веке и продолжает развиваться вместе с наукой.

В реальном процессе научного исследования ученый имеет дело с конкретными явлениями, которые представляют собой диалектическое единство общего, единичного и особенного, сущности и явления, необходимости и случайности, возможности и действительности, формы и содержания и т.д. Это значит, что названные категории, предваряя научное исследование, служат априорными формами ориентации исследовательской мысли.

Реальная сила метода состоит именно в том, что он позволяет исследователю ориентироваться в фактическом материале, анализировать, синтезировать, научно обобщать его. Научный метод содержит в себе наиболее общие требования к мышлению в процессе исследовательской деятельности, однако конкретный исследовательский процесс не состоит в простом дедуктивном применении этих требований – он предполагает ничем не ограниченную инициативу, творческое искание, полет мысли и воображения.

Научно-исследовательский процесс при всех оговорках протекает по определенной логике [135, с. 154]. Это дает основания предположить, что в самом существе научного метода заложена возможность выведения такой системы правил и предписаний, которая регулирует порядок и последовательность ее применения.

Нельзя не согласиться с тем, что если исследователь не будет руководствоваться научной методологией, если он будет действовать наугад, методом «проб и ошибок», то едва ли достигнет успеха, а если и достигнет, то ценой огромных усилий, затраченных на преодоление излишних препятствий и трудностей. «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, — замечал еще Р. Декарт, — чем делать это без всякого метода, ибо совершенно несомненно то, что подобные беспорядочные занятия и темные мудрствования помрачают естественный и ослепляющий ум» [136, с. 89].

Интерес к гносеолого-методологической проблематике никогда поэтому не ослабевал, эта проблематика не исчезала из поля зрения ученых ни раньше, во времена Аристотеля, ни позже, когда этим занимались Бэкон и Декарт, ни в нынешние времена. В этой связи для нас важны рассуждения Р.А. Аронова и О.Е. Баксанского [137].

Обращая внимание на то, что А. Эйнштейн интересовался поиском того ясно сформулированного базиса, исходя из которого выводится широкое поле явлений посредством математического мышления, логики и гармонии с опытом, Р.А. Аронов и О.Е. Баксанский [137] подчеркивают сугубо научный подход Эйнштейна к разрешению этой проблемы. Научность подхода определяется тем, прежде всего, что для Альберта Эйнштейна физическая реальность признается существующей независимо от познания и восприятия, а постичь её можно полностью лишь «с помощью теоретического построения», опирающегося на эмпирические основания, поскольку мышление само по себе никогда не приводит ни к каким знаниям о внешних объектах. Исходным пунктом всех исследований служит чувственное восприятие. Истинность теоретического мышления достигается исключительно за счет связи его со всей суммой данных чувственного опыта [138, с. 320].

При этом связь чувственных данных и теоретических обобщений отнюдь не представлялась Эйнштейну простой и легко достижимой в реальном процессе познания. Он исходил из того, что наука — это «попытка соотнести хаотическое разнообразие нашего чувственного опыта с логикой системного мышления (облачить в униформу логики). В этой системе отдельные опыты должны так соотноситься с теоретической структурой, чтобы это согласование было уникальным и убедительным... Цель науки, с одной стороны, состоит в максимально полном понимании того, как соединены сенсорные опыты

в их совокупности, и, с другой стороны, – в использовании при этом минимального числа концепций и соотношений... Все должно совершаться так просто, как только возможно, но не проще. Сделанное слишком просто становится упрощенным...» [139, с. 36–45].

В сказанном в рамках интересующей нас проблемы осмысления роли и места ориентации в научном исследовании мы акцентируем внимание на позиции Эйнштейна, согласно которой теория должна соответствовать нашему сенсорному опыту: «Я вижу, с одной стороны, совокупность сенсорных опытов, и с другой, – совокупность концепций и предположений, запечатленных на страницах книг, отношения между концепциями и предположениями подчинены логике, а задача логического мышления строго ограничена достижением соединений между концепциями и предположениями в соответствии со строго установленными законами логики» [139, с. 45].

Соединение одного с другим, по признанию Эйнштейна, происходит *интуитивно*, и *«степень уверенности в этом соединении, этой интуитивной комбинации должна быть принята как данность, и только это (и ничего больше) отличает пустые фантазии от научной «правды» (Курсив – В.К.)* [139, с. 45]. Но именно в этом интуитивном соединении чувственного и логического мы не можем не почувствовать, столь же быть может интуитивно, и не можем не вывести, как результат необходимого логического обобщения, то, что «правда» интуитивного соединения чувственного и логического в научном познании есть правда соединения чувственных и теоретико-мировоззренческих агентов, отвечающих за ориентацию и обеспечивающих ориентацию научной мысли в едином пространстве существования эмпирических данных и логических конструкторов.

Сам А. Эйнштейн прямо выделяет среди элементов своей когнитивной стратегии анализа реальности «комбинаторную игру», в которой осознанные рациональные средства (теоретические конструкторы и логические императивы) сочетаются с сенсорным опытом, опосредованным образами, конструируемыми «через процесс ассоциации, стимулируемый мускульной и моторной активностью» [137, с. 73]. Характер этой «комбинаторной игры» и его конечный результат зависят, на наш взгляд, от того, в какую систему сложились те механизмы ориентации (до возникновения конкретной ориентационной ситуации существующие разрозненно) в момент, когда такая ситуация возникла; какая *система ориентации* оказалась про-

водником творческой энергии исследователя, выводящей его к научному открытию.

Как только чувственные или понятийные предпосылки принимаются во внимание, учитываются в мышлении, как только мысль в своем движении соотнобразуется с ними и *выстраивается по ним в определенную систему или идет заданным ими определенным маршрутом* – так правомерно полагать, что в использовании этих предпосылок реализуется их ориентационная функция, они обретают статус ориентирующих факторов, статус ориентиров научно-исследовательской деятельности, и здесь особо важен момент *системной ориентации*, то есть ориентации, сводящей воедино всю совокупность, быть может, разрозненных во времени, осуществляемых на различных этапах и уровнях исследования отдельных, самостоятельных предпосылок, факторов ориентации. Все в этом смысле должно быть «высчитываемо» из ориентационной ситуации.

Ориентационное знание является результатом применения ориентационного подхода. Это знание, которое может возникнуть из созерцания такого же рода, о котором писал Батищев, говоря о Рубинштейне, а именно: ...чудесное, внезапное, безосновательное, неисторическое и нелогическое поначалу, оно затем может обрести историчность, логичность, основательность... Это такое знание, которое может являться также результатом спекулятивного, действующего по законам диалектики мышления. Говоря о данном виде мышления применительно к Вл. Соловьеву, В.А. Кувакин в брошюре «Философия Вл. Соловьева» отмечал, что в сознании Соловьева господствовала легкая и изящная, красивая и одновременно мощная диалектика разума, а не чувства, образности, диалектика разума, уверенного в себе, деловитого, по-своему хозяйственного, не оставляющего без «оправдания» без присмотра и «приспособления», вплетения во всеединство всех больших и малых сфер материальной и духовной действительности, всех завоеваний человеческого разума и творчества.

Здесь каждое слово работает на идею конструктивного мышления, на идею вырабатываемой, нарабатываемой в рамках ориентационного подхода необходимой для практической жизнедеятельности определенности. Можно в связи с этим означить необходимые, существенные моменты, выражающие наличие ориентационной ситуации и ее разрешения:

- a) легкость разума как предпосылка спекулятивности;
- b) ничто не ускользает от разума, все «под присмотром»;
- c) все находит «приспособление»;
- d) всему есть «оправдание»;
- e) все «вплетено» во «всеединство»;
- f) это «все» – суть большие и малые сферы материальной действительности, суть все завоевания человеческого разума и творчества.

И далее идет важное, принципиальное для понимания механизма ориентационного мышления, способа реализации ориентационного подхода положение. Оно заключается в характерных особенностях осуществления мышления, в котором «над всей системосозидательной работой витал дух логической доказательности, чаще всего непринужденной, свободной и даже веселой, но вместе с тем «довлеющей в себе» [140, с. 10].

Вот эту-то легкость мышления, способность учесть все и вся, перейти диалектически от одного к другому, не потеряв смысла, цели, практической целесообразности, следует выделить как характерную черту ориентационного подхода, реализующуюся в рамках философско-диалектического мышления. То, что такой образ мышления не случаен, что он необходим и закономерен, Кувакин подчеркивает особо, говоря, что приемлемость такого рода мышления, с такого рода «доказательностью», легкой, веселой, непринужденной, связывающей в рамках вплетенности всё со всем, отвечает пониманию Соловьевым смысла и места логики в философском творчестве: «логическая доказательность в области чисто философской приобретает только через нарастающий ряд мыслей в совокупности рассуждений, взаимно друг друга поддерживающих и оправдывающих» [140, с. 10]. Лучше о сущности ориентационного подхода как выразителя в данном случае научно-философского стиля мышления трудно сказать. Во многом именно так творится та определенность себя и мира, с которой субъект ориентации, он же и субъект познания, выступает как существо разумное, практическое, жизнедействующее.

4.2.3 Ориентационный аспект методологической рефлексии

Осмысление ученым своей деятельности как метода достижения определенного результата (знания о предмете исследования) составляет существо методологического мышления в самой упрощенной

его трактовке. В более полном и точном истолковании методологическое мышление имеет своим предметом не только осознание ученым собственной деятельности как средства достижения результата, но вместе с тем – осмысление природы этой деятельности, факторов ее детерминации, характера связи элементов и обусловленности связи элементов, составляющих научно-исследовательскую деятельность. Это осмысление всегда вписано в определенное социокультурное пространство, и потому методологическое мышление не может не быть ориентированным, не может не нести в своем формировании и в своем функционировании ориентационного аспекта.

Это означает, что в сфере методологического мышления оказываются не только вопросы о НИД (научно-исследовательской деятельности) как способе достижения научного результата, вопросы о том, от чего зависит добротность, эффективность того или иного метода исследования, вопросы возможного совершенствования методов через осмысление их элементов, существенных связей и т.п., но в этой сфере оказываются, «затягиваются» в неё вопросы гносеологического, логического, мировоззренческого характера. К ним относятся, например, выделенные в свое время в качестве элементов программы философской подготовки соискателей и аспирантов по разделу «Философия и методология науки (общие проблемы)» вопросы: многообразие и противоречивость ценностных ориентаций науки как социального института; ориентация на объективное знание и практическую значимость; ценностные ориентации в управлении наукой; ценностные ориентации ученого; многообразие личностных мотиваций и ценностных ориентаций людей и др. [141]. Или вопросы, предложенные в «Программе-минимуме кандидатского экзамена по философии и методологии науки»: предметно-практическая, когнитивная и ценностно-нормативная ориентации социогуманитарного познания; перспективы развития и новые ценностные ориентиры современной науки и т.д. [142]. Рассмотрение указанных и подобных им вопросов заставляет говорить о наличии особого ориентационного аспекта в методологической рефлексии, осуществляемой мышлением ученого над научным познанием.

Методологию научного познания иногда отождествляют с логикой научного исследования. В действительности содержание методологии научного познания шире, чем содержание логики научного

исследования, в которой основное внимание обращено на характер, формы и степень использования в исследовательском процессе логики, ее требований, законов и т.д. [143, с. 19].

Будучи в узком смысле учением о методах и принципах познания, методология в широком смысле включает не только учения об исходных основах (принципах) познания, о способах и приемах исследования, но также учения о мировоззренческих, социально-исторических, политических и иных культурологических основаниях современной научной деятельности. Вопросы методологии тем в большей степени привлекают внимание исследователей, чем в большей степени наука упрочивает свое положение в обществе в качестве важнейшего социального института и в качестве важнейшей силы освоения человеком окружающего мира.

Канадский философ науки М. Бунге, говоря об отношении философско-методологического и частнонаучного (физического) знания, раскрыл ту область их соприкосновения, в которой философское знание, не теряя своей специфичности, способно переходить, «сливаться» со знанием физическим, а знание физическое, сохраняя свою специфику, переходить в знание философское. Его выводы правомерны гораздо в более широкой области, охватывающей собственно гносеологическую, методологическую и мировоззренческую проблематику становления и развития научного знания.

Бунге считает, что философия есть особая форма исследования действительности, оболочка науки, «философский туман», окружающий и пронизывающий насквозь научные теории, науки в целом. Он достаточно явно очерчивает этот гносеологический образ *погружённости* научного знания вообще и научно-исследовательской деятельности, в частности, в философскую атмосферу, в философскую оболочку, в философский туман. Сегодня такого рода погружённость знания в гносеологические, мировоззренческие и т.д. предпосылки даётся в несколько иной терминологии: социокультурный контекст, культурологическая детерминация, система философско-мировоззренческих координат познания и т.д.

Необходимость преодоления скептического отношения к философскому знанию, а в более широком аспекте к культурологическому контексту вслед за Бунге можно усмотреть в четырех полезных функциях философии, которые он называет *философской ассимиляцией, планированием исследований, качественным контролем и*

«домашней уборкой» и которые необходимо иметь в виду тем и там, кто и где серьезно ставит и решает вопросы научного исследования, формируя для этого надежную ориентационную основу.

Первая функция – *философская ассимиляция* – заключается в том, что философия обогащается за счёт усвоения творческих идей и методов, разработанных в естествознании. Вторая функция заключается в том, что *планирование исследований* «всегда производится в соответствии с теми или иными философскими соображениями», а также в том, что философия формирует саму цель исследования. В силу последнего обстоятельства, замечает Бунге, философия оказывается более важным элементом, чем бюджет, который должен быть рассмотрен при программировании исследования [144, с. 33]. Третья функция – *качественный контроль* – состоит в проверке и определении как ценности, так и значения экспериментальных и теоретических результатов. Надежны ли данные? Какова их ценность для проверки теорий и для постановки вопросов, ответы на которые потребует создания новых теорий? Имеют ли теории какую-либо ценность? Ответ на подобные вопросы включает философские предположения о природе истины, взаимоотношения опыта и разума, структуре научных теорий и т.д. Под «домашней уборкой», т.е. четвертой функцией, Бунге подразумевает процесс прояснения содержания идей и процедур. Он считает, что формулировка новых научных понятий, гипотез, теорий и процедур является задачей учёных профессионалов [144, с. 34]. Но находящийся в их ведении процесс поиска и критического исследования требует определенной логической, гносеологической и методологической строгости. А чтобы провести ее в жизнь и доказать ее ценность, требуется терпимость, кругозор, мировоззренческие ориентиры, «матрицы образцов деятельности», систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт, категориальные модели мира и т.д. – все то, чему может научить только хорошая философия. Сказанное приводит к выводу о том, что ученый, вынужденный планировать исследование, осуществлять качественный его контроль, заниматься «домашней уборкой», а все это так или иначе входит в состав, в содержание научно-исследовательской деятельности, «на некоторое время становится философом» [144, с. 34], а это значит, что результаты его деятельности оказываются зависимыми от его философско-мировоззренческих воззрений.

К числу аргументов, подтверждающих необходимость осмысления ученым философской (гносеологической, методологической и т.д.) нагруженности содержания научно-исследовательской деятельности относятся следующие: а) знакомство с огромным числом нерешённых проблем и великими философскими системами способно вдохновить учёного на работу с долговременными исследовательскими программами вместо скачков от одной маленькой модной проблемы к другой; б) чтение философских работ может подсказать новые идеи, а изучение логики (гносеологии, методологии) повысить его требования к научной ясности и строгости; в) привычка к семантическому анализу помогает выявить подлинные референты создаваемых теорий; г) близость к профессиональным скептикам предохраняет от догматизма; е) осознание методологического единства всех отраслей наук предохраняет от сверхспециализации – главной причины безработицы и кризиса профессии; ф) шепотка философии усиливает веру теоретиков и экспериментаторов в силу гносеолого-методологических идей и в необходимость критики [144, с. 35]. Перечисленные факторы составляют то пространство, в котором мысль исследователя обретает определенность, зависящую не только от конкретности факторов, но и от места её включения в пространство их взаимодействия.

М. Бунге лишь один из огромного количества мыслителей, специально рассматривающих философскую содержательность, обоснованность, направленность, ориентированность науки вообще и научно-познавательной деятельности, в частности. Стремление привлечь философский интерес к науке, как к одной из высших форм познавательной деятельности людей, а вместе с тем и накопленный в рамках удовлетворения указанного интереса багаж знаний философии о науке к решению проблем развития науки имеет достаточно давнюю традицию. Исторически восходя к временам античности, к логическим и методологическим трудам Аристотеля, а в более поздние времена – к работам Ф. Бэкона, Р. Декарта, Д. Локка, Д. Юма, И. Канта и т.д., оно обретает особый размах и силу в рамках сменяющих друг друга форм позитивизма. Последний достаточно ясно, определённо сформулировал многие гносеологические и методологические вопросы развития научного знания, так сказать, «по горячим следам», в условиях интенсивного, революционного развития науки, в условиях перерастания научных революций в революции научно-технические.

Для нас важно обнаружить и подчеркнуть во взглядах представителей различных наук прошлого и настоящего в явном или завуалированном виде присутствие феноменов ориентационной деятельности: потребности в ориентации, ориентационной ситуации, ориентационной определенности, ориентационного знания – и осмыслить их значение.

Несколько угрубляя реальное положение, можно свести всё многообразие проблематики и поисков решений в очерченной области интересов к стремлению и философов (Аристотель, Бэкон, Декарт и др.), и естествоиспытателей найти некий универсальный способ, метод, который уверенно вел бы к открытиям в науке. Однако все попытки обнаружить этот универсальный метод, как известно, терпели поражение. Не смогла стать универсальным методом «делания» открытий математика, не смогла стать им и логика, которую как средство познавательной деятельности «точили», шлифовали многие поколения мыслителей. Став довольно стройным и законченным учением о доказательстве, логика не удовлетворила требование к ней Ф. Бэкона и Р. Декарта: быть логикой достижения новых научных результатов. В этом отношении, как оказалось, логика мало что могла дать. Последнее обстоятельство побудило Ф. Бэкона констатировать: «Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия наук». Но факт невозможности создания специальной логики научных открытий не означает, как это неоднократно подчеркивал известный философ П.В. Копнин, будто логика не играет никакой роли в процессе достижения нового знания. «Нет «логики открытий», но и нет ни одного открытия без логики» [145, с. 194].

В целом же методологическая рефлексия, к которой вынужден прибегать ученый, заботясь о воспроизводимости полученных им результатов или рассматривая основания теории (теорий), используемых им, ставит своей целью: а) уяснение того, *что* лежит в фундаменте построения теории (какие идеи, категории, принципы, теории и т.д.); б) уяснение того, *как* эти принципы, идеи, теории и т. д. направляют, ориентируют мысль исследователя; в) уяснение того, *почему* в этих идеях, принципах и т.д. нечто либо не использовалось совсем, и потому теория оказалась недостаточно полна, либо использовалось не должным образом, и потому теория не вполне совершенна, либо использовалось неверно, и потому теория ошибочна;

d) уяснение того, *чем* (какими идеями, принципами, теориями и т.д.) можно или нужно заменить отдельные элементы старого основания теории или заменить его вообще новым основанием.

Сущность деятельности «систем с рефлексией» (Кочергин А.Н.), т.е. систем совместной, взаимодополняющей деятельности философа-методолога и естествоиспытателя, состоит в философском (средствами философии) анализе научного знания, охватывающем последнее от оснований до конечных результатов, дающем ответ на вопрос: соответствует ли, строится ли это знание сообразно существующим современным критериям научности, идеалам и нормам теоретического освоения действительности и, быть может, самое важное, позволяющем выдвинуть конструктивные предложения по совершенствованию научного знания, переходу, если в этом есть необходимость, к альтернативным решениям, к формулировке новых способов, подходов, методов постановки и решения задач в конкретных сферах познания.

В русле этих поисков находится и рефлексия методологическим мышлением существа и значения ориентационного подхода в познании. Методология вообще имеет целью выработку своего рода «путеводителя», помогающего ориентироваться в различных сферах научного исследования как в плане нахождения соответствующих отправных идей, так и в плане обнаружения уместных для этих идей способов оперирования ими. Конечно, она (методология) не может претендовать на то, чтобы предоставляемыми ею рекомендациями заменить творческий поиск учеными-специалистами новых методов (своих собственных путей к научному результату), ее задача – выявить закономерности исследовательского процесса, существенные ходы мысли, предупредить от тупиков, блуждания вслепую. Но этого вовсе не мало [146, с. 16]. Понимание методологии как своего рода «путеводителя» по множеству методов, выработанных научным мышлением в течение достаточно длительной истории, более чем основательно и целесообразно. Библиография методов, их классификация, их характеристика по содержательности, по возможным сферам применения далеко не бесполезная подсказка мышлению, ищущему тот единственный, только лишь и ведущий к истине действительный метод.

Несколько иначе выглядит методологическая рефлексия, осуществляемая в области осмысления, исследования оснований теории, ибо нередко теория изначально тождественна (например, в матема-

тике) методу ее получения. Потому возврат к основанию теории, ее переосмысление есть вместе с тем переосмысление ее метода и, фактически, создание новой теории. Такого рода методологическую рефлексию можно квалифицировать как рефлексию *теоретико-методологическую*. Ю.А. Гастев по поводу книги американского математика-логика Х. Карри, давшего своему капитальному труду название «Основания математической логики», пишет: «Конечно, «основаниями» какой-либо дисциплины естественно прежде всего называть ее первые, самые элементарные главы («основы», «элементы», «начала»). По другой – не менее, пожалуй, прочной – традиции «основаниями» именуют совокупность концепций, на базе которых строится данная дисциплина, причем значение этих, обычно весьма тонких, концепций удастся оценить не начинающему, а человеку достаточно искушенному в предмете. «В этой связи курс «оснований геометрии» читают не *до* традиционных геометрических курсов, а *после*; «основания математики» большинству студентов-математиков (да и аспирантов) вообще слушать не приходится» [147, с. 18]. Такого рода основания дают ту общую ориентацию исследователю, без которой он рискует «потеряться» в детальном изучении теоретически важных самостоятельных фрагментов научного знания.

4.2.4 Гносеолого-методологический смысл ориентационного подхода

В состав современного методологического знания входят не только известные, хорошо изученные в классический период развития науки методы, но и другие разнообразные средства, стратегически и тактически обеспечивающие исследование. На современном постнеклассическом этапе развития науки в условиях неравновесного нестабильного мира актуально выделение ориентаций как специфических средств освоения действительности.

Идея ориентационного подхода как особого гносеолого-методологического феномена столь же кажется сама собой разумеющейся, сколь в действительности таковой не является, ибо до определенного момента она не выступала предметом специального анализа. Положение существенным образом изменилось, когда в период усиления внимания философов к деятельностным аспектам познавательной деятельности человека в поле зрения исследователей

вошла особого рода деятельность познающего субъекта, а именно *деятельность ориентационная* [148, с.76–79].

Естественной предпосылкой осмысления реальности существования особых механизмов ориентации человека в окружающем мире является признание объективной роли, которую в существовании всего живого вообще и человека, в частности, играют случай, неопределенность, многообразие и изменчивость действительности. Это признание влечет за собой не только утверждение о реальности механизмов ориентации и их «узнавание» в структуре элементов, факторов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность человека, но делает возможным вывод о том, что за действием ориентационных механизмов, отражающих объективные ориентационные зависимости, стоит специфическое *ориентационное отношение* человека к миру, которое в обобщенном виде выражает *ориентационный подход* человека к миру. В определенном смысле ориентационный подход формируется в том же поле гносеологических представлений о действительности и способах её познания, в котором возникает и развивается синергетический подход, а именно в поле осмысления того, что в мире происходят противоречивые процессы рождения новых структур не только по необходимым, детерминистским основаниям, но и в связи с действием стохастических, т.е. случайных, вероятностных факторов нелинейного характера. Именно здесь состояние порядка возникает из хаоса, а состояние хаоса из порядка [149, с. 95–96]. Именно здесь происходит переоткрытие пространства и времени, осмысление динамической обратимости последнего [150].

Ориентационный подход находится в том же ряду методологически значимых средств познания, в котором находятся становящиеся элементами современного методологического мышления концепты «куматоид» и «cause stadies». Между ним и названными концептами имеется определенная общность, состоящая в том, прежде всего, что каждый из них выстраивает себя из элементов меняющейся действительности. Так качества куматоида зависят от входящих в него элементов, от их присутствия либо отсутствия, от траектории их развития или поведения. Ситуационные исследования («cause stadies») базируются на учете локальной детерминированности явления, в них содержание системы знания раскрывается в контексте конечного набора условий, конкретных и особых форм жизненных ситуаций.

Общим является и то, что для них приоритетно принятие теоретико-вероятностного стиля мышления, в контексте которого мышление, не признающее идею случайности и альтернативности, является примитивным [151].

Ориентационный подход и ориентационная деятельность связаны, но не тождественны. Деятельность – это практическое выражение, практическая реализация подхода, тогда как подход, прежде всего, отношение, предвещающее деятельность. Он существует не сам по себе – он включен в систему человеческой практики, используется, как и другие средства, в сложной системе взаимодействий человека с окружающей реальностью. В теоретическом плане основанием ориентационного подхода является рефлексия в рамках философского осмысления жизнедеятельности человека вообще и познавательной деятельности, в частности, – *потребности в ориентации*, а также предпосылок и способов ее удовлетворения. Иными словами, ориентационный подход как предпосылка качественного своеобразия осуществляемой в реальности деятельности имеет место там, где осознанно или не вполне осознанно ориентационная деятельность осуществляется как особый вид деятельности по удовлетворению ориентационной потребности. Что касается указанной рефлексии, то она имеет место не только в философских, но и в естественнонаучных исследованиях. И.П. Павлов, например, как это отмечалось нами раньше, писал: «Едва ли достаточно оценивается рефлекс, который можно было бы назвать исследовательским или, как я его называю, рефлекс «что такое?»... Этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в той любознательности, которая создает науку, дающую нам высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире». [70, с. 27–28].

Говоря собственно о научном знании, другой естествоиспытатель и в другое время (В. Гейзенберг) отмечал, что *даже системы понятий, удовлетворяющие всем требованиям логической и математической точности, представляют собой только робкие попытки ориентации* в определенных областях действительности. Несколько иными словами ту же тенденцию выразил Хосе Ортега-и-Гассет, утверждая, что в мире в каждый момент происходит бесконечно много событий. Всякая попытка передать в словах все то, что сейчас действительно происходит, сама по себе смешна. Нам остается одно – построить самим по нашему разумению конструкцию дей-

ствительности, предположить, что она отвечает истине, и пользоваться ею как схемой, сеткой, системой понятий, которая дает нам хоть приблизительное подобие действительности. Это обычный научный метод, больше того – только так пользуются разумом. Если грек в античности верил, что в разуме, в понятиях он обретает саму реальность, то мы полагаем, что разум и понятия – только предметы, которыми мы пользуемся, чтобы определить свое положение в бесконечной и крайне проблематичной действительности, называемой жизнью.

Первичными механизмами, реализующими ориентацию человека в физическом пространстве и во времени, выступают ощущение и восприятие, затем идут мышление и воля, реализующие ориентировку в пространстве социальных взаимодействий и, наконец, формы общественного сознания, реализующие ориентацию человека как в пространстве социальных взаимодействий, так и в пространстве его вселенского бытия.

Реализуясь объективно в виде ориентационной деятельности, осуществляемой в самых различных сферах, ориентационный подход заявляет о себе как о гносеологическом и методологическом феномене лишь в форме его рефлексии на уровне научного и философского знания. Существовая *de facto*, объективно он лишь в научном и философском исследовании обретает свое «юридическое признание».

На вопрос о том, что дает ориентационный подход с точки зрения методологической, в самом общем плане можно было бы сказать следующее. Прежде всего, он обращает внимание исследователя на сложность, противоречивость, неопределенность явлений действительности как на *факт*, с которым необходимо не просто считаться, но из которого следует изначально исходить в построении «тактики и стратегии» научного исследования, это и есть исходная «мыслительная ориентация», влекущая в качестве следствий ряд специфических требований к познающему субъекту.

Следующее, что предпосылается непосредственным исследовательским процедурам в рамках ориентационного подхода, – это требование к исследователю *осознанно* использовать в качестве культурологического контекста исследовательских программ философское знание о действительности, данное как в форме современного научно-философского категориального аппарата, так и в форме совокупности базисных принципов, позволяющих не только не «потеряться» в

мире сложности, противоречивости, неопределенности и случайности, но, наоборот, делающих возможным извлечение именно из этого мира, полного случайности, неопределенности, беспорядка и т. п., закономерности, устойчивости, порядка, смысла, ценности и т.п. Ведь жизнь — это, прежде всего, хаос, в котором затерянный в нем человек ищет и, в большинстве случаев, находит себя. Люди чувствуют это. Живая конкретная действительность всегда запутана, неповторима, непроглядна для обыденного познания. Только того, кто может в ней сориентироваться, используя для этого соответствующие средства, механизмы, кто за внешним хаосом ощущает скрытую суть места и мгновения, кто не теряется в жизни, не утрачивает достоинства своей определенности, можно считать подлинно разумным человеком, способным научно осмысливать действительность.

В рамках ориентационного подхода становится понятной, содержательно раскрывается та интуитивно ясная мысль, которая в различных формулировках представлена как хрестоматийная истина, прописанная во многих учебниках философии: *«философия дает человеку (исследователю) наивысшую ориентировку в мире»*. Она использует при этом те фундаментальные идеи гносеологии, логики, методологии, которые пронизывали в различные времена философское и естественнонаучное мышление. С этой точки зрения, ориентационный подход есть в сути своей специфическое обоснование *методологического априоризма*, ибо в качестве *непреложного условия исследовательской деятельности* он настаивает на необходимости признания явного или неявного существования философско-мировоззренческих установок или же гносеолого-методологических идеалов в сознании каждого ученого. Именно эти установки, идеалы, принципы и т.д., хочет того ученый или нет, «привязывают» его к определенному контексту существующего научного знания, а в более широком смысле — к определенному культурологическому контексту, задают действительное *«место» творческих идей ученого в потоке развивающейся научной мысли*.

Субъективная рефлексия ученого позволяет осмыслить тот социокультурный багаж, который приобретен им в результате его вхождения в социальное сообщество вообще и в научное сообщество, в частности. Она позволяет, отвлекшись от второстепенного на данный момент времени, выделить «здесь и сейчас» актуальную основу, фундамент, опору, *матрицу* (Степин) для восприятия окружающе-

го, для познания конкретных явлений именно с этой опоры, с этого фундамента, с этой основы, с этой точки зрения, с этой матрицы, с *этого места* в социокультурном общеисторическом развитии. Такая рефлексия как раз и составляет сущность *методологической ориентации*, сущность ориентационного подхода в научном познании. Названные императивы ориентационного подхода в научном познании немногим строже того, что требовал в свое время Э. Гуссерль, утверждая, что феноменолог должен научиться воображать, видеть сущности и свободно ориентироваться в созданном им воображаемом мире самораскрывающихся сущностей [152, с. 254].

Таким образом, ориентационный подход в научно-исследовательской деятельности заключается:

1) в осознании необходимости, потребности выбора методологических, философско-мировоззренческих оснований, регулирующих, направляющих научно-исследовательскую деятельность;

2) в практической реализации названной потребности, то есть в осознанном выборе и использовании методологических, философско-мировоззренческих идей, принципов, требований и т.д. в качестве оснований научно-исследовательской деятельности и в утверждении той качественной своеобразности «угла зрения», под которым ученый воспринимает, осмысливает, оценивает действительность.

Если говорить здесь о методологии вообще, то она включает в себя ориентационный подход в качестве неотъемлемого элемента своего содержания, поскольку по своей сути призвана создать такие структуры ориентаций, в рамках которых исследователь может эффективно осуществлять свой поиск, не углубляясь всякий раз в решение общих вопросов, а сосредотачиваясь именно на сути специальной проблемы.

Уникальность воззрений ученых во многом объясняется спецификой их ориентаций, особенностью разрешения ими тех ориентационных ситуаций, в которых они с необходимостью оказываются как субъекты познавательной деятельности вообще и как субъекты конкретно-научного исследования, в частности [153].

4.3 Экзистенциальный ракурс

Под экзистенциальной ориентацией понимается деятельность, в основе которой лежит потребность человека извлечь из его ценност-

ного (эстетического, морального, религиозного и т.д.) отношения к изменчивому, противоречивому, неопределенному миру ценностей, необходимых и достаточных для успешной жизнедеятельности.

4.3.1 Искусство как механизм ориентации

Любое явление, развиваясь из простого в сложное, проходя путь от низшего к высшему, осуществляет вместе с тем «наращивание» количественно-качественных изменений, обретает ранее не присущие ему качества и функции. Обладание ориентирующей (ориентационной) функцией свойственно искусству по его природе, что никак не отменяет иных, нарождающихся со временем, с развитием искусства, новых его функций; функций, становящихся для него главными, отодвигающими ориентирующую функцию на второй план.

Значение искусства как ценностно-ориентирующего фактора обусловлено его уникальными возможностями воздействия на человека. Как средство формирования ценностных ориентаций, «искусство обладает многими свойствами и качествами, которые определяются природой эстетического, что придает процессу ориентирования неповторимый специфический характер [64, с. 18].

В чем, собственно, состоит ориентационная функция искусства? *В том, что, как и наука, искусство формирует, устанавливает, утверждает специфические системы отсчета, системы координат (законы, правила, принципы, идеалы, нормы и т.д.), в пространстве которых неопределенность мира и человека в мире преобразуется в их определенность; где человек специфически определяет самого себя, смысл своих помыслов и действий в любой конкретный момент, а также при необходимости целостный смысл, значение, ценность своей жизнедеятельности вообще. Задать в этом плане систему отсчета, систему координат – значит выделить совокупность исходных, не подлежащих сомнению, или же принимаемых по необходимости в качестве несомненных постулатов (ценностей) и выделить совокупность допустимых операций, действий над постулированными элементами в процессе жизнедеятельности. Степень же близости, репрезентативности системы и ее элементов действительности в этом случае – это иная проблема: проблема истины, а не значения и ценности.*

Связано это с тем, что видение человеком мира и самого себя через призмы прекрасного, идеального, ценного или, напротив, через призмы

безобразного, бесполезного, в координатах прекрасного, ценного или бесполезного и безобразного есть один из способов бытия человека как человека. В основе этой специфической стороны человеческой определенности находится, лежит то обстоятельство, что прекрасное неизменно оставляет следы, иначе оно не было бы прекрасным. Оно живет в нас, как шум грозы, впервые услышанный в детстве, как блеск волны, качающей кузов корабля. Мы помним прекрасное, и «это сообщает нам крепость и мужество, благородство и желание вольности. Будем же благодарны тем, кто одарил нас этим прекрасным...» [154, с. 216].

Прекрасное как предпосылка и результат человеческой деятельности, как предшествующее и опосредованное человеческой деятельностью входит в самого человека, живет в нем, и, становясь внутренним его состоянием, пространством, контекстом чувствования и переживания, обуславливает его образ мысли и действия. Формируя их определенность, искусство ориентирует человека. В связи с этим не удивительно, что представителям искусства: художникам и поэтам – издавна дано право дерзать на все, что угодно, и что пристанищем свободы является искусство – в искусстве свобода (*in arte libertas*).

Если бы это было не так, то человек просто не в состоянии был бы разрешать многие социокультурные ориентационные ситуации, в которых превращение неопределенности сущего в определенность мысли и поступка является порою не только вопросом потери человеком себя как носителя социальных качеств, смыслов, ценностей или, наоборот, обретения им сущностных социальных качеств, но и вопросом жизни и смерти. Выражения «последняя капля», «точка над *i*», «*Deus ex machina*» (бог из машины) – все это понятия одного плана, того именно, что единый штрих, единственное отношение, отдельная связь, запечатленная в сознании через посредство искусства, порождают с неотвратимой силой последнего необходимую определенность, представляют собой ту систему отсчета, ту систему координат, в которой неопределенность возможно разрешить «здесь» и «сейчас». В античном мире «*Deus ex machina*» употреблялось в значении «неожиданное лицо, обстоятельство, разрешающее ситуацию, развязывающее сложную драматическую коллизию».

Искусство влияет на человека на различных уровнях восприятия: на эмоциональном, рациональном, духовном. При этом оно оказывает на реципиента формирующее и воспитывающее воздействие, что в целом характерно и для других форм общественного сознания

как механизмов реализации ориентационной деятельности и ориентационного подхода. В то время как формирующее воздействие в значительной мере предопределяется личностью, воспитательное воздействие во многом зависит от влияния всех составных социального процесса – от экономических до социально-психологических. И здесь особо проявляется ориентационный характер и направленность искусства, что находит выражение в его *ситуативности*, в стремлении дать ответ на вызовы времени и обстоятельств, волнующие человека, вызывающие его тревогу и т.д. Ситуативность заложена в стремлении искусства как можно быстрее откликнуться на проблемы времени, отразить своеобразие момента, выявить его позитивные и негативные стороны, и именно в решении ситуативных задач, злободневных по содержанию, искусство наиболее полно отвечает модели ценностного ориентирования как приводного ремня между обществом и личностью [64, с. 27].

Быть может, нигде так, как в художественной литературе и поэзии, не выражены ярко и глубоко все элементы ориентационной ситуации: неопределенность бытия, потребность в определенности, удовлетворение ориентационной потребности – и не предложены в столь явном виде варианты жизненных ориентаций от исторически достоверных жизнеописаний реальных лиц до фантастических прозрений будущего жизнеустройства людей, образа их мышления и действия. Именно литература насыщена явно выраженным поиском человека самого себя, своего смысла и ценности жизни в осмысливаемом, переживаемом его мятущимся сознанием мире. Она создает особое пространство художественного отображения действительности, в которое «погружает» себя читатель, эмпатируя героям, он «проигрывает» переживания последних, оставляя в своей памяти то, что, интериоризируясь в его внутреннем мире, войдет в систему мировоззренческой ориентации, что составит определенную ориентационную основу его деятельности.

В соответствующем разделе мы обратим особое внимание на образовательную и воспитательную роль искусства. Но и устное творчество: фольклор, народные сказки, песни и т.д. – все это, как и письменная литература, играет ориентационную роль. В литературоведческих источниках и в философских исследованиях экзистенциалистских по своему существу произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, Ж.-П. Сартра, А. Камю, О. Бальзака,

В. Гюго, В. Шекспира, В. Гете и других писателей обращается особое внимание на стержневые проблемы человеческого бытия: проблемы смысла жизни, творчества, свободы и несвободы, ценностей вечных и преходящих, общечеловеческих и сугубо индивидуальных и т.д. И это не случайно, поскольку художественная мысль обладает способностью выходить за пределы реального физического пространства и времени. Она выходит к пониманию того, что человек произошел не от обезьяны. Он произошел от всей Вселенной, природной, им не созданной и культурной, являющейся творением его разума и рук. Он – дитя всего Космоса, в нем воплощена и выражена вся бесконечность мира. Человек не всегда это осознает, как не всегда осознает то, что с его появлением во Вселенную вошла новая качественная определенность, наполненная не поддающимися рациональным объяснениям чувствами и мыслями, переплетениями сознательного и бессознательного, вероятного и невероятного [155, с. 21].

Вслед за художественной литературой человек приходит к осознанию того, что, находясь в сущем, он находится во многих мирах; он приходит к тому, что через многообразие миров, их зыбкость и взаимопереходы ему предстоит нести свою определенность, формируемую, утрачиваемую и вновь формируемую в вечной смене естественных декораций бытия. В этом плане сама жизнь человека и человечества выступает как процесс саморазворачивания социального времени-пространства, «хронотопа».

Через посредство научной, а в еще большей степени художественной и фантастической литературы человек вводится, вписывается, включается в миры, уже прекратившие свое существование, в миры существующие и в миры, еще только готовящиеся к возможному существованию. Он сознает, что «надо жить жизнью и отдельных людей, и Человека во всей его истории, переживать жизнь во всех мирах, с которыми человек уже встречался или с которыми ему, быть может, доведется встретиться» [155, с. 22].

Литература – это окно в инобытие, в интеллектуализированное бытие человеческой души. Но именно потому, что человек физически остается в мире реальных социальных отношений, литература становится, как и наука, другие формы сознания, посредником, связующим звеном человека и окружающего мира. Она в целом, а не только научная фантастика, стремится выразить весь хронотоп, всю целостность пространственно-временных характеристик социаль-

ного бытия. И в этом качестве она способна «вживить» человека в любую ситуацию, оказать свое воздействие на то, чтобы любую ситуацию человек пережил, а не просто просуществовал в ней, чтобы цена индивидуальной жизни всегда была соотнесена с основными, то есть вечными, основаниями человечности.

Художественная литература как вид искусства интегрирует в целостности жизнеописания героя произведения моральные, эстетические, философские, аксиологические и другие его переживания, «проводит» его через разрешение соответствующих проблем. В морали, праве, философии, религии доминирует специфическая, соответственная форме сознания проблематика. Однако все указанные формы сознания, взаимодействуя между собой, стремятся выйти к такому единству видения человека и мира его жизнедеятельности, которое могло бы явиться синтетической *общей ориентационной основой* его жизнедеятельности.

Человек прислушивается, присматривается ко всему – «все наводит его на мысль», все *выстраивает его мышление*, все ориентирует, но окончательный вывод за ним самим. Эта устремленность человека к собственному слову о своей определенности отчетливо видна, например, в творчестве Ф.М. Достоевского, о чем М.М. Бахтин пишет: «Герой подполья прислушивается к каждому чужому слову о себе, смотрит как бы во все зеркала чужих сознаний, знает все возможные преломления в них своего образа; он знает и свое объективное определение, нейтральное как к чужому сознанию, так и к собственному самосознанию, учитывает точку зрения «третьего». Но он знает также, что все эти определения, как пристрастные, так и объективные, находятся у него в руках и не завершают его именно потому, что он сам сознает их; он может выйти за их пределы и сделать их неадекватными. Он знает, что последнее слово за ним, и во что бы то ни стало стремится сохранить за собой это последнее слово о себе, слово своего самосознания, чтобы в нем стать уже не тем, что он есть. Его самосознание живет своей незавершенностью, своей незакрытостью и нерешенностью» [156].

Соглашаясь со сказанным, следует сделать вывод: в самосознании проявляют себя в качестве ориентационной силы свобода воли человека, ибо что же еще как не самосознание может быть ее последним прибежищем. Характерно для жизнедеятельности человека то, что его потребность в ориентации тем выше, чем ниже уровень ста-

бильности в обществе. В обществе же стабильном, демократически устроенном проблема ориентации стоит не столь остро. Она центр своей тяжести как бы помещает во внешний человеку предметно и социально объективированный мир и разрешается при посредстве социально-политических и экономических институтов, в основном детерминирующих жизнедеятельность людей. Сферой собственно ориентационных потребностей здесь остается лишь духовный мир, мир искусства, религии, науки и т.д. Мир, где смена ориентиров и ориентаций не решает вопроса «быть или не быть», где эта смена не являет собой последнее слово разума в дилемме жизни и смерти.

Для общества, лишенного правовых, моральных и экономических ориентаций, объективированных, зафиксированных, устоявшихся в догмах, нормах, законах, правилах, традициях, обычаях стабильного общественного устройства, проблема ориентации затрагивает одновременно мир внутреннего и внешнего бытия личности и общества. А потому быстрая смена внутренних ориентиров несет в известных границах не благо личности и обществу, а дальнейшую дестабилизацию, что в еще большей мере обостряет проблему и потребность в ориентации, доводя общество и личность до крайности – до полной духовной внутренней дезориентации, до полной деструкции, разрушения и самой личности, и основ общественного строя.

4.3.2 Философия как механизм ориентации

Было бы удивительным, если бы для такого сложного, в определенной мере противоречивого, имеющего более чем двухтысячелетнюю историю развития явления, каковым выступает в обществе философия, нашлось единое всех удовлетворяющее определение. Понятие философии в чем-то соизмеримое с понятием бытия, имеет множество определений, каждое из которых акцентирует внимание на той или иной значимой сущностной или функциональной его стороне. Исходя из этого, а также из общей цели исследования, можно определить философию как науку о наиболее важных и предельно общих *проблемах* человеческого и природного бытия, о проблемах взаимоотношения человека к миру и самому себе, о познании мира и себя и т.д. С позиций такого понимания внимание философии обращено именно на проблемы, то есть на то, относительно чего нет ясного, исчерпывающего знания. Его не может быть по определе-

нию, и мудрые это знают (*sapienti sat*). Характеризуя философскую проблему, Ортега-и-Гассет писал, что она безгранична не только по объему, ибо охватывает всё без исключения, но и по своей проблемной интенсивности. Это не только проблема абсолютного, но и абсолютная проблема.

Особенность философских проблем, в отличие от проблем частных наук, в том, что ни одно решение, находимое для них, не является и не может являться исчерпывающим и окончательным. Проблемы философии по своей сути и по своей природе столь же нуждаются в решении, сколь никогда не находят его в окончательном виде. Это не только особенная, но и существенная черта философских проблем. Они всегда остаются проблемами, в частности, и потому, что ни одно новое поколение не остается от них, в силу их важности и значимости, в стороне. Ни одно новое поколение не отказывает себе в искушении дать свой ответ, свое решение. Но для абсолютного решения философских проблем обычно либо не хватает знаний, либо они находятся в излишке. Так что в любом случае решение оказывается пригодным лишь здесь и лишь сейчас, но не всегда и не всюду. Этой своей особенностью проблемы, возникая задолго до появления философии в виде проблем человеческого бытия, собственно, и предопределяют зарождение, существование и развитие философии. Но философия – это и *наука*, потому что в решении проблем, призывавших её к существованию, она пользуется научными методами, опирается на научное знание, предлагает полученные решения не только обществу вообще, не только философскому сообществу, но и научному сообществу, а также личности как таковой.

Ориентация относится к числу такого рода проблем. Хотим мы этого или нет, но в повседневной жизнедеятельности мы слишком часто сталкиваемся с тем, что в сферу нашей рефлексии попадает феномен *выстраивания содержания сознания в отношении к некоему значимому факту (фактам) действительности*: будь то политическое или экономическое событие, потрясающий поступок или мысль персонажа книги, кинофильма и т.п. В особенности, это касается отношения сознания к одному или нескольким фактам-элементам, входящим, а точнее, образующим проблемное поле философии: идея (проблема) бессмертия, проблема смысла жизни, проблемы вечности, первоначала, добра, справедливости, счастья, свободы, власти, вины, произвола и т.д. Заостренность философии на этих пробле-

мах коррелирует с ориентацией, собственно и происходящей, реализующейся в этом выстраивании содержания сознания сообразно элементам проблемного характера, не выпадающим никогда из сферы внимания философии. Потому философия не просто причастна к ориентации человека, но она как общественная форма сознания дает наиболее общую, значимую, фундаментальную ориентацию человека в окружающем мире. Философия рассматривает проблемы, которые, не теряя своего проблемного характера, выступают факторами, в отношении к которым и сообразно решениям которых конституируется сознание человека, а значит, конституируется и сам человек в соответствующей пространственно-временной протяженности его физического и духовного бытия.

На наш взгляд, секрет развития сознания человека, а вместе с тем и секрет вечной «молодости» духа во многом заключается как раз в этой потребности постоянно ориентироваться в действительности, что влечет за собой постоянную перестройку (омоложение) содержания сознания, постоянную необходимость его обновления, выстраивания, достраивания, обогащения за счет возможностей обращения внимания на неучтенные ранее жизненно важные факторы действительности, соответственно меняющейся действительности.

Развиваемая нами концепция ориентации созвучна теоретическим высказываниям Николо Аббаньяно [53] и, в первую очередь, таким положениям его «позитивного экзистенциализма», как:

1) философия, будучи теорией человеческого существования, помогает человеку понять себя, понять других людей, понять мир;

2) философия дает возможность человеку реализовать себя в рамках субстанциальных характеристик его бытия – неопределенности и свободы, она формирует основу фундаментального выбора в ситуациях неопределенности любой природы;

3) самой существенной характеристикой природы и конституции человека является время, поскольку оно раскрывает перед ним бесконечное количество возможностей. Взаимопривлечения прошлого и будущего образуют историчность человеческого бытия.

К этим положениям в развиваемой концепции ориентационной деятельности нами добавляются следующие посылки:

1. Существенной характеристикой природы и конституции человека является пространство, поскольку оно, как и время, раскрывает перед человеком бесконечное количество возможностей. Это тем бо-

лее так, что в рамках современных теоретических воззрений время вообще является одной из координат пространства;

2. Пространство, место и время, неопределенность и выбор, свобода и ориентация образуют не только специфический контекст реализации сущности человеческого бытия, но в определенных отношениях входят в эту сущность, становятся имманентным ее содержанием.

3. Хотя человеку свойственно страшиться и, по возможности, избегать неопределенности, именно она среди других такого же рода факторов позволяет человеку со всей возможной остротой почувствовать его человеческую специфику.

Время – важная категория не только у Николо Аббаньяно. Для Анри Бергсона, у которого интеллект и интуиция предстают в виде «объективно обусловленных форм жизни и познания», оно понимается как основа всех сознательных душевных процессов, предполагает постоянное творчество новых форм, становление, взаимодействие прошлого и настоящего, непредсказуемость будущих состояний, свободу.

Для нас же пространственно-местоположенная определенность заставляет аналогичным образом, то есть в духе аббаньяновского отношения ко времени, утверждать, что пространство-место является «самой» существенной характеристикой природы и конституции человека. Но было бы еще правильнее сказать, место (здесь) и время (сейчас) становятся существенными характеристиками природы и конституции человека, благодаря его ориентационной деятельности, которую он вынужден осуществлять постоянно как жизненно необходимую, как деятельность, объективными предпосылками которой являются пространственно-временные формы бытия и представления всего существующего.

Рассмотрение того или иного механизма ориентации (науки, мифа, религии и т.п.) в отдельности не раскрывает чего-то особо нового в их существовании и функционировании, но в целостном обозрении влечет тот индуктивный вывод о сложности общего механизма ориентации человека как целостного образования, ради которого такое рассмотрение оказывается оправданным и целесообразным.

Наиболее близка к развиваемому в настоящей работе пониманию ориентационной функции вообще и ориентационной функции философии, в особенности, точка зрения Э.Г. Юдина, который считает,

что объектом философии является не непосредственно то, что уже освоено в научном или нравственном сознании, не предмет, как он дан в специальной науке или в этике, а способ, каким дан этот предмет. Для философского анализа социальная действительность – это не просто человек и мир, а определенное отношение человека к миру, *способ ориентации*, способ осознания себя в мире... Она составляет тип ориентации, завоеванный наукой, и типы ориентации, завоеванные этикой, эстетикой, «практическим сознанием масс» и пр.

Связь философии с земными потребностями, с земной деятельностью людей хорошо выразил Б. Данэм, писавший, что «самым привлекательным в философии является то, что ее истоки уходят в народ. Я вижу в ней не только искусственную логику гения или (как это иногда бывает) пророческий ритм поэзии, но и туманные неопределенности, стремления, борьбу... по отношению ко всему этому знаменитые философские системы представляют лишь аранжировку; а знаменитые философы, сколь бы величественно внешне не выглядели и сколь бы не были они лишены темперамента, убеждают меня больше всего лишь в том обстоятельстве, что они – люди» [157, с. 12].

Философствуют, размышляют о мире, о своем месте в нем так или иначе все люди, но аранжируют, обобщают, приводят в порядок, создают фундаментальные, ориентирующие жизнедеятельность людей системы и механизмы философы-профессионалы. Данэм сознательно сопоставляет обыденно жизненную потребность любого человека («Мисс Никсон») «объяснить почему именно, и знать почему именно» с профессионалистским пониманием философии: «когда я пытался определить суть философии, я сказал, что это Ч Е Л О В Е К и Е Г О М Е С Т О в П Р И Р О Д Е, мне даже пришлось украсить это положение прописными буквами» [157, с. 42], ибо философия как раз и должна профессионально ответить: почему именно так, а не иначе?

Характеризуя гегелевскую систему, Данэм замечает, что с ее распространением в умах людей «в течение целой эпохи вселенная уютно размещалась в конечном человеческом разуме, создавая тем самым впечатление, что разум простирается до бесконечности» [157, с. 56]. Великолепное замечание! Но в этом-то и состоит главная ориентационная функция философии: мир упорядочен, мир понят, а значит, поняты место, роль и определенность человека в мире.

«Что же реально дает философия «мисс Никсон»?» – спрашивает Данэм и на примере фундаментальной гегелевской системы анализирует предполагаемый ответ. Но и вопрос, и предполагаемый ответ предваряется характеристикой жизненной ситуации, в которой они возникают. Эта характеристика включает в себя:

а) допущение, что изменение существует, что оно является одним из основных свойств мира;

б) допущение, что люди могут вмешиваться в мир окружающих вещей и их изменений, что они могут «управлять изменением»;

с) допущение, что люди как человеческие существа «обладают средствами управления изменением», что таким средством «совершенно очевидно является знание», что благодаря знанию «мы не шествуем по миру в полном неведении о том, что он содержит» [157, с. 43].

Кроме того, жизненная ситуация в общем случае такова, что, хотя мы и любим многообразие, являющееся следствием и причиной вечного изменения существующего, «мы также любим, чтобы оно оставалось неизменным». Стремление к безопасности, лежащее в основе всех человеческих желаний, согласно Данэму, «неизменно связывается с идеей о чем-то неизменном».

Изменения, затрагивающие основу бытия человека – безопасность, заставляют искать более подходящий способ ее обеспечения, нежели продвижение вперед с помощью прагматического метода проб и ошибок. «Когда наступает час великих решений, вы начинаете искать чего-то определенного, на чем бы эти решения могли основываться», – пишет Данэм [157, с. 47]. В жизни, однако, каждое решение для человека рискованно и каждое решение требует *определенности* в качестве основания действия. Коль скоро так, то все социальное пространство бытия человека в своей подвижности, изменчивости таит неизвестность, угрозу, опасность, а потому возникает необходимость «схватить», понять, предотвратить угрозу в целом. Но для этого нужно перейти из области конкретно-социальных проблем в область проблем метафизических, в область, где на помощь житейскому обыденному мышлению приходит мышление философское, теоретическое. Поскольку же диапазон переходных моментов между собственно социальной проблематикой и проблематикой метафизической достаточно широк, постольку в решении тех или иных конкретных вопросов бытия находят свою реализацию и политическое, и правовое, и иные формы сознания, но в любом случае весь

этот диапазон пронизан стержневой экзистенциальной линией – *поиском глубинных оснований жизнедеятельности*; поиском островков устойчивости (определенности) в решении актуальных проблем жизни, поиском «неизменных» всюду и на все времена *ориентиров* в решении вопроса о месте и смысле жизни человека в вечной и бесконечной перспективе существующего.

Характерно то для данэмовской интерпретации роли гегелевской философии в решении экзистенциальных проблем бытия человека, что в ней в центре внимания находятся категории изменения, качества, многообразия, пространства и времени. И хотя подлинные, неизменные сущности оказываются у Гегеля внеположенными пространственно-временным измерениям человеческого бытия, в целом гегелевская система успешно решает свою задачу: *на протяжении целой эпохи уютно размещает всю вселенную в человеческом разуме*. И каковы бы ни были недостатки этой системы, вскрываемые и критикуемые Данэмом, в функциональном отношении она превосходит все другие, давая абсолютную картину сущего, в которой все уже имеет свое место, свою определенность, и дело остается за немногим: овладев системой и методом, логически исчислить самого себя, свое место, определенность, смысл и судьбу «здесь и сейчас», завтра и навсегда.

Каким же образом ориентирует философия? *Она ориентирует путем вовлечения мыслящего субъекта в пространство своего видения, своего понимания действительности; в пространство бытия её категориальных смыслов и концептуальных конструкций, во-первых, и, во-вторых, путем честного «раскладывания» перед мыслящим субъектом всей совокупности фундаментальных проблем его природного, социального и духовного бытия, всей неоднозначности их видения и понимания, а вместе с тем всей неоднозначности видения и понимания мира в образах философских учений, противоречащих порою друг другу в их заслуживающих признания попытках выразить, по сути самой, объективную противоречивость находящегося в постоянном изменении мира.*

Эта способность вовлекать человека в свои проблемы независимо от его воли, желания и даже осознания является одной из особенностей философии, явным и неявным образом функционирующей в жизнедеятельности общества. В указанном философском «раскладе» мысль человека может, конечно, метаться, подобно броуновской ча-

стице, тем не менее, она с неизбежностью будет «дрейфовать» туда, куда направит ее компас, приводимый в действие не только умом, но и образованностью, и сердцем, – к истине.

В любой момент реальной жизнедеятельности человек, овладевший философским мировоззрением, обладает определенностью подхода к решению экзистенциальных проблем бытия соответственно усвоенной им системе философско-мировоззренческих ценностей, истин, идеалов и т.п., выступающих в качестве факторов философской его ориентации. Ибо на сравнительно небольших отрезках исторического времени, в рамках отдельных эпох философские воззрения, философские системы обладают достаточной определенностью, последовательностью, убедительностью и в этой связи обладают значительной силой воздействия влияния на умы людей, достаточной для побуждения их мыслить и действовать сообразно основополагающим идеям и учениям соответствующих философских систем.

Конкретное знание о том, как именно философские системы в различные времена влияли на отыскание человеком определенности своего образа мысли и действия, образа жизни вообще и как сказывались конкретные типы философского знания на деятельности, поступках отдельных «рядовых» или выдающихся людей, можно, конечно, выявить, проследив, проанализировав, исследовав материалы их биографий, но в целом эта работа еще впереди. И она столь же значима, сколь и трудна. Достаточно сослаться на проведенное Эрихом Фроммом выявление психоаналитических типов ориентированности человека.

В общей характеристике способа, каким философское знание ориентирует человека в мире, следует обратить внимание на четыре его разновидности: *прямое адекватное* ориентирование, *прямое неадекватное* ориентирование, *адекватное опосредованное* ориентирование, *неадекватное опосредованное* ориентирование. Эти разновидности связаны, но они не сводимы друг к другу.

Прямым адекватным способом философия ориентирует тогда, когда она адекватно выражает действительность в своих теоретических образах. Мировые явления, процессы и т.д. и т.п., обобщенные, систематизированные, адекватно выраженные философским знанием, *как бы сами воздействуют*, влияют на человека. Сознание человека «входит» в смысловое пространство теоретического фило-

софского видения и понимания действительности, овладевает соответствующим понятийным аппаратом. Последний становится фактором организации, структурирования, перестраивания сознания человека, обуславливания и формирования качества, характера, образа его мышления и деятельности адекватного действительности. При этом философия прямо и непосредственно воздействует на человека, задает определенность его представлений, знаний о мире и о себе, адекватную действительности.

Прямое неадекватное ориентирование имеет место тогда, когда действительность не находит своего адекватного выражения в философских обобщениях, образах, понятиях. Последние, воспринимаемые сознанием человека, при чтении соответствующей литературы подменяют собою действительность, формируют искаженное представление о мире, о человеке, его месте и смысле жизни и т.д.

Адекватное опосредованное ориентирование имеет место там, где адекватное действительности философское знание воздействует не непосредственно на сознание человека своими образами, понятиями, концепциями, установками и т.д. и т.п., задавая образ его мыслей и действия, но опосредованно, воздействуя своими идеями, принципами, фундаментальными положениями, видением решения главных проблем природного, социального и духовного бытия человека и т.п., прежде всего, на организацию процесса образования в обществе, в плане содержания последнего, нацеленности его на удовлетворение сущностных потребностей человека, на реализацию в нем общечеловеческих идеалов гражданственности, свободы, правовой защищенности, на формирование качеств творца и преобразователя действительности, хранителя общекультурных ценностей и т.д.

Та же направленность воздействия философии на человека может опосредоваться искусством, литературой, правом, моралью и т.п. Влияние посредника на процесс взаимодействия – общая проблема всех взаимодействующих систем. Даже в непосредственной физиологической ориентировке организм вынужден доверяться специфике функционирования органов зрения, обоняния, осязания, слуха. Прямой и опосредованный способы ориентации характерны не только для философии, но и для других форм общественного сознания – религии, искусства, науки и т.д., хотя и в разной для каждой из форм степени.

Как бы то ни было, но вопрос об адекватности философских идей, понятий, категорий действительности здесь является принципиаль-

ным. Примечательны в этом отношении мысли Э. Дюркгейма о происхождении понятий и их влиянии на мышление [158]. Анализируя происхождение основных понятий, Э. Дюркгейм обращает внимание на обусловленность мышления рядом исходных категорий вообще, категориями времени и пространства, в частности. Эти понятия, согласно Дюркгейму, «управляют всей нашей умственной жизнью» и они «соответствуют наиболее всеобщим свойствам вещей». Понятия времени, пространства, рода, числа, причины, сублимации, личности и т.д., по Дюркгейму, являются как бы основными рамками, заключающими в себе мысль. Последняя может освободиться от них, только разрушив саму себя, хотя понятия эти «изменялись в зависимости от времени и места», в конечном счете, от деятельности людей. Акцентируя внимание на социальной природе категорий, Дюркгейм подчеркивает их объективную ценность, считает, что социальное происхождение категорий «скорее ручается за то, что они имеют корни в самой природе вещей» [158, с. 221].

Любое философское учение с неизбежностью несет в себе элементы догматизма, ибо, не приняв определенных философских положений, невозможно разработать, создать более или менее целостное учение. Принять же определенные философские положения за основу, а затем синтезировать из них по «правилам» объективной и субъективной логики целостное учение, содержащее с необходимостью ответы на мировоззренческие вопросы бытия: что Я?, зачем Я? и т.д. — значит реализовать на деле ориентирующую функцию философии, использовать философию как механизм ориентации человека в окружающем мире.

Не имеет в этом смысле принципиального значения, берутся ли в качестве такого рода положений философские категории, философские принципы или философские концепции. Их соотносительность, взаимодействие, связь в рамках системного целого имеет результатом фиксирование системных свойств, в данном случае ориентационных свойств в определенности философского знания, базирующегося на данных категориях (принципах, концепциях).

Выбранные исходные положения (понятия, принципы и т.д.), построенный на их основе логический механизм удовлетворения ориентационной потребности человека в высшей форме ее проявления как интеллектуальной потребности определить себя, свое место, смысл бытия несомненно ограничивают свободу мышления, ибо

оно должно соотнобразовываться с ними. Но именно это ограничение и это соотнобразование мышления с системой положений, принципов, концепций, составляющих основу и входящих в содержание философского учения, делает мышление человека философски соотнобразованным, философски ориентированным, философски определенным. Такого рода ограничение свободы мышления через выбор системы философских идей, принципов, концепций и т.д. идет на пользу мышлению, ибо главное здесь не свобода ради свободы, а свобода, приводящая к объективно истинному результату, удовлетворяющему глубинные, сущностные потребности интеллекта в постижении мира и самого себя.

Нельзя не оговорить то обстоятельство, что каждый тип философии, будь то материализм или идеализм, феноменология или экзистенциализм, позитивизм или постмодернизм и т.д., имеет, несет в себе «специфический тип мыслительной ориентации». Так, говоря о докантовской философии, Э. Гуссерль основной чертой, присущей данной философии мыслительной ориентации, называет уверенность в существовании внешнего мира, который и признается основным объектом философского и научного познания. В то время как философия Канта, согласно Гуссерлю, имеет прямо противоположную и совершенно новую «мыслительную ориентацию»: все познавательные процессы суть субъективные процессы. Характерная для каждого типа философии мыслительная ориентация определяет строй мышления тех, для кого соответствующая философия стала доминирующей в сознании. Уже с самого зарождения прагматизм, например, стремился не только научно обосновать практическое значение теоретического знания, но и разработать соответствующий инструментарий для ориентации человека в реальной жизни.

По возможности мы старались подчеркнуть, что, находясь в мире объективных ориентационных зависимостей, человек в ходе своего развития выработал множество достаточно эффективных механизмов ориентации. Они применяются соответственно уровню развития потребностей интеллекта человека. Сознательно упрощая чрезвычайно сложную систему (механизм) целостной ориентации, сознавая, что определенные структуры, элементы этого механизма вообще находятся за пределами их осознания в ориентационной ситуации, человек «вписывает», осмысливает жизненные коллизии

через призму сложившихся к данному моменту стереотипов, догм мышления: научных, религиозных, нравственных, эстетических и т.д. Именно они в конечном счете выступают последними, действительными агентами ориентации образа мысли и действия личности. Но действуют они коррелируемо со стороны подсознательных факторов ориентировки жизнедеятельности, формирующихся в ходе жизни человека на уровне функционирования его физиологических и психических структур.

Уровень сознательной ориентации есть лишь один из уровней ориентационной деятельности человека. Именно на этом уровне заявляют о себе философские и парафилософские механизмы ориентации. И история философии, и философия науки предстают перед исследующим их мышлением как противоборство, противопоставление, синтез или замена в них способов «взятия», постижения предмета, принадлежащего в общем случае уже не той или иной науке, а реальности, сущему как таковому.

Именно в этом состоит действительная природа конкурирующих друг с другом философско-методологических концепций. При ближайшем же рассмотрении они выступают в качестве специфических способов ориентации, отличающихся друг от друга заданием исходных постулатов, ценностей, идеалов (систем отсчета, координат) и характером допустимых действий (правила, принципы, законы) образующих в конечном счете специфическое поле обозрения действительности, пространство ее осмысления.

Именно потому, что никто не может гарантировать, что нечто заранее определенное произойдет «здесь и сейчас», именно поэтому «здесь и сейчас» представляют определенность случая. Способ, каким представлен случай, есть пространственно-временное взаимодействие обстоятельств. Ориентационные механизмы жизнедеятельности выработаны и вырабатываются под влиянием потребности человека брать действительность такой, какой она является в виде случая; они служат для актуального превращения обстоятельств случая в определенность действительности, которая может быть основанием и содержать в себе ответ относительно образа действия в данный, соответственный случаю момент.

Случай порождает определенность бытия. Ведь изменчивость, в которую погружен человек, включает любые проявления стохастичности и неопределенности. Это объективная реальность нашего

мира. Стохастичность соседствует с детерминистскими законами. Одни и те же факторы изменчивости стимулируют, создают и разрушают. В основе всего этого лежит самоорганизация материи (синергетика) [41, с. 99]. Незнание же в скрытом виде содержит в себе всю объективную метафизику.

Вот почему в качестве определенности служит то, что синтезируется в рамках включенности человека, субъекта ориентации в контекст случившегося, вбирающий в себя и изменчивость, и неизвестность. При этом процедура включенности, вписания и т.д. специфична тем, что случай берется либо в качестве исчерпывающей ориентационную ситуацию события (случившееся ошеломляет, поглощает, повелевает), либо в качестве составляющего элемент ориентационной ситуации, которая, содержа случай в себе, является неопределенной, но эта неопределенность может быть соразмерна случаю, а не ориентационной ситуации в целом. Так что ориентационная ситуация, содержа в себе случай как элемент, может сама придать последнему ориентационную определенность, ведь она выступает контекстом, в который вписывается случай как неизвестное, неопределенное.

Ориентационное мышление, использующее благоприобретенный им прямо или опосредованно понятийный и категориальный аппарат, в повседневной практике являет себя ежедневно, ежечасно. Едва ли не ежеминутно человек осмысливает определенность его бытия изменчивого и непостоянного в изменчивом и непостоянном мире. Эта перманентная ориентационная ситуация столь же коренится в самом человеке, сколь и в действительности, вне которой она так же лишена смысла, как и вне человека. Так что, ориентируясь в мире, человек ищет себя, в то же время, утверждаясь в своей определенности, человек делает определенным относительно него окружающий мир. В этом смысле, с позиций решения проблемы ориентации, вполне приемлема мысль К. Маркса о том, что в будущем все науки сольются в единую науку – науку о человеке.

Однако в отношении самой философии, в связи с происходящими в ней изменениями, с изменением отношения к её содержанию и функциям сегодня возникают не простые вопросы, уходящие своими основаниями в предшествующие времена. Великий немецкий философ Иммануил Кант, по признанию В.Н. Кузнецова, был одним из тех философов периода Просвещения, которые хорошо сознавали

значение своих радикальных новаций в философской мысли. Кант полагал, что, преодолевая господствующую в Германии лейбницевольфианскую «метафизику», он совершает «коперниканскую революцию» во всей предшествующей философии.

Не в меньшей мере оценивали смысл и значение своих идей для философии И. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах и др. Фихте был убежден, что его философское «наукоучение» равнозначно значению Великой французской революции для социально-политической истории человечества. Как отмечает В.Н. Кузнецов, «согласно Гегелю, в созданной им системе «абсолютного идеализма» человеческая мысль впервые навсегда обрела абсолютную истину». По мнению Фейербаха, воздвигаемая им «антропология», революционно «перевортывающая» гегелизм, означает в то же время глобальный конец философии в прежнем её понимании» [159, с. 9–10].

Приведенные оценки немецкими мыслителями отношения разрабатываемых ими философских систем к ранее существовавшим и существующим свидетельствуют не только о глубоком осознании ими динамики, подвижности, изменчивости содержания и направленности философской мысли вообще, но и об осознании ими проблемы предметного самоопределения философии как особой сферы знания, свидетельствуют об осознании ими проблемы, которая будет неоднократно возникать позже и возникает ныне.

Об этом красноречиво свидетельствует высказывание немецкого мыслителя XIX века Ф. Шлегеля о том, что не существует еще одной-единственной философии, не существует еще и одного-единственного философского языка, но каждая философия имеет собственный [160, с. 88]. Стоит также напомнить о позиции радикальной неприемлемости всей предшествующей «метафизической» философии, характерной для позитивизма, утверждающего науку в качестве подлинного предмета философской мысли для себя, и резервирующего в XVIII–XIX столетии науку в качестве единственно истинного предмета для философии вообще. Со специфических, а точнее, идеологических позиций, в бывшем социалистическом лагере в качестве единственно истинной принималась марксистская трактовка предмета и метода философии, при этом всякая иная философия отвергалась как ненаучная.

В свое время вопрос о динамике развития философии, ее предмета и функций от зарождения философии до наших дней рассматривался

нами в ряде публикаций [27, 161]. В этих работах проводилась мысль о возможности проследить определённую закономерность в изменении предмета философии и способа философствования, связанную с изменением, сменой мировоззренческих констант (идея о мировоззренческих константах принадлежит С.Д. Шашу).

Авторами, в частности, отмечалось, что в истории философской мысли можно выделить периоды подъема и периоды спада интереса философов к тем или иным, ранее составлявшим предмет их пристальнейшего внимания аспектам действительности. В такие периоды философское мышление как бы теряло само себя. Множество различных школ, направлений, течений в философии в таких случаях свидетельствовало не столько о росте, богатстве идей, сколько о растерянности, о невозможности адекватно выразить актуальную, включающую в себя самого субъекта познания (философа) действительность.

Эта невозможность обуславливалась не только кардинальным изменением условий жизни людей, на что указывают обычно те исторические философии, которые жестко детерминируют развитие духовной жизни общественно-экономическими или, в более широком плане, социокультурными факторами (условиями), но и исчерпанием потенциала, применяемого в конкретный исторический период способа философствования, которые имеют гносеологическую и онтологическую составляющие. В такие периоды происходит «исчерпание гносеологических полей», а именно исчерпание питавшей ранее философский поиск проблематики – онтологической, логической, социальной и т.д., в ее формах, соответствующих определенным для данного периода мировоззренческим константам.

Заметим, что возникновение новых гносеологических полей, новой проблематики познания, влекущей становление нового предмета и способа философствования, нередко трактуется как разрушение прежней философии, прежней, ранее господствующей философской системы. Фихте, например, писал, что какую кто философию выберет, зависит от того, какой кто человек... Философом, если идеализм должен оказаться единственной истинной философией, нужно родиться, нужно быть к тому воспитанным и самого себя воспитать [162, с. 424].

Оставаясь на указанных выше позициях в понимании направленности и характера изменения предмета философии, а также способа философствования в целом, нельзя, в частности, не обратить вни-

мания и не оценить соответствующим образом наблюдаемую в последние постперестроечные годы тенденцию в функционировании философской мысли. Суть последней можно было бы определить как дисперсию предмета философии на социокультурном пространстве жизнедеятельности современного человека, широко простирающемся в самых различных измерениях: биологическом, экономическом, нравственном, экологическом, правовом, политическом, религиозном, психическом, семиологическом и т.д. и т.п.

Указанная дисперсия предмета философии, подтверждая, что развитие философской мысли в наши дни отнюдь не сняло проблемы существования одной философии с одним предметом или многих философий с их собственными предметами, связана, на наш взгляд, с тем, что универсализм, присущий изначально философии и ведущий к постоянному расширению ее проблемного поля, имплицитно содержит возможность противопоставления, конкуренции «кристаллизующихся», вырастающих на решении отдельных философских проблем систем философского знания, претендующих на самостоятельность, на обладание собственным предметом исследования, претендующих порою не только на статус быть скромным философским осмыслением проблемы, явления, процесса и т.д., но быть, в конечном счете, истинной, последней философией вообще, быть воплощенной воочию мудростью человека.

Возникает вполне правомерный вопрос: не утрачивается ли в условиях такого рода дисперсии предмета философии ее функциональный статус как формы мировоззрения? Ведь мировоззренческая, ориентационная, методологическая и иные функции присущи философии и эффективны в их практической реализации лишь в условиях системной структурированности, организованности философского знания как единого целого, как одной философии, что в действительности не наблюдается. В действительности наблюдается стремление философов выйти в такие предметные области, в свете изучения которых предшествующее философское знание меркло бы как устаревшее и отжившее.

Появление множества философий имеет и вполне понятные причины, являясь во многом следствием дифференциации научного знания, в условиях которой философия выступает специфическим способом легитимации интереса исследовательской мысли к социокультурным феноменам, так или иначе проявившим себя в общественной практике

и неявно, но все же достаточно ощутимо означивших свою претензию на включение их в арсенал познавательной деятельности в качестве необходимых средств, оснований, предпосылок и т.д. движения мысли к новому знанию о мире, природе, обществе, человеке.

В науке подобная ситуация ничуть не ведет к разрушению ее целостности, поскольку функции и критерии науки, понятие которой является, как известно, несобирательным, распространяются без каких бы то ни было изъятий на любую отрасль научного знания: физика столь же наука, сколь наукой являются математика, биология, геология, химия, социология и т.д.

Еще Рене Декарт утверждал, что научное знание должно быть построено как единая система, в то время как до него оно было лишь собиранием отдельных истин. В отношении философии этого не скажешь. Тогда как наука стремится стать единой системой знания, строящейся на единых основаниях (достаточно указать здесь на непрекращающиеся попытки физиков построить единую теорию физического знания, а также на имевшую место в сравнительно недавнем прошлом попытку математиков свести всё математическое знание к логике) в самой специфике философского знания содержится нечто, заставляющее её противоречиво стремиться к тому, чтобы быть одновременно единым, целостным и в то же время активно независимым от единого, быть отдельным. Принадлежать единой философии и в то же время своим отдельным, оторванным от единого, целостного бытия философии бытием стремиться исчерпать всю философию.

Дело не в том, какая из противоположных тенденций истинна. Дело в том, что, взаимообуславливая друг друга, каждая из них в определенный момент времени может возабладать над другой, порождая свою, ею инициируемую интенцию к изменениям определенной направленности

Так, во-первых, на наш взгляд, расширение области определения предметной деятельности философии можно трактовать сегодня как своеобразное признание роли философского мышления в исследовании проблем и явлений, относительно которых не может быть применен пока ныне существующий арсенал научных средств познания. Вместе с тем нельзя исключать того, что именно в силу определенного отличия философии и науки как форм общественного сознания, парадигмальный феномен, выражающийся в том, что отдельные про-

блемы, представляющие особый интерес для философов, способны стать главным структурирующим элементом всей системы философского знания, сможет оказаться решающим для изменения предмета философии в целом.

Во-вторых, в различных своих проявлениях, будучи применённой к самым необычным сферам, сторонам действительности, философия не обязана утрачивать её атрибутивные качества и, прежде всего, качества быть метазнанием, быть знанием о знании, реализующим сущностную интенцию: познать в единичном общее и всеобщее, вывести единичное из общего; будь этим единичным, или, иначе, будь этим предметом философского осмысления язык, понимание, текст, жизнь, ризома, свобода, воля, элемент, монада, роза, безопасность, и т.д.

В-третьих, в поисках определенности, отвечающей потребностям и вызовам современного этапа развития мирового сообщества, которое становится все более коммуникативным, мобильным в обмене, переработке и наращивании информации, философия вынуждена лавировать между необоснованно навязываемыми ей стереотипами: быть средоточием абсолютной мудрости, последним её оплотом, авторитетом и одним из унаследованных от предыдущих поколений предубеждений мышления, девальвирующим тем быстрее и основательнее, чем неординарнее и претенциознее будут попытки философов найти новую парадигму предмета философии.

В-четвертых, дело здесь, конечно, не только в стремлении философов найти оригинальный ракурс видения и исследования действительности, что само по себе и оправданно и необходимо. Ибо, как писал В.В. Зеньковский, в строгом смысле оригинальность как полная новизна идей до такой степени редка, что если бы в сферу изучения попадали лишь оригинальные построения в строгом смысле слова, то не нашлось бы и десятка параграфов в изложении истории философии [163, с. 19]. Дело, на наш взгляд, в том именно, что представление о хаосе, рождающем порядок, столь значимо вошедшее в философское мышление во второй половине XX века, не является исчерпывающим. Не менее гносеологически и методологически важным является иное представление: хаос не рождает порядок, или порядок не рождается из хаоса, как и не рождает хаос, поскольку порядок столь же всегда наличествует в хаосе, сколь всегда хаос присутствует в порядке.

Сказанное можно пояснить следующим образом. Процессы, отношения, комбинации, корреляции, когеренции и т.д. и т.п. бесконечного многообразия бесчисленного же множества элементов, составляющих универсальное бытие, являют собой действительное и возможное наложение, пересечение, взаимодействие закономерностей, необходимостей разного рода (линейных и нелинейных, далекодействующих и близкодействующих, повсеместных и локальных, долговременных и мгновенных, сильных и слабых, прерывных и непрерывных и т.д.) здесь и сейчас, точно так же, как всюду и всегда.

Мысль человека не в состоянии «схватить» всю картину в ее целостности, полноте («видеть всё – значит не видеть ничего»), конкретности. Наше видение действительности и её осмысление избирательны, и потому мы видим всё либо в крайностях (или мир есть логос, порядок, или мир есть хаос, неопределенность, беспорядок), либо в абстрактной диалектике перехода, преобразования, превращения одного в другое: хаоса вообще в порядок вообще и, наоборот, порядка вообще в хаос вообще.

Внедренность исторически развивающегося философского сознания в универсальное Бытие позволяет, тем не менее, ему не только *задуматься*, но и *додуматься* до того, что не дано сознанию в явном виде, что лишь промышливается им в виде отдельных закономерностей и случайностей наличного бытия. В стремлении выйти к целостному, интегральному знанию о мире человек посредством философского мышления «пробует, испытывает различные точки зрения» на мир, пытается увидеть целостность объекта (Бытия) через посредство его предметной единичной явленности. Выстраивая при этом с предметных различных точек зрения все новые и новые концепции (философии) действительности, философия, в конечном счете, устремлена к отысканию, построению такой теоретической модели, которая бы в противопоставление лейбницевскому признанию действительного мира в качестве наилучшего из возможных представила бы наилучший из действительно возможных миров. Не будет большим преувеличением сказать, что особенностью человеческого бытия, укорененного в мире вещиности, телесности является то, что это «метафизическое» в своей интенции бытие – бытие придуманное, продумываемое по сей день. М. Хайдеггер писал о метафизике, связанной с выходом за пределы сущего, связанной с вопрошанием поверх сущего. Земная метафизика как образ социаль-

ного бытия конструируется посредством и в идеальных формах философского, религиозно-нравственного, религиозно-политического, морально-политического мышления. Это всегда искомое философской мыслью метафизическое бытие служило и служит мерой конкретному бытию и деяниям конкретного человека. Через призму этой метафизики осмысливается действительная физическая, биологическая, социальная жизнь. Для этого человек и изрекает мысль, для этого он «должен изрекать мысль» (Бердяев), творить философию, религию, политику, мораль, искусство. Ибо только в них он творит себя как подлинного человека: основу и цель жизнедеятельности. Степень согласования социального бытия с метафизическими образами, моделями, идеалами – это и есть степень достоверности, истинности, совершенности социального бытия и совершенности самого человека.

Для того чтобы перевернуть мир, Лапласу нужна была одна точка опоры. Философия, чтобы усмотреть в хаосе бытия действительно возможный наилучший порядок, вынуждена стремиться увидеть мир с самых необычных точек зрения, идя по пути бесконечного умножения предмета своего непосредственного внимания. Вряд ли будет ошибочным в связи с этим утверждение, что философский разум, апробирующий всякий раз новое, подходящее к тому основание (предмет философского мышления) может додуматься до сколь угодно совершенного порядка вещей, вполне практически реализуемого именно потому, что существует бесчисленное множество возможных, допустимых бытием, но не раскрытых еще разумом порядков.

В движении к этой цели разум рождает, рождает и будет рождать новые философские ориентации (философии) со своими, соответствующими им предметами и способами философствования как необходимыми средствами мировоззренческой ориентации человека в универсуме здесь и сейчас, всегда и всюду.

Философское мышление по существу есть наивысший способ решения человеком его проблем, быть может, наиболее общих, но оттого не менее важных. Вот почему, с горечью констатируя в свое время удаление философии от ее изначального назначения, А. Швейцер писал, что такая удаляющаяся от личности и масс философия «не отдавала себе отчета в том, что ценность любой философии в конечном счете измеряется ее способностью превратиться в живую популярную философию» [164, с. 38], и весьма несложно найти точки

соприкосновения данного высказывания А. Швейцера с другим важным его высказыванием: «для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования» [164 с. 82]. Нетрудно сделать и вытекающие выводы о практической необходимости и значимости теоретического мировоззрения, каковым является философия, во-первых, и о значимости тех областей прикладной деятельности человека, которые позволяют приложить философскую теорию к практической жизни, во-вторых.

Отсюда одним из главных выводов является следующий: трансформационный период общественного развития вплотную придвинул философское мышление к осознанию ориентационного характера ситуаций, складывающихся во всех сферах общественной жизни, поставил вопрос об анализе механизмов ориентации людей в быстро меняющейся экономической, социально-политической, духовной обстановке, выдвинул как одну из важнейших задач образовательной и воспитательной деятельности в обществе задачу развития у людей умений понимать, различать и адекватно использовать в сложной, противоречивой, динамичной социальной действительности различные механизмы ориентации. В этих условиях особо значима роль философии в формировании *общей ориентационной основы* жизнедеятельности человека как результата интегральной рефлексии над онтологическими, гносеологическими, социальными и иными проявлениями ориентационной деятельности и ориентационного подхода. Последняя включает в себя среди других следующие базисные ориентации [165]:

Ориентации на «Дух времени», выраженный в синтезе, в схождении в человеческом познании, деятельности и практике законов природы и общества, законов экономики, права, морали и религии.

Ориентации на «Вневременную мудрость веков», постигнутую народами за всю историю их возрастания, аккумулировавшую их жизненный опыт, бережно пронесенную ими через все времена как опорный пункт знаний, необходимый для успешной практической деятельности.

Ориентации на швейцеровский императив «Благоговения перед жизнью», концентрирующий в себе знания о развитии мира и входящих в него подсистем, о жизни как динамической системе, едином потоке гармонизирующих и дисгармонизирующих влияний.

Ориентации на «Профессионализм специалиста» в конкретных областях, опосредованный знанием свойств и качеств больших систем, умением согласовывать их цели со своими целями, освоением закономерностей материального мира и мира идеального, включая виртуальную реальность.

Ориентации на необходимую «Ответственность за принятые решения и поступки», за деятельность, опосредованную объективной сопричастностью человека всему, что окружает и происходит вокруг него.

Не исчерпывая всех детерминант, обуславливающих активность и направленность жизнедеятельности человека, выдвинутые ориентации, интериоризированные сознанием субъекта социальной практики при непосредственном участии институтов образования, науки, культуры и т.п., способны, на наш взгляд, формировать глубинные интенции общественного развития, адекватные требованиям современного мира.

Итоговым для понимания существа ориентационной функции философии является положение: ориентационная функция философии заключается в вооружении человека знанием тех фундаментальных идей, на которые не может не опираться его жизнедеятельность в условиях постоянной изменчивости и относительной устойчивости явлений окружающего мира. К ним сегодня относятся идеи глобализации, экологизации, синергетизма, ноосферизации, свободы, демократии, социальной защищенности, духовной гармонии; философские идеи диалектического мышления, обладающие неустаревающим потенциалом методологической, гносеологической, мировоззренческой ориентации человека в мире [166]. С этой точки зрения, философия – это высшее средство разумной ориентации человека в мире, синтезирующее в себе мировоззренческое и методологическое знание.

4.3.3 Ориентационная функция языка

Категории, общие понятия, даже специальные термины образуют систему факторов, обладающую в числе прочих системных свойств свойством ориентировать мыслительный процесс, результат мыслительной деятельности.

Примечательна в плане рассмотрения механизмов ориентации трактовка роли понятий в мыслительном процессе, которую отнюдь

не случайно дает Г.И. Малыгина в учебнике по логике. Отвечая на вопросы: какова роль понятия в мышлении и может ли понятие быть истинным или ложным, она пишет: «Понятие не имеет истинностного значения, т.е. оно не является ни истинным, ни ложным. Однако это не умаляет его значения в практике мышления. Образно говоря, *понятие является способом интеллектуальной ориентации в пространстве* (Курсив – В.К.). Кодирруя предметы внешнего мира через их существенные признаки, понятия создают в сознании человека мысленную, идеальную модель мира, благодаря которой мы отличаем один предмет от другого. Благодаря этому мы находим нужный учебный корпус и нужную аудиторию, отличаем лекцию от семинара, один учебный предмет или специальность от другого и т.д. Четкое знание смысла понятий указывает на логическое качество мышления, ибо понятие – это та клеточка, из которой образуется вся сложная ткань мыслительного процесса» [167, с. 29]. Понятие, добавим мы, та клеточка, тот фундамент, которым определяется не только содержание, но и прочность всех конструкций нашего сознания, их внутреннее и внешнее выражение, их практическое значение и смысл существования.

Достаточно привести здесь операционалистское толкование природы и назначения понятия, чтобы осознать всю неординарность функционирования понятия в качестве формы знания и в качестве формы мышления. Основная идея операционализма (Бриджмен, Кэмпбел) есть идея, согласно которой каждое понятие определяется через совокупность операций, используемых при его употреблении и проверке. Такое понимание природы понятий оказалось весьма плодотворным для целей не только гносеологических (для понимания процесса познания), но, что особо важно, для целей сугубо практических в области физического, логического, психологического исследования.

В этой концепции первоначальные операции, лежащие в основаниях понятия, непременно должны были быть операциями измерения, т.е. инструментальными действиями, что как бы максимально сближало физическую измеряемую действительность с ее понятийным выражением.

С точки зрения операционализма, значение любого понятия можно определить, лишь исследовав ряд операций, которые совершаются в процессе применения этого понятия или при определении ис-

тинности высказывания, компонентом которого является понятие. Сами операции при этом понимаются как «ориентированные действия» ученого. Если понятие оказывается невозможно определить операционально, то такое понятие должно быть признано ложным либо невозможным. Сама реальность, познаваемые объекты выступают в виде результата конструктивных действий (операций) исследователя.

В работах Бриджмена особый акцент делался на прагматической ценности понятий. Отвечая на вопрос о том, каким образом мы знаем, что столы, облака, звезды существуют, Бриджмен подчеркивал, что эти вещи существуют только потому, что соответствующие им понятия успешно работают в нашем опыте. Понятия являются изобретаемыми исследователем приспособлениями, которые в случае их эффективности используются мышлением исследователя. С этой точки зрения, само существование – это термин, предполагающий эффективность такого рода приспособлений.

В основе операционализма лежит необходимость при определении понятий выявлять все отдельные физические операции. Но, строго говоря, каждая операция неповторима, так как она осуществляется данным единичным индивидом в данное время и в данном месте. Из этого следует, что операциональные определения понятий нельзя осуществить очень строго: любая вторая операция, сколь бы она не была подобна первой, должна быть другой операцией. Коль скоро это так, то в силу неповторимости, единственности любой операции само понятие становится единичным по способу своего определения и лишается познавательной ценности, ибо лишается своего основного качества – выражать общее в различных ситуациях.

Гносеологические затруднения, возникающие при абсолютизации операционалистского понимания природы и функционирования понятия, в реальной практике современного научного познания устраняются использованием так называемых «открытых понятий», значение которых относительно экспериментальных ситуаций не определено полностью. Операциональные же определения характеризуют закрытые понятия, так как они фиксируют значение понятий лишь для некоторых определенных условий [168]. В операционалистской трактовке понятия, на наш взгляд, специфично в крайней форме выражается способность человека к индивидуальной понятийно-созидательной деятельности, к деятельности по само-

стоятельному формированию понятий на основе индивидуального жизненного опыта, включающего в себя как психологические, так и логические компоненты. В этом плане понятия, образуемые индивидом на основе его индивидуального опыта, являются своего рода прообразом эмпирических понятий, образуемых субъектом научного познания на основе коллективного опыта.

Ориентируют все – дома, вещи, природные явления, слова, тексты, события, факты и т. д. Ибо в их множестве – реальном или виртуальном – находится человек, взаимодействуя, соотносясь, взаимообуславливаясь с ними в своем бытии. Но видеть все – значит не видеть ничего. Потому среди самых различных механизмов, в действительности осуществляющих ориентацию человека в мире, долговременную или кратковременную, мировоззренческую или локально-ситуативную и др., разумно выделить наиболее себя проявившие, нашедшие наиболее четкое отражение, фиксацию в теоретическом и практическом сознании. Так, например, правовое, идеологическое и политическое сознания – признанные средства, способы, механизмы ориентации человека в социально-политической действительности. Они ориентируют своими законами, нормами, принципами, понятиями, лозунгами, стандартами, идеалами, ценностями и т. д., заставляя, привлекая к ним внимание, способствуя *созданию* сознания индивида, личности с этими нормами, понятиями, стандартами, идеалами и т. п., доносимыми до сознания образной ли речью общественных деятелей, юристов, политологов, журналистов или внутренней речью размышляющего разума, *выстраивающими сознание индивида* сообразно, соответственно им, *по отношению к ним*. Ориентация личности формируется посредством придания образу её мышления и деятельности определенности необходимой, значимой, ценной в данных исторических условиях.

В мифологическом сознании явления природы образовывали символический мир, полный содержания и жизненности. В научном, философском мышлении *на место* явлений природы встают соответствующие, заменяющие действительность, *замещающие (заместо, вместо)* ее знаки, символы – слова, понятия, категории. Как отмечал Э. Дюркгейм, нет слов в употребляемом нами словаре, смысл которых не простирался бы более менее далеко за пределы нашего опыта. Часто термины выражают вещи, которые мы никогда не воспринимали, опыты, которые мы никогда не проводили или свидете-

лями которых мы никогда не были. Даже тогда, когда мы знакомы с некоторыми из объектов, к которым термин относится, эти объекты являются лишь отдельными экземплярами, иллюстрирующими идею, но сами по себе никогда не могли бы быть достаточной причиной ее возникновения. «Язык, – делает вывод Э. Дюркгейм, – заключает в себе более чем индивидуальное сознание. Это целая наука, в выработке которой я не участвовал и которую едва ли в состоянии вполне себе усвоить. Кто из нас знает все слова языка, на котором он говорит и всевозможные значения каждого слова?» [158, с. 225].

Кантовские априорные формы чувственного созерцания – пространство и время – есть, в этом плане, своеобразное выражение Кантом представления о реализации мыслящим разумом его (разума) потребности ориентации в массиве слов, понятийных образов, конструкций, составляющих содержание разума с тем и для того, чтобы мыслящее «Я» не растворялось в мыслимом, ведь главный инструмент и субъект разума – мысль, как и главный его объект – материал, с которым он работает. Знание не обладает само по себе пространственно-временными характеристиками, так что упорядочение мысли в массиве знания просто невозможно без привлечения чувства времени и пространства. Только опосредуя чувственными априорными формами познающую, ищущую определенность своего выражения мысль, только размещая её в пространстве и времени как внутренне присущих субъекту, а не заданных ему извне формах, можно должным образом установить, найти определенность мысли.

Определенность понятия, идеи, мысли, определенность выражающих их слов, а вместе с тем истинность как специфический сертификат их социальной или научной ценности находятся, хотим мы этого или нет, в зависимости от языкового выражения, ибо язык, будучи многозначен, контекстуален и т.д., может сказать больше, меньше или ровно столько, сколько было сказано в действительности. Слова, как и мифологизированные явления природного мира, обладают «энергично-построяющей» функцией (А. Лосев), и если сущность человека проявляется в его обязанности «изрекать мысль» (Н. Бердяев), то сколь же внимателен он должен быть к тому пространству и времени бытия слова, в котором находится и ищет способ своего адекватного выражения мысль, ведь она *ориентируется* или *дезориентируется языком* [169].

Достаточно полистать, порою, толковый или иной словарь, чтобы убедиться в исходящей от него силе. Эта сила – признак и свидетельство мощного ориентационного потенциала, который содержится в словарях, представляющих, несмотря на их специфическую организацию, систематизированность и т.д., непредсказуемую в сочетаемости отдельных элементов совокупность факторов ориентации человека в действительном мире, а вместе с тем возможность обретения непредсказуемых ориентаций мыслящего разума в пространстве виртуального функционирования слов и словесных выражений.

В то же время именно здесь во многом следует усматривать «корни», основания ориентирующих свойств, которые проявляют философские понятия (категории, универсалии культуры) и которые привлекали внимание исследователей во времена их повышенного интереса к методологии научного познания. В некоторых источниках дается весьма отчетливая характеристика того, как именно категории философии, взятые в форме соответствующих принципов, ориентируют мысль исследователя. В данном случае мы ограничимся одним примером. Речь идет об ориентирующей функции категорий диалектики.

Соглашаясь с тем, что диалектика, изучая всеобщие формы бытия, всеобщие законы развития объективной действительности и познания выполняет методологическую функцию, следует согласиться и с тем, что реализация этой функции заключается в формулировании на основе категорий и законов диалектики требований, «призванных ориентировать людей в их познавательной и предметно-преобразующей деятельности». Собственно ориентация деятельности заключается в её выстраивании, в её направлении, осуществлении в полном и строгом соответствии с требованиями, вытекающими из самой сущности категорий и законов.

Иными словами, определенность мысли и действия задается характером определенности категорий и законов диалектики. Требования ориентируют непосредственно, но в действительности определенность образа мысли и действия как результат процесса ориентации является выражением ориентационных «энергично-построяющих» свойств категорий и законов диалектики. Раскрывая существо дела применительно к категориям единичное и общее, случайное и необходимое, сущность и явление, А.П. Шептулин в свое время отмечал, что хотя пассивное отражение объекта дает

целостное представление о нем, но в нем не улавливается связь и взаимозависимость между фиксируемыми сторонами, свойствами; единичное и общее, случайное и необходимое даны здесь в единстве, слитно; сущность хотя и отражается, но отражается в искаженном виде, выступает в виде «кажимости». «Такое знание объекта, – делает вывод Шептулин, – не может ориентировать человека в его практической, предметно-преобразующей деятельности. Для ориентации в окружающей действительности, для эффективного воздействия на мир, его целенаправленного изменения человеку нужно знание общего, повторяющегося у множества аналогичных предметов или явлений, нужно знание необходимого, неизбежно наступающего при соответствующих условиях, наконец, нужно знание законов, которым подчиняется функционирование и развитие объекта, его сущности» [170, с. 102]. Именно такое категориальное знание формирует и предлагает в качестве средства гносеологической, методологической, социальной, экзистенциальной, прагматической и т.д. ориентации философия.

В силу сложности и неоднозначности концепций, существующих в области проблематики значений, смыслов, игры слов и понятий, проблематики, идущей еще от Ф. Бэкона и далее через Л. Витгенштейна к Ф. де Соссюру и т.д. к структурализму, постструктурализму и постмодернизму, мы сознательно не вторгаемся в современную философию языка, где все разнообразие культурных феноменов рассматривается через призму языка как формообразующего принципа. Отдавая отчет в том, что именно в этой области могли бы быть обнаружены важные для понимания ориентирующей функции языка решения, полагаем, что это могло бы стать предметом отдельного специального исследования.

4.3.4 Ориентационная парадигма педагогической деятельности

Еще Г. Шпет обращал внимание на движение мысли Гегеля к философии как к спекулятивно-диалектической системе наук, охватывающей всю совокупность подлинно «реального» знания. Действительно, философия способна схватить всю совокупность знания, которая может быть систематизирована также наукой, образованием, педагогикой. И потому далеко не случайно знание как результат целокупной познавательной деятельности людей находится в центре внимания и

философии, и науки, и образования, и педагогики. В этом качестве оно в них сообразно особенностям каждой из названных областей анализируется, систематизируется, обобщается. Коль скоро так, то по поводу знания правомерно рассматривать отношение или отношения, возникающие, существующие и т.д. между педагогикой, образованием, философией, наукой.

Конечно, есть и другие субъекты и объекты, имеющие отношение к формированию, развитию и распространению знания. И здесь, в первую очередь, мы обращаем внимание на то, что стоит у самых его истоков, что в генезисе знания предопределяет связи, отношения его с наиболее важными явлениями, процессами, событиями и т.д., задающими в совокупности пространственно-временной контекст его становления и развертывания. Речь идет о биологических, психических, гносеологических, социальных, моральных, эстетических, религиозных и т.п. предпосылках формирования феномена «знание», находящихся позже развернутое отражение и выражение в соответствующих социальных институтах, агентах, не только вскрывающих природно-биологические и социокультурные факторы рождения и функционирования знания, но и принимающих в этом рождении и функционировании самое непосредственное участие: биологии, психологии, науке, образовании, педагогике, воспитании, философии, религии и т.д.

В силу сказанного именно область формирования, распространения и применения знания оказывается ареной схождения интересов философии, науки, педагогики и образования. Ключевым, исходным моментом в развиваемой ниже концепции *«философии образования как философии ориентации»*, концепции практической реализации ориентационной функции философии, наконец, концепции *философии как механизма ориентации, реализующего себя через педагогическую организацию образовательного процесса*; а также моментом, с которого можно логически и, вместе с тем, опираясь на естественнонаучные данные, говорить о специфике, предпосылках, факторах, условиях и средствах усвоения и производства знания, является развитие учения об ориентационной деятельности человека, начиная с положения И.П. Павлова об ориентировочном рефлексе и его роли в жизнедеятельности человека и, заканчивая идеями современных философов о значении для жизнедеятельности человека, рефлекслируемых философским мышлением в качестве мировоззренческих ориентиров, универсалий культуры.

Именно с ориентировочного рефлекса, с учения о биосоциальной природе сознания прочерчивается нами «линия Павлова», линия усмотрения в генезисе знания вообще, науки и образования, в частности, отражательно-ориентационного аспекта. Другой, связанной с этой «линией Павлова» концепцией, ведущей через феномен знания в его научных и ненаучных формах проявления, к педагогике и воспитанию, а вместе с тем к поведенческо-деятельностному функционированию знания, к использованию его в целях удовлетворения практических потребностей является концепция, названная нами «линией Фромма».

Названные линии, как об этом говорилось ранее, представляют в соотношении в жизнедеятельности человека познавательных и ценностных мотиваций. Но не только. Опосредованным, но вместе с тем явным образом через эти линии просматривается органичная связь и взаимодействие столь значимых социокультурных феноменов, как наука, образование, философия и педагогика. И фокусом, в котором концентрируется их притягательность друг для друга, в котором их необходимость друг другу порождает определенную логику практической реализации их взаимообусловленности в организации образовательной и научно-исследовательской деятельности является *проблема ориентации*.

В широком плане она формулируется как проблема социокультурного самоопределения человека в постоянно меняющемся мире на основе усвоения мировоззренчески значимых, фиксированных в различных формах общественного сознания универсалий (ориентиров) культуры.

В узком плане она подразумевает проблему *подготовки* человека к решению в контексте фундаментальных знаний о мире и о себе *неординарных* конкретно-научных задач познания и преобразования действительности, проблему научения человека умениям решать такого рода задачи.

Именно в проблеме ориентации как в универсальной исходной посылке выделяются те дедуктивные следствия, которые являются стержневыми для понимания философии как механизма ориентации человека в мире, реализующегося в виде философского обоснования педагогически корректной организации процесса образования, нацеленного на овладение знанием и на производство знания.

Понимание педагогики как прикладной философии, как средства реализации ориентационного потенциала философских идей,

способных в системном, структурированном, упорядоченном виде преподать человеку знание мира, его закономерностей и т.д. и т.п. и тем самым вписать человека в мир, задать основание его образа мышления и деятельности, достаточно отчетливо просматривается в философско-педагогических воззрениях Сергея Иосифовича Гессена, изложенных в его фундаментальной работе «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», впервые изданной в Берлине в 1923 году.

Важным логическим звеном между трактовкой Гессена педагогики как прикладной философии и пониманием философии как наиболее фундаментального механизма ориентации является ориентационная парадигма педагогической деятельности.

Суть ее в следующем. Гуманизация педагогического образования как целенаправленный процесс, осуществляемый в условиях постперестроечного переосмысления социально-политических и этических ценностей, с необходимостью ищет сегодня решение своих проблем в области сциентизированного знания, наименее подверженного каким-либо конъюнктурно-идеологическим воздействиям. Последнее включает в себя не только естественно-научные концепции и теории, но также теоретические системы философского, психологического, нравственного, эстетического и религиозного содержания. В этой связи следует обратить особое внимание на формирование в философско-педагогическом и психолого-педагогическом мышлении специфической установки, парадигмы, теоретические следствия которой и соответствующие им практические действия достаточно отличаются от господствовавших прежде.

Речь идет о своего рода голографическом истолковании высших форм жизнедеятельности человека, о понимании человека, личности, по словам А.С. Арсеньева, «как такой части Мира, которая может включать в себя, выражать собою весь бесконечный Мир (что логически и даже математически возможно лишь в области бесконечного), во-первых, и, во-вторых, истолковании человека как «открытой», незавершенной, развивающейся системы, включенной во взаимоотношающую связь, отношение: Человек – Мир» [171, с. 142]. Незавершенность, неоконченность человека в любой момент его существования, казалось бы, противоречит его голографичности («схватыванию» им в себе определенности, истины вечного и бесконечного Мира). Но это противоречие не абсолютно, не безусловно:

оно – диалектично. Ставшая, найденная человеком определенность его физических и духовных состояний, «его событийная определенность», будучи объективно значимой, действующей, не является конечной, она с необходимостью уступает место новым «промежуточным определенностям», опосредствующим, обеспечивающим процесс взаимодействия человека с миром.

Таким образом, в любой момент бытия, и, соответственно, в любой точке пространственно-временного континуума человек, правомерно выступая «мерой всех вещей» в мире, остается открыт к изменениям своей определенности, он «приговорен к изменению». Именно образование, как отмечал Ясперс, «делает индивида посредством его бытия соучастником в знании целого. Вместо того чтобы неподвижно пребывать на своем месте, он вступает в мир, и таким образом его существование может быть в своей узости все-таки воодушевлено всем. Человек тем решительнее может стать самим собой, чем яснее и наполненнее мир, с которым его собственная действительность составляет единство» [33, с. 353]. Всякий раз, осознавая и используя актуальную определенность состояний своего «тела и духа» здесь и сейчас, человек учитывает преходимость, изменение этих «здесь и сейчас», и потому вновь и вновь оказывается в ориентационной ситуации, когда актуальность его определенности в значительной мере утрачивается, когда необходим поиск и утверждение новой актуальной определенности, соответственной новому месту и времени. Таков объект, на который устремлена педагогическая деятельность: приговоренный к вечному развитию, человек приговорен и к вечному ученичеству, к вечному усвоению и приумножению знания. Древние греки утверждали: «Кто бы ты ни был, если ты не учишься, ты никто». Но это значит, что приговорена к вечному изменению своих установок и педагогика, стремящаяся не только помочь человеку во всех изменениях быть всегда и везде Человеком, но быть вместе с тем человеком, ставящим и достигающим все более значимые цели в своей познавательной и преобразовательной деятельности.

Сказанное означает: а) педагогика как особого рода деятельность есть способ реализации предназначения философии «давать человеку наиболее общую и верную ориентацию в окружающем мире»; б) именно педагогическая деятельность организует образовательный процесс, в рамках которого человек, обретая знания, удовлетворяет потребности в ориентации, во-первых, и удовлетворяет, в известной

мере, потребности общества в наделении человека желанной для общества ориентацией, во-вторых. Трансформируя в организации образовательного процесса заложенные в нее философией интенции ориентации, педагогика не только участвует в ориентации человека, удовлетворяя его ориентационные потребности, но она учит использованию знаний, формирует умения, навыки, то есть на рациональном уровне ориентирует действия, поведение, деятельность человека; формирует их в качестве адекватных обстоятельствам места и времени. В этом последнем значении педагогика никогда, пожалуй, не была индифферентна к требованиям общества, к его вызовам. Характеризуя духовную ситуацию своего времени и подчеркивая связь воспитания с жизнью, Карл Ясперс отмечал: «Если требования массы вообще определяют содержание воспитания, то лишь следующим образом: учиться тому, что имеет применение в жизни; ощущать близость к жизни, причем под жизнью понимается умение ориентироваться в существовании вплоть до знания правил движения в больших городах...» [33, с. 355]. Ориентационные умения связаны с формированием морально-ценностных, правовых, политических, идеологических и др. установок; с формированием устойчивого интереса к учебной деятельности, науке, профессиональной деятельности, соответствующей склонностям и возможностям человека.

Возможные смысловые коллизии в связках «философия образования и образования философия», «философия воспитания и воспитания философия» и т.п. не могут не заострить внимание педагогов и исследователей на сложности и неоднозначности возможных ответов на такого рода смысловые повороты. В свете сказанного для нас при любых раскладах необходим и важен один вывод: философия образования была и остается, прежде всего, философией ориентации человека в мире вещей, явлений, процессов материальной и духовной природы; философией ориентации человека в мире знания о вещах, явлениях, процессах; философией ориентации в мире соответствующих способов деятельности. Согласно С.И. Гессену, «наука, знание, истина есть такая же цель общего образования, как личность, свобода, право. Как каждый должен выработать в себе личность, точно так же каждый должен быть приобщен к науке и истине. Конечно, не все станут учеными по профессии, дойдут до высших ступеней научного образования, как не все смогут осуществить в себе высшие ступени свободного самоопределения» [172, с. 232–233]. Другими словами,

не все смогут достичь целей наивысшей ориентации, то есть научного, истинного самоопределения в форме научно истолкованных и усвоенных экзистенциалов морали, права, свободы и т.д. и т.п., в форме отрефлексированных философией универсалий культуры, положенных в основание высшей культурологической идентификации, самоопределения человеком себя в мире, ведь в научном образовании речь идет не о формировании одной лишь умственной способности человека, но о формировании человека в целом. На пути к этой цели требуется напряжение воли, необходимы фантазия, энтузиазм и даже «определенные навыки тела».

Теория научного образования, а педагогика в значительной мере является именно теорией научного образования, решает вопрос: как направить всего человека на путь знания, приобщить его к науке. При этом в решении дилеммы – давать формальные схемы рассуждения или учить живому мышлению через знание о конкретных событиях и процессах – ответ Гессена остается прежним, а именно: образование должно дать ученику ответы на те вопросы, которые выдвигает ему окружающая его жизнь, сообщить полезные сведения, обладая которыми человек сможет ориентироваться в жизни и быть полезным членом общества [172, с. 235].

Чтобы отвечать такому призванию, образование должно, по глубокому убеждению Гессена, которое в полной мере разделяет и автор, базироваться на широких философских представлениях. В то же время педагогика философична по своему существу. Гессен подчеркивал, что в осмыслении связи философии и педагогики его привлекала возможность явить в книге, посвященной основаниям педагогики, практическую мощь философии, показать, что «самые отвлеченные философские вопросы имеют жизненное практическое значение и что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» – это понимание роли философии в наши дни многого стоит [172].

Ориентация как процесс, субъектом которого выступает личность, индивид или общество есть, соответственно, либо самоопределение человека, либо социоопределение человека в обществе, в мире, в универсуме как предпосылка его жизнедеятельности. Формами, способами, средствами указанного самоопределения являются самообразование, самоформирование личностью себя через познание мира, через сообразование (ориентацию) себя с ним, выведения сво-

ей определенности из определенности мира и взаимодействия с ним. Или же организуемое обществом целенаправленное информационное воздействие, имеющее результатом социоопределение, социальную ориентацию личности. В этом плане «обучение должно представлять собой индивидуальную образовательную траекторию учащихся, обеспечивающую им *выстраивание жизненной перспективы и осознание своего потенциала в контексте требований современного общества и культуры, что является основой самоопределения и самоактуализации* [173, с. 4].

В своем историческом развитии, как это отмечалось ранее, общество создает множество институтов (социальных структур), призванных служить ориентации, определению человека. Это наука, искусство, право, философия, мораль, религия, культура в целом и др. со всем наличествующим в их арсенале содержанием. При этом необходимо учесть: противоречивость и изменчивость действительности так же, как гармония и устойчивость её находят свое выражение в функционировании и науки, и искусства, и др. феноменов культуры. Именно этим определяется важность ориентационной деятельности и в решении вопросов повседневной жизни, и в решении вопросов экзистенциальных, в которых человек определяет смысл и цель всей своей деятельности, всей своей жизни. Что является, собственно, самым ярким выражением его самоопределения, постижения им самим своей собственной сущности и своего собственного предназначения.

Во все времена точкой опоры, местом, с которого человек удобно мог смотреть на мир, выступала не только чувственная твердь земли, зыбкая основа моря, реки, океана, колеблющаяся прозрачность воздушного пространства, в которых находился в это время, в этот момент человек, но и образы действительности, понятия, определенность которых порождала не просто уверенность пребывания человека в мире здесь и сейчас, но уверенность пребывания его в мире вообще. Во все времена людям требовалась некая идея как точка опоры, с которой яснее выделялось окружающее. И неважно, чем была эта идея – эйдосом, атомом, Богом, материей, информацией, свободой, смыслом жизни и т.д... «Дайте мне точку опоры и я переверну мир!» – не единожды эта мысль находила свою реализацию в утверждении, что опора найдена. И мир действительно переворачивался, перестраивался, радикально менялся. Там, где нет опреде-

ленности (вещей, состояний, качеств, связей, отношений и т.д.), где существует нераздельность, неразличимость, слитность, неопределенность, там царствует покой и существование тождественно бытию, там нет ни организации, ни кибернетических, ни синергетических явлений, там нет ни смысла, ни счастья, ни страдания. Такую идею или их совокупность несло слово просветителя, деятеля науки, искусства, представителя религиозной мысли и т.д. Потому только используя культуру, образование, «утилизировав их, пропуская через себя огромные потоки информации, личность формирует представление о своем месте в мире, которое оно потенциально может занять, используя возможности выбора» [174, с. 65].

Динамическое равновесие, устойчивость и развитие общества зависят от устойчивости ориентаций большинства его членов. Потому формирование ориентационных знаний и ориентационных умений – важная цель и образовательной, и идеологической деятельности государства. В этой деятельности ключевым моментом является наполнение *ориентационных форм* (категорий морали, права, политики, и т.д.) таких, например, как патриотизм, труд, Родина, духовность, гражданственность, национальная идея, толерантность, коллективизм и т.п. содержанием, не только соответствующим историческому времени и историческим обстоятельствам, но, что особенно важно, не вступающим в противоречие, в конфликт с глубинными механизмами ориентационной деятельности большинства членов общества.

В общеориентационную деятельность, осуществляемую образованием, естественным образом включается деятельность *профориентационная*, которая достаточно наглядным образом в своей сфере применимости демонстрирует существо ориентации как *процесса и как результата*. Но точно так же, как школа берет на себя функцию профессиональной ориентации учащихся, полагая ее не только естественной, но и необходимой, она достаточно явным образом опосредует в своей деятельности ориентационные функции науки, искусства, морали, культуры в целом. И с этой точки зрения, именно школа на ранних и более поздних этапах формирования личности является наиболее важным, пожалуй, главным социальным институтом, посредством которого практически реализуются ориентационные функции всех иных социальных институтов. В немалой степени сказанное относится и к высшей школе, где происходит углубленное освоение имеющих особо важное значение для ориентации лично-

сти элементов содержания таких форм общественного сознания, как философия, мораль, идеология, право, политика, психология и др.

На этапах самостоятельной жизни нарушается определенная сбалансированность ориентирующих воздействий на личность факторов культуры, вольно или невольно возникающая в рамках рационального распределения и изучения учебных дисциплин, ставящих в качестве одной из важнейших целей гармоничное развитие личности. Адекватно оценивая ситуацию вхождения будущего выпускника (школы, вуза) в мир, полный не только устойчивых, неизменных и привычных вещей, но полный также неизвестности, неопределенности, изменчивости и неожиданности, педагоги предлагают воспитуемому в рамках учебно-воспитательного процесса различные «готовые ориентации» – образцы поведения, разъясняют их суть, достоинства и недостатки. Сама исторически развивающаяся реальность экономических и социально-политических институтов в обществе способствует отбору тех или иных *ориентаций – категориальных и иных матриц*, через которые или на которых апробируется жизненная реальность во всей её сложности и противоречивости – пусть, порою, через ошибки и лишения. Всем этим утверждается не только социально значимый, но и персоналистский характер функционирования ориентаций. Вместе с тем, через реализацию ориентаций отдельных личностей утверждается значение, важность самой ориентационной деятельности как необходимого, неотъемлемого момента развития общества, утверждается смысл ориентационной деятельности как одной из форм общественного бытия.

Отсюда прямо и непосредственно проистекают проблемы единства и различия механизмов ориентации, полной ориентации человека в мире, полной ориентационной основы его деятельности.

4.3.5 Миф и религия как механизмы ориентации

Если руководствоваться историческим методом исследования, то, конечно, раскрытие ориентационной функции мифа должно предшествовать, по крайней мере, науке. Но мы предпочли иной способ представления механизмов ориентации, при котором формы сознания с более выраженной ориентационной функцией предшествуют механизмам с менее выраженной, но оттого не менее действенной функцией.

Наука, философия, искусство выступают в качестве достаточно осознаваемых человеком с момента их зарождения посредников между личностным бытием человека и бытием окружающих его вещей, явлений, процессов. Это позволяет среди других функций, реализующих посредническую роль указанных форм сознания, в том или ином виде рефлексировать функцию ориентационную. Миф же, как признается его исследователями, не выступает в качестве изначально осознанного посредника между человеком и миром. Потому функции мифа, в том числе ориентационная его функция, осознаются постмифологическими формами сознания, в частности, наукой. И это происходит с тем большей ясностью и убедительностью, с чем большей ясностью и убедительностью наука осознает саму себя в качестве механизма ориентации, в качестве искусственного органа жизнедеятельности человека, реализующего ориентационную функцию.

Поскольку во все времена человек был неразрывно связан с окружающим миром, постольку в его развивающемся сознании в числе первых формировались образы единства, неразрывности, сродности с окружающим миром. Но миф – и первое «лукавство» человека перед самим собой. Ибо объективно «вписание» человека в мир предполагает, содержит в себе свою противоположность – противопоставление, выделение человека в мире. Это противопоставление осуществляется в форме различения благоприятствующих и неблагоприятствующих ему сил природы, в форме их упорядоченного представления, в форме нахождения себя в этом упорядоченном мифологизирующим сознанием мире. Мифологично содержание сознания, но не мифологична, а реальна, объективна связь человека с миром. Объективно же миф в своем архаичном виде решает задачу преодоления «человеческим логосом вселенского хаоса», выступает в качестве рационального первичного средства, рационального механизма ориентации, так как архаический миф является выражением и одновременно попыткой преодоления незнания с помощью наложения на хаотичную действительность образно-категориальной антропоморфной сети. Когда нет другого способа разобраться в том, что представляет собой действительность и как можно овладеть ею, мифологическое сознание необходимо, неизбежно позитивно [175, с. 56].

Несмотря на то что мифу чуждо реальное время, что миф «погружает в свое, особое временное пространство», объективно миф по-

могает человеку удерживаться, находить себя в известном ему мире через эту антропоморфную расстановку всего в определенные связи, отношения на определенные места, через формирование особой пространственно-временной структуры существующего.

Хотя для мифологически воспринимающего действительность человека нет окружающего мира как существующего *вне, до* мифологизации человеком действительности, с позиций сегодняшнего дня, знающего сущность и функционирование религии, искусства, науки и т.п. миф, мифологическое сознание, даже сама мифологически существующая действительность выступают посредниками между человеком и объективной реальностью, ибо «мифический смысл вещи не мешает ей быть вещью, а скорее, наоборот, как-то подчеркивает её вещность» [176, с. 69].

Органы чувств человека, его мышление служат объектом воздействия, воспринимают окружающий мир в мифологическом его обличии. Самое же удивительное и существенное то, что этот мир подвижен, многообразен, красочен, он насыщен всевозможными вариациями, комбинациями, превращениями сущего. В нем человек во все времена должен быть внимателен, наблюдателен, вдумчив, ибо и цвет, и свет, и земля, и воздух, и жившие герои – все имеет свое мифологическое содержание, значение, смысл. Всевозможные сочетания их, изменения, превращения также исполнены значения и смысла. Этот смысл существенен для человека, должен быть воспринят и понят им, ибо человек «вписан», «включен» во взаимодействия, превращения, изменения окружающего.

Образ мысли и действия человека обуславливается сочетанием, комбинациями природных и социальных явлений, в которых мифологическое сознание усматривает место и определенность самого человека. Такого рода усмотрение и есть мифологическая ориентация. И она вполне удовлетворяет практические нужды человека. Для него она имеет истинный смысл, ибо «есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Миф различает или может различать истинное от кажущегося и представляемое от действительного», в нем есть «свои, мифические критерии истины и достоверности, мифические закономерности и планомерности» [176, с. 39].

Приведенное отношение вписанности, включенности человека в мифологическую действительность – лишь один из видов в многообразии его оношений к миру, эти отношения изменялись и в историче-

ском и в личностном аспектах [27]. Среди всего многообразия явно представлены в историко-философском знании следующие три типа отношений: а) естественно-прагматическое отношение человека к миру; б) внутреннее бытие человека как самодовлеющая ценность и процесс; в) проникновение через внутреннее бытие в сферу бытия как такового.

Мифологическая ориентация имеет место в рамках естественно-прагматического отношения человека к миру. Оно характерно тем, что мир воспринимается как наличная данность, рассматривается утилитарно: мир как что-либо полезное, вредное либо нейтральное. Здесь, в изначальной по сути позиции человека по отношению к окружающей действительности, в равной степени действуют приспособительные, ориентационные механизмы и механизмы преобразования окружающего. В первую очередь, эта позиция отличается от отношения животного к окружающей среде тем, что человек разумен. И мерой отличия человека от животного является именно мера его разумности. Последняя же далеко не сводится к инстинктивному физиологическому бытию и к соответствующим механизмам этого бытия.

Данному типу отношения человека к миру соответствует и особое состояние человеческого духа, а именно рефлексия над миром вещей, в которой личностный аспект находится в тени. На этом уровне возможно создание широких мировоззренческих представлений о бытии, не окрашенных субъективностью, а если она и присутствует, то как объективное. Таковы мифы, такова натур-философия древних. В любом случае объективность превалирует здесь над субъективностью, является самодовлеющей; субъективность растворена в объективности, но растворена не настолько, что человек не сознает себя субъектом деятельности: растворенность в объективности есть форма именно отношения человека к миру, подразумевающего наличие относящихся сторон.

При тщательном анализе миф предстает как практически целесообразная форма объективности, в которой уютно растворен человек, существующий здесь не как персоналия, а лишь как элемент, частица объективности (мифа), как винтик всепоглощающего единого целого механизма.

Надличностные, омифологиченные силы действительности – вот пространство бытия человека. Эти силы пронизывают человека, они осознаются им в их мифологической содержательности

и функции. Его определенность оказывается опредмечиванием в нем воздействия этих сил. Он таков, каким творят его мифологизированные стихии, каковым творит он себя, сознавая свою связь с существованием мифологизированных сил, с деятельностью всех участников разыгрываемых в мифологическом бытии спектаклей.

Характеризуя личность, А.Ф. Лосев, наряду с такими чертами, как индивидуальность, неповторимость, оригинальность, выделяет её ориентированность: «личность вообще соответствующим образом обязательно ориентирует себя среди всего окружающего... Она отличает себя от всего другого и внутри себя сама с собой соотносится. И совершается это не так, чтобы кто-то другой сравнивал одну личность с ее окружением или разные моменты личности сравнивал между ними самими внутри самой личности. Все эти отношения устанавливает сама же личность и устанавливает мыслительным, а также переживательно-волевым образом» [176, с. 428].

Особым образом действует мифологическое сознание, миф в новейшее время. В XXI веке миф призван вернуть человеку чувство эмоционального и интеллектуального комфорта и утешения посреди хаоса, тем самым принимая на себя, даже в безрелигиозном своем варианте, одну из главных функций религии – функцию утешения «твари дрожащей» [110, с. 56].

Осмысление, переживание мифологическим сознанием «энергийно-построяющих» воздействий окружающего формирует специфическую определенность образа мыслей и действий человека, закрепляет в этой определенности ориентационные воздействия окружающего, существующего в форме мифологической действительности и тем самым служит реализации мифа в качестве эффективного, надежного средства ориентации.

Отношение к религии, содержание которой базируется как на мифах, так и на теологической аргументации, в обществе многопланово, но в нем доминируют два момента: отношение к религии как средству, с помощью которого решаются многие социально значимые задачи, во-первых, и отношение к ней как цели, самоценности, во-вторых. Связанные между собой, эти виды отношения специфичны в аспекте реализации религией ее ориентационной функции. Последняя проявляется в том, что, воздействуя на эмоции, чувства, переживания, разум человека, религия погружает его в пространство особого мироощущения, мировосприятия, миропонимания. Это про-

странство опосредовано бытием Бога, причастность к которому наполняет *смыслом и определенностью* человеческую жизнь, вытесняя из нее *сомнения и неопределенность*, страх и неуверенность перед настоящим и будущим. Но не только религиозная ориентация – это система ориентиров (ценностей, идеалов, истин, образцов, норм, законов, требований и т.д.), в своей целостности выступающая в качестве безусловного основания, предпосылки жизнедеятельности человека во всех сферах его бытия. Какой бы фрагмент Библии как главного источника религиозного сознания ни взять, в каждом обнаруживается заложенный в нем потенциал ориентационного воздействия: преодолевая неуверенность, неопределенность, страх, растерянность перед противоречивостью и превратностью мира, укрепить веру и направить деятельность человека к достижению ясно, четко, определенно сформулированных религиозных идеалов, ценностей, целей и смысла человеческого существования в мире. Уверовать в эти ценности, идеалы, цели, смысл, взять их в качестве ориентиров, направляющих мысль и действие во всякий момент жизни, – значит спастись от гносеологического смятения, порождаемого природной (первородной) греховностью человека, живущего на земле смертью живого (земная жизнь духа зиждется на потреблении телесной материи). Философско-диалектическая содержательность апостольских посланий Павла, Петра, Иоанна и др. рождает веру в определенность будущего, в спасение от неопределенности, сомнений, греховности, веру выхода, освобождения от духовного гнета этих неизменных спутников жизненного пути человека. И заповеди Христа, и их различные интерпретации являют собой достаточно ясные и отчетливые опоры-ориентиры жизнедеятельности, воздействие которых на сознание человека формирует определенный образ мышления, задает определенный смысл жизни. Трудно не видеть ориентирующее воздействие идей, содержащихся, к примеру, в Послании Святого апостола Павла к галатам: «14 Ибо весь закон в одном слове заключается: «люби ближнего твоего, как самого себя». 15 Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы не были истреблены друг другом. 16 Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти. 17 Ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. 19 Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство. 20 Идолослужение, волшеб-

ство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазн, ереси. 21 Ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. 22 Плод же духа: любовь. Радость, мир. Долготерпение, благодать, милосердие, вера. 23 Кротость, воздержание». На значимость религиозного сознания в ориентации человека в современной политической деятельности обращает особое внимание игумен Вениамин (Новик), отмечая, что «до сих пор в России религиозность понимается как «частное дело граждан» (чуть ли не на уровне патриотического или эстетического вкуса; а о вкусах, как известно, не спорят). Конечно, это частное дело в том смысле, что принадлежность к определенному вероисповеданию не должна как-либо сказываться на социально-правовом статусе граждан. Но отсюда не следует, что религия как частный случай мировоззрения не может быть ориентационным и мотивирующим фактором в политической деятельности как отдельного человека, так и группы или партии» [177]. Ориентационную функцию религии в современных условиях разрушения ориентационной парадигмы коммунистического миропонимания необходимо рассматривать как важнейшую не только в области взаимодействия религиозного и политического сознания, но на всем пространстве жизнедеятельности человека вообще.

Человек – существо ориентирующееся и выбирающее: ориентирующееся, чтобы выбирать, и выбирающее, чтобы ориентироваться. Драматизм и парадоксальность человеческого бытия заключаются в необходимости постоянно осуществлять выбор между «собой – ангелом» и «собой – биологическим существом», животным. Этот выбор никогда не может быть окончательным. Каков бы ни был он в данный момент, человек испытывает чувства неудовлетворенности: неудовлетворенность-вину, если выбор акцентирован на животных, биологических потребностях, неудовлетворенность-физическое страдание, если выбор акцентирован на ангельской, духовной стороне человеческой сущности. Ориентация момента, ситуации важна и насущна, но она не может остаться неизменной, ибо все меняется, изменчив и противоречив сам человек. Он противоречив и в том, что, стремясь к абсолютной, полной, исчерпывающей ориентации, вынужден довольствоваться в общем случае ориентацией сиюминутной, конкретной. В то же время устойчивость самой потребности в ориентации, ее постоянный поиск и реализация на практике порожд-

дают, в конечном счете, теоретический интерес к ней, являющийся аспектом, стороной интереса к человеку, рассматриваемому во всей его противоречивости, изменчивости, парадоксальности.

То обстоятельство, что человек не может остановиться на некоторой абсолютной, полной ориентации, не отменяет интерес к ее исследованию, ибо само это обстоятельство является следствием и выражением диалектического характера бытия, и природы, и общества, и человека. В этих условиях исследование конкретных ориентаций, их сравнение, анализ, систематизация, так же как и исследование деятельности различных механизмов реализации ориентационного подхода, есть особое направление изучения человека и общества в аспекте их реальной и возможной свободы. Любая абсолютизированная ориентация, так же как любой абсолютизированный механизм реализации ориентационного подхода, выходя за пределы своей области функционирования, за пределы своего места и времени, превращается в свою противоположность, в *дезориентацию* и *механизм дезориентации*, соответственно. Такова судьба многих идеологических систем, идеологий, претендующих на абсолютность, универсальность, обращающих в драму и трагедию жизни тех, кто не смог во время осмыслить относительность и преходящий характер ориентаций, притязающих на всеохватность, всеобщность и абсолютность, не смог понять, что степень объективной значимости, устойчивости, полноты и постоянства ориентаций не может превосходить степень устойчивости и значимости явлений в мире, степень устойчивости самого мира.

Сказанное в полной мере относится к моральной стороне человеческой жизнедеятельности.

4.3.6 Мораль как механизм ориентации

Общеизвестны примеры использования на практике всевозможных кодексов поведения. В основе их создания и реализации лежит неявное признание ориентирующей роли, которую играют в детерминации поведения человека усвоенные и усваиваемые им в процессе социализации нравственные нормы, идеалы, ценности, запреты и т.п., выраженные в соответствующих нравственных представлениях и понятиях.

Мораль как особая форма общественного сознания подобно философии, науке, искусству и религии может ориентировать прямым

и непосредственным способами. В основе прямой моральной ориентации лежит то несколько недооцененное в свое время марксистской идеологией обстоятельство, что такие нравственные категории, как достоинство, честь, справедливость, добро, зло, совесть, дружба, долг, ответственность и т.д. и т.п. не являются лишь духовными, идеальными, абстрактными образованиями, «испарениями» над материальной, предметно-практической жизнедеятельностью людей, над создаваемыми ими социально-экономическими отношениями и структурами.

Эти представления, чувства, понятия являются специфическими *формами духовной жизни*, имеющими ничуть не меньшее объективное значение, нежели, к примеру, формы экономических отношений. В силу этого адекватность моральных категориальных образов их объективным денотатам, если она имеет место, обуславливает прямую зависимость качественной определенности нравственного поведения личности, образа мыслей и поступков от объективно присутствующих социальному способу бытия людей нравственных ценностей. Там же, где эта адекватность отсутствует, в качестве системы ориентирующих факторов, в качестве механизма нравственной ориентации выступают или стремятся выступить понятия, идеалы, нормы и т.д. господствующих в обществе на данный момент моральных учений светского или религиозного содержания.

Нравственная определенность личности признавалась всегда едва ли не однозначно соответствующей усваиваемой в процессе воспитания системе моральных ценностей. Их позитивная согласованность, взаимосвязь, непротиворечивость являлись гарантиями формирования нравственно целостного, отвечающего потребностям общества типа личности.

В этом плане применительно к морали и осуществляемой ею ориентационной функции правомерна мысль А.Ф. Лосева о соотношении религиозных понятий и практической жизнедеятельности человека. Он писал, что «реализм», «жизненность», «практика» и прочие принципы – все это «чисто религиозные категории», и всякий религиозный человек также хочет утверждаться только на подлинном реальном бытии, только на жизненном опыте, и также запрещено ему быть простым теоретиком и оставлять в небрежении практику, жизненное осуществление его идеалов [176, с.114]. Все это не мешает ему оставаться, положим, последовательным сторон-

ником буддизма, не верящего ни в человека, ни в объективную действительность, утверждающего ничтожность всего происходящего, того самого буддизма, который «полностью отрицал эту ничтожную действительность, все слабые и безнадежные порывы человеческого существа, стремясь погрузить всю такого рода слабую и ничтожную действительность в одну бездну небытия» [176, с. 312].

Как социальный институт, мораль направляет свои усилия на то, чтобы прочно удержать человека в области, пространстве нравственных общепринятых идеалов, стандартов, норм. Ее важнейшей задачей является выработка в человеке той его нравственной определенности, за которой стоят черты и качества, чувства и представления, знания и действия, нужные для функционирования общества на данном историческом этапе, в данной социально-исторической ситуации.

Не имея возможности охватить в полной мере не только упомянутые, но и другие механизмы ориентационной деятельности, ограничимся следующими резюмирующими положениями. Механизмов ориентации достаточно много. И действуют они во времени различным образом: иногда взаимодополняя, иногда соперничая, иногда исключая друг друга, а иногда приходя друг другу на смену, под натиском изменившихся условий. В свете сказанного вряд ли можно согласиться, что выбор средств «фундации ценностей» ограничивается либо национализмом, либо религией, либо тем и другим вместе, и что «иного просто не дано по определению» [50]. Ведь даже эзотерика как учение о тайных законах универсума на свой лад пытается покорить и освоить неопределенность бытия [151, с. 209].

Вопрос о взаимодополнительности таких механизмов ориентации, как наука, религия, миф, искусство и т.д. в плане формирования целостной ориентационной основы жизнедеятельности человека сложен потому, в первую очередь, что каждая из форм сознания, будь то философия, наука или религия, обладает или претендует на обладание мировоззренческой и ориентационной самодостаточностью. В связи с этим различия в понимании действительности и в соответствующих отношениях к ней обретают характер противоборства в вопросах, решение которых имеет принципиальное значение для ориентации человека в окружающем мире. К примеру, в таком важном для человека вопросе, как вопрос о бессмертии (о жизни после смерти) наука и религия занимают исключаящие друг друга точки

зрения. Согласно науке, религиозная вера в личное бессмертие – иллюзия, мешающая человеку осознать свое место и назначение в мире, иллюзия, «дающая ему неверные жизненные ориентиры» [178, с. 6]. Религия же, наоборот, утверждает, что именно вера в личное бессмертие дает возможность человеку осознать его место и назначение в мире, что эта вера дает ему жизненные истинные ориентиры и необходима для хорошей, интеллектуальной, счастливой энергичной или полезной жизни.

Сила влияния различных механизмов ориентации на духовный мир человека зависит от психологических, социально-психологических, социальных и иных факторов и условий восприятия этих механизмов. Успех реализации ориентационных функций философии, искусства, морали, религии и т.д. возможен лишь тогда, когда соответствующее их восприятие человеком разворачивается во всей полноте, когда включаются этапы внушения, соотнесения, осмысления, интериоризации. Реальное влияние механизмов ориентации на жизнедеятельность человека проявляется в их способности выстроить пространство чувствования и мышления объекта ориентационной деятельности (индивид, личность, социальная общность) так, как это потребно, выгодно, целесообразно субъекту ориентационной деятельности (школа, церковь, другие социальные институты); создать такое пространство чувствования и мышления, в котором формируется соответствующая определенность образа мышления и действия людей, удовлетворяющая потребности институтов, инициирующих деятельность механизмов ориентации в данной социально-исторической ситуации. В любом из смыслов ориентации: и в том, когда *сориентироваться* – значит найти, выстроить свое сознание и тем самым самого себя сообразно существующим обстоятельствам, и в том, когда *сориентироваться* – значит найти те обстоятельства, которые дают возможность человеку в изменившейся или изменяющейся действительности удержать в себе сущностное, подлинно человеческое, – речь идет об одном: о построении определенности человека, о решении важнейшей гуманистической задачи. Далеко не риторически в этой связи звучат вопросы о том, что может явиться теми основаниями, которые «дают возможность человеку удержать человеческое в себе сегодня. Наука, искусство, религия, мораль, право? Мы действительно присутствуем при такой ситуации, когда для решения этой задачи должны быть мобилизованы все средства. Но и

при этом «нас не перестает преследовать сомнение, что существующих, наличных, наработанных средств недостаточно» [179, с. 8].

Выходя к идее, суммирующей и обобщающей сказанное о механизмах ориентации, следует признать, что поскольку и наука, и религия, и философия, выступая в качестве либо сменяющих исторически друг друга в своей доминирующей роли, либо соотносящихся и конкурирующих на определенных этапах общественной истории друг с другом механизмов ориентации, остаются важнейшими типами мировоззрения, то наиболее общим механизмом ориентации является мировоззрение вообще и философское мировоззрение, в частности. За понятием мировоззренческая ориентация стоит в качестве её конкретного выражения либо научная ориентация человека в мире, либо религиозная, либо философская. Являясь механизмом ориентации человека в социальной и природной действительности, каждая из форм сознания нуждается в помощи других: литературы нет без философии, морали, религии, права и т.д., но последние без воспитательно-образовательного влияния на личность со стороны литературы лишь ограниченно, односторонне воздействуют на человека. Границы жизненного хронотопа при этом оказываются суженными.

Через посредничество науки, религии, морали, искусства, философии и т.д. человек производит и воспроизводит свою человеческую сущность, находит её определенность в распадающемся, изменяющемся, развивающемся мире миров (сущем), задает человечность как форму жизнедеятельности; форму, конкретное наполнение которой жизненной активностью реализует подлинный смысл, ценность жизни человека вообще, отдельной личности, в частности. Именно в этом задании человеком человечности реализуется смысл бытия человека, сливающийся с его свободой воли, ибо это нахождение человеком себя в себе самом – в человечности. Последняя же собирается многовековым опытом, практикой выстраивания человека: человека – хозяина своей судьбы, человека – гражданина, свободного, правового, гуманного, ответственного и по закону, и по нравственному категорическому императиву.

Многосложность мира, умноженная на многосложность отношений человека к нему, обуславливает множественность механизмов ориентационной деятельности, множественность аспектов, в которых происходит превращение неопределенности бытия в его определенность. Поэтому различие адекватного реальности знания и знания

объективного, доксологического знания и знания эпистемологического; практического знания и знания теоретического заставляют видеть не только историческую преемственность развития механизмов ориентации в окружающем мире, но и взаимную дополнительность, взаимообусловленность этих механизмов в стремлении человека создать некую целостную, интегральную, полную ориентационную основу деятельности. Отношения людей друг к другу в целом никогда не были опосредованы общей единой для всех ориентацией, единой ориентационной основой деятельности; они не были опосредованы и единым пониманием Бога, и потому их действия в отношении друг к другу могут классифицироваться сообразно видам, типам субординации их ориентаций.

В стремлении к совершенной, полной ориентации люди пытаются выйти к таким средствам, построить такие интегральные для своего времени механизмы, в которых, насколько это возможно в максимальной степени, сближаются нормы, требования, идеалы этики, науки, аксиологии, эстетики – блага, истины, красоты, ценности, в своем единстве и непротиворечивости позволяющие делать жизнедеятельность человека все более гармоничной.

Понятие ориентационного подхода, формируемое в современном гносеологическом и методологическом сознании, выражает *осознание* не только того, что человек, будучи существом свободным и разумным, нравственным и эстетичным, творящим и потребляющим, ценным и оценивающим, может ориентироваться *так* или иначе во всех сферах его познавательной и практической деятельности, но и того, что от характера его ориентации зависит обретение и реализация им смысла жизни, реализация им себя как Человека.

В этих условиях исследование конкретных ориентаций, их сравнение, анализ, систематизация, так же как и исследование деятельности различных механизмов реализации ориентационного подхода, есть особое направление изучения человека и общества в аспекте их реальной и возможной свободы. Любая абсолютизированная ориентация, также как любой абсолютизированный механизм реализации ориентационного подхода, выходя за пределы своей области функционирования, за пределы своего места и времени, превращаются в свою противоположность, а именно в *дезориентацию* и *механизм дезориентации*, соответственно. Такова, в частности, судьба многих идеологических систем, идеологий, претендовавших на абсолют-

ность, обращавших в драму и трагедию судьбы тех, кто не смог вовремя осмыслить относительность и преходящий характер ориентаций, претендующих на всеохватность, всеобщность, абсолютность.

Выводы четвертой главы: 1. Под механизмом реализации ориентационного подхода понимается способ, процесс сознательного осуществления ориентационной деятельности или орган, сущностной стороной, функцией которого является осуществление ориентационной деятельности. Реализация ориентационными механизмами их предназначения (ориентационной функции) имеет место там и тогда, где и когда, входя в индивидуальное или общественное сознание элементами своего содержания (установками, нормами, идеалами, ценностями, традициями, знаниями, представлениями и т.д.), они, начиная с ориентировочного рефлекса и заканчивая наукой, религией, философией, *выстраивают, соответственно этим элементам, индивидуальное или общественное сознание, задают определенность образа мышления, поведения, деятельности индивида или общества в целом.* 2. Гносеологическая ориентация, осуществляемая посредством науки и отчасти также искусства, литературы и философии, имеет своим результатом знание, устраняющее неопределенность и выступающее необходимой и достаточной основой деятельности в самых различных сферах познания и практики. 3. Экзистенциальная ориентация осуществляется преимущественно институтами религии, морали, искусства, философии в рамках реализации ими их ориентационной функции и имеет своим результатом снятие неопределенности ценностных отношений человека с самим собой, природой и обществом. 4. Рефлексия ориентационного аспекта жизнедеятельности человека в различных формах общественного сознания формирует особое гносеологическое поле, особое пространство осмысления места и роли форм сознания в практическом решении основных экзистенциальных проблем: смысла, свободы, зла, блага, истины и т.д. Эта рефлексия конкретных проявлений ориентационной функции форм сознания есть и рефлексия инициируемых этими формами сознания форм деятельности, а следовательно, есть рефлексия особого ориентационного подхода вообще как неотъемлемого момента способа бытия в целом. 5. Формируемое в рамках обобщения форм взаимодействия различных механизмов ориентации в их историческом развитии представление об общей ориентационно-ориентировочной основе жизнедеятельности — это абстрактно-теоретический, гно-

сеологический образ фундаментальной предпосылки практической деятельности, обобщающей поиск человеком путей и средств нахождения и реализации своих сущностных качеств. 6. Под содержанием ориентационного подхода понимается фиксация, осмысление и осознанное применение механизмов ориентационной деятельности: мировоззрения, мифа, религии, науки, искусства, философии, права, культуры в целом как по отдельности, так и в различных их сочетаниях. 7. В определенном смысле все, с чем мы имеем дело и на практике, и в познании, и что заслуживает особого осмысления, — это ориентации: ориентации готовые, действующие, а также ориентации еще только складывающиеся, еще только готовящиеся предвратить собою течение через них энергетических потоков деятельности, а значит, предвратить, обусловить направленность деятельности как отдельного человека, так и общества в целом. 8. В расширяющемся практической деятельностью людей, обретающем черты планетарности и ноосферности природном и социокультурном пространстве жизни проблема ориентации нравственной, религиозной, научной, экологической и т.д., проблема ориентации вообще остается для человека насущной и непреходящей. В этих условиях философия как одна из высших форм сознания с необходимостью выступает в качестве универсального механизма ориентации человека в мире и через свою ориентационную функцию реализует одно из важнейших своих практических назначений: направляет образовательный и воспитательный процесс к достижению человеком высших гуманистических целей его бытия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предпринята попытка перейти от разрозненных представлений феномена ориентации в его основных проявлениях в жизнедеятельности человека в виде ориентационной деятельности и ориентационного подхода к теоретическому их рассмотрению и обобщению.

Основные результаты осуществленного исследования кратко выражаются в следующих положениях:

1. Рефлексия данных естественнонаучного и философского знания подтверждает выдвинутую рабочую гипотезу исследования о существовании в структуре процесса познания и деятельности специфического, а именно ориентационного подхода, обладающего, во-первых, качественным отличием от других подходов, во-вторых, особыми механизмами своей реализации в процессе познания и деятельности.

2. В рамках формально-логического анализа частнонаучных данных выявлена особая связь определенности и местоположения, результатом исследования которой явилось обобщенное представление об «ориентационной зависимости» и об «ориентационной ситуации».

3. В анализе эмпирического материала установлено, что учет ориентационных зависимостей на уровне жизнедеятельности человека осуществляется в форме исторически развивающихся ориентационно-ориентировочных потребностей, а также механизмов их реализации и удовлетворения.

4. Сделан вывод о том, что в определенном смысле все, с чем мы имеем дело и на практике, и в познании, что заслуживает особого осмысления, – это ориентации: ориентации готовые, действующие, а также ориентации еще только складывающиеся, еще только готовящиеся предвдварить собою течение через них энергетических потоков, а значит, предвдварить, обусловить направленность деятельности как отдельного человека, так и общества в целом.

5. В изучении действительности через посредство понятий ориентации, ориентационной зависимости, ориентационной ситуации выявлен особый аспект теоретического видения определенности, в котором последняя квалифицируется как *ориентационная определенность*, а соответствующий аспект (подход) в познании, результатом

которого является получение ориентационной определенности, – как ориентационный.

6. В рамках анализа, потребности в ориентации сделан вывод о соответствии изменения форм ориентационно-ориентировочной деятельности изменению ориентационных потребностей на различных уровнях жизнедеятельности человека. Установлено, что ориентационные механизмы жизнедеятельности, складывающиеся на протяжении всей исторической эволюции человека в процессе онто- и филогенеза, не просто сопутствуют процессу взаимодействия человека со средой, но являются, по большей части, неосознанными посредниками этого процесса, так что способность человека приспособиться, выжить в мире постоянных изменений, в мире иногда тончайшего взаимодействия организации и дезорганизации во многом связана с созданием новых, все более совершенных, опосредствующих синергетический фактор механизмов ориентации человека, регулирующих информационные потоки в его окружении и в нем самом.

7. Ориентационно-ориентировочная деятельность (ООД) исследована как таковая, во всей совокупности ее компонентов. Особо выделена ее *рефлексия* ООД в виде осознания ее механизмов, их сути, способов применения и т.д.; в виде осознания, учета, фиксации присутствия в познавательной и практической деятельности людей: а) *потребности в ориентации*; б) *форм деятельности*, удовлетворяющих эту потребность; в) *результатов деятельности* по удовлетворению ориентационной потребности; г) *ориентирующей функции*, позволяющей различным видам культуры, опосредствующим взаимодействие человека с действительностью, выступать либо в качестве «искусственных» усилителей естественных органов ориентации человека, либо в качестве особых *механизмов ориентации* его деятельности.

8. Установлено, что понятия «ориентация», «ориентационная ситуация», «ориентационная деятельность» и «ориентационный подход» имеют одну объективную основу (их различие определяется их функциональным значением). Сделан вывод о том, что если на низшем уровне исследования ООД в качестве ее реальных механизмов рассматриваются ощущение, восприятие, понятие и т.д., то на высших уровнях человеческой деятельности универсальными формами практического осуществления ориентационного подхода выступают наука, философия, искусство, религия, мораль и т.д.

9. Достигнута цель работы: на уровне теоретического знания сформированы гносеологический и методологический образы *ориентационного подхода* как *осознанного (по целям и по механизмам) применения ориентационной деятельности*, раскрыты сущность и механизмы реализации ориентационного подхода в познании и деятельности. Сделан вывод, что формирование понятия ориентационного подхода к действительности есть закономерная, необходимая ступень теоретической рефлексии развивающегося человека над характером и способами своей деятельности.

10. Установлено, что под содержанием ориентационного подхода понимается фиксация, осмысление и осознанное применение механизмов ориентационной деятельности: мировоззрения, мифа, религии, науки, искусства, философии, права, культуры в целом.

11. Выявлено, что ориентирующая функция науки находится в тени прогностической, объяснительной, мировоззренческой, методологической функций, и это особенно заметно там, где со всей определенностью противопоставляются сущностные характеристики ориентационного знания как знания оперативного, первичного, приблизительного, сиюминутно значимого, относительного и знания научного как объективно точного и в этом смысле независимого ни от времени, ни от обстоятельств, ни от многих других факторов, столь значимых в разрешении ориентационных ситуаций. В то же время уяснено, что в ориентационном знании имеется тенденция к превращению его в знание истинное, а научное знание никогда не избавится от изначальной и глубинной предназначенности – наилучшим образом удовлетворять жизненную непреходящую потребность человека в наивысшей ориентации в мире.

12. На материалах философских источников разного времени обнаружена рефлексия ориентирующей функции философии в философском знании. Сделан вывод, что философия как одна из высших форм сознания с необходимостью выступает в качестве универсального механизма ориентации человека в мире и через свою ориентационную функцию реализует одно из важнейших своих практических назначений: направляет образовательный и воспитательный процесс к достижению человеком высших гуманистических целей его бытия.

13. Через призму предложенных в работе понятий и идей усмотрен особый стержень жизнедеятельности человека: непреходя-

ность ее «привязки» к системе отсчета, к системе координат, к тем или иным социокультурным ориентирам; в особом свете увиден и понят смысл глубинных и непрестанных исканий человека в противоречивом, изменяющемся мире, специфика соответствующих этим исканиям результатов. Подчеркнуто, что особенность предлагаемого в работе воззрения на ориентационный феномен жизнедеятельности человека состоит не в том, чтобы заявить о нем как о некоей новой панацее от человеческих бед. Особенность в том, что утверждается факт осознания существования ориентационного подхода в практической жизнедеятельности, во-первых, и факт его правомерного, естественного и уместного использования в ряду других подходов, во-вторых. Не от сомнения к вере, а от неопределенности к ориентационному знанию и ориентационной определенности как основам экзистенциального выбора и основам деятельности – таков путь ориентирующегося в мире человека.

14. Рефлексия ориентационных оснований жизнедеятельности человека вообще и ориентационного подхода в познании, в частности, раскрытие их существа и механизмов реализации в познавательной и предметно-практической деятельности имеют значение и могут быть использованы там, где имеется необходимость:

- знанием ориентационного аспекта жизнедеятельности человека дополнить понимание генезиса основных форм общественного сознания – морали, религии, философии, науки, искусства, политики и права;

- перейти в понимании важнейшей функции философии – давать человеку «общую ориентировку» в мире – с уровня интуитивных представлений на уровень теоретического осмысления существа дела и практического его применения, что является важным с точки зрения развития знаний о природе философии, её месте и роли в современной общественной жизни;

- понимание структуры процесса познания, осуществляемого как движение мысли от истин относительных к истинам абсолютным, дополнить представлением об особом знании, а именно ориентационном, возникающем на «стыке» отражения объективно-истинного содержания явлений действительности и творчески-конструктивной деятельности сознания по формированию знания определенности явлений действительности и самого человека, необходимого и достаточного в качестве основы для осуществления актуальной и перспективной деятельности;

- в принятии решений в сфере управления социальными процессами опереться на сознательно выявляемую сущностную связь между детерминирующими деятельность личности системами социально-политической, нравственной, эстетической, религиозной и философско-мировоззренческой ориентации;

- современные представления гносеологии и методологии научного познания дополнить особым аспектом понимания природы познания: ориентационным, с соответствующим способом получения и функционирования знания, с соответствующим аппаратом методологически и гносеологически значимых понятий (ориентация, потребность в ориентации, ориентационная ситуация, ориентационная зависимость, ориентационное отношение, гносеологическая ориентация, методологическая ориентация, мировоззренческая ориентация, ориентационное знание, ориентационная деятельность, ориентационная ситуация, ориентационная определенность, ориентационная функция сознания, ориентационная основа деятельности, ориентационный подход и др.), в своем системном теоретически связанном виде образующих особый пласт методологического и гносеологического видения и осознания познавательной и предметно-практической деятельности людей.

15. Выступая как требование к человеку осознанно развивать способности, потребности и умения ориентироваться, то есть умения обозреть, осмыслить, предусмотреть, чем может явиться на практике любая вовлеченная в сферу его жизнедеятельности вещь (мысль, явление и т.п.), как требование уметь выявить скрытые в существующих структурах возможности, ориентационный подход в познании и деятельности может включаться в систему профессиональной подготовки специалистов самого различного профиля в качестве её важного и необходимого элемента.

16. Потребность человека в ориентации и механизмы деятельности, удовлетворяющие эту потребность, имеют тенденцию к усложнению и развитию в соответствии с изменением характера взаимодействия человека с окружающим миром. Потому ни одна классификация ориентаций не может быть исчерпывающей, но без знания ориентационного аспекта жизнедеятельности человека целостное знание о нем и об общественной жизни страдает ущербностью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что касается работы в целом, то здесь хотелось бы повторить слова Иммануила Канта, «Критика чистого разума» которого не единожды служила автору ободряющим источником: «Во всяком сочинении, в особенности если изложение ведется в форме свободной речи, можно выкопать, выхватывая отдельные места и сравнивая их друг с другом, также и мнимые противоречия, которые бросают тень на все сочинение..., между тем как эти противоречия может легко устранить человек, усвоивший идею в целом. Но если теория обладает внутренней прочностью, то действия и противодействия, угрожающие ей вначале большой опасностью, служат с течением времени лишь к тому, чтобы отшлифовать ее неровности и даже сообщить ей в короткое время необходимое изящество, если ею займутся люди беспристрастные, умные и способные действительно просто излагать свои мысли».

Именно на такой подход к своей работе хотел бы рассчитывать автор, обращаясь к своему читателю со словами: *lector benevoli salutem!*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шаш, С.Д. Человек и этнос (Философский аспект) / С.Д. Шаш. – Брест, 1993.
2. Философские проблемы современного естествознания. – М.: Высшая школа, 1974.
3. Стародубцева, Л. Земля без места / Л. Стародубцева // Век XX и мир. – 1991. – №1.
4. Крюков, В.М. Перспективы организации исследований нерегулируемых перемещений населения / В.В. Коклюхин, В.М. Крюков // Миграция: проблемы и решения: известия Академии педагогических и социальных наук № XI / изд. Московского психолого-социального института; ред. изд. совет: С.К. Бондарева [и др.]. – Москва, 2007.
5. Уемов, А.И. Логические основы метода моделирования / Уемов А. И. – М., 1970.
6. Путилов, К.А. Курс физики. / К.А. Путилов. – М.: Физматгиз, 1963. – Т. 2.
7. Водзинская, В.В. Понятия установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании / В.В. Водзинская // Философские науки. – 1968. – №2.
8. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии // Ф. Энгельс. – М.: ГПЛ, 1939.
9. Крюков, В.М. Ориентация как свойство и характеристика действительности: дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук: 09.00.01 / В.М. Крюков. – Томск, 1976. – 170 л.
10. Энциклопедический словарь. – Спб., 1897.
11. The Encyclopaedia Britannica. – New York. Company. – 1911.
12. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974.
13. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т.4, ч. 1.
14. Кант, И. Сочинения / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т.3, ч. 1.
15. Аристотель. Категории / Аристотель. – М.: Соцэкгиз, 1939.
16. Платон. Тимей / Платон // Сочинения: в 3 т. – М., 1971. – Т.3.
17. Аристотель. Категории / Аристотель. – М., 1939.
18. Ньютон, И. Начала натуральной философии / И. Ньютон. – М. – Л., 1936.

19. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк. – М., 1960. – Т. 1.
20. Гольбах, П. Систематика природы / П. Гольбах. – М.: Соцэкгиз, 1940.
21. Ломоносов, М.В. Сочинения / Ломоносов. – М.: ГИХЛ, 1957.
22. Петров, Ю.А. Проблема логического отображения движения / Ю.А. Петров // Пространство. Время. Движение. – М., 1971.
23. Шептулин, А.И. Категории диалектики / А.И. Шептулин. – М., 1971.
24. Биbihин, В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beitrage» / В.В. Биbihин // Вопросы философии. – 2005. – № 4.
25. Введение в философию: учебник для высших учебных заведений / под. ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1989.
26. Гачев, Д. Европейские образы пространства и времени / Д. Гачев // Культура. Человек. Картина мира. – М., 1987.
27. Крюков, В.М. У истоков философского знания / В.М. Крюков, С.Д. Шаш. – Брест, 1989. – ч. 1.
28. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер Т.1: Чары Платона: Пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992.
29. Маркс, К. Сочинения. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1987.
30. Винер, Н. Я – Математик / Норберт Винер. – 2-е изд. – М.: Наука, 1967.
31. Лебедина, Л. Среди молний истории / Л. Лебедина. – Труд. – 2007. – 2 февр.
32. Гаджиев, К.С. Апология Великого Инквизитора / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2005. – № 4.
33. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.
34. Быков, А.А. Антикризисная стратегия предприятий как элемент системы экономической безопасности Республики Беларусь // Социология. – 2007. – №1.
35. Кривель, А. Взгляд на современный менеджмент через призму консалтинга // Директор. – 2002. – №4.
36. Коллонтай, М.М. Управление предприятием: новые вызовы времени // Директор. – 2002. – №4.
37. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Социология. – 2006. – №1.

38. Турбовский, Я.С. Проявление активной жизненной позиции в современных условиях // Формирование социально активной личности – основа развития гражданского общества. – Воронеж, 2005.

39. Лейбин, В.М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба / В.М. Лейбин. – М.: ИПЛ, 1982.

40. Мартинковский, М. «Внутренне управляемый» человек в новом тысячелетии // Сб. Трансформационные процессы в обществе: их последствия в экономической и духовной сферах жизни. Ред. Крюков В.М. – Брест, 2003.

41. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск: Бел. Наука, 2006. – 479 с.

42. Кутасова, И.М. Современная западная философия / И.М. Кутасова // Хрестоматия по философии. От Шопенгауэра до Дерриды. – М.: Владос, 1997.

43. Митрополит Кирилл. Правильное богатство – дар Божий / Митрополит Кирилл // Известия. – 2007. – 6 марта.

44. Неверова, З.А. Актуальные проблемы постмодернистского общества и Беларусь / З.А. Неверова // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества: материалы 8 Междунар. научно-метод. конф., г. Витебск. – Ч. 2. – Минск: ЗАО «Современные знания», 2005.

45. Тиллих, П. Вечное сейчас (Три проповеди из книги) / П. Тиллих // Вопросы философии. – 2005. – № 5.

46. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М., 1986.

47. Рубинов, А. Наука и общество / А. Рубинов // Сов. Белоруссия. – 2006. – 12 декабря.

48. Философия: учебник / под ред. Н.И. Жукова. – Минск: НТЦПИ, 2000.

49. Данилов, А.И. Социологическая наука о новой парадигме развития / А.И. Данилов // *Filozofia blizsza zyciu*. Tom 1. Wyzsza Szkoła Finansow i Zarzadzania w Warszawie. – Warszawa, 2005.

50. Грицанов, А. Презентация науки и идеологии суверенной Беларуси / А. Грицанов // Белорусы и рынок. – 2007. – 12 февр.

51. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М., 1980.

52. Лейбин, В.М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба / В.М. Лейбин. – М.: ИПЛ, 1982. – 254 с.

53. Аббаньяно, Н. Мудрость философии / Н. Аббаньяно. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 305 с.

54. Фридлендер, Г.Ф. Ф.М. Достоевский и его наследие / Г.Ф. Фридлендер // Ф.М. Достоевский. Сочинения. – Т.1. – М.: Правда, 1982.
55. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр. // Сумерки богов. – М., 1989.
56. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М., 1992.
57. Иоффе, А.Ф. Развитие атомистических воззрений в XX веке / А.Ф. Иоффе // Памяти В.И. Ленина. – М.–Л., 1934.
58. Анри, В. Современное научное мировоззрение. Успехи физических наук / В. Анри. – М., 1920. – Т. 2, вып. 1.
59. Гуревич, П.С. Видный мыслитель XX столетия: вступ. статья к книге Э. Фромма «Душа человека» / П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1992.
60. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992.
61. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992.
62. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Беланского. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
63. Вардомацкий, А.П. Ценностные ориентации / А.П. Вардомацкий // Социологический словарь. – Минск: Университетское, 1991.
64. Шульга, Р.С. Искусство и ценностные ориентации личности / Р.С. Шульга. – Киев: Наукова думка, 1989.
65. Левыкин, И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / И.М. Левыкин. – М., 1975.
66. Клименко, В.А. Образование в трансформируемом обществе / В.А. Клименко. – Минск: Право и экономика, 1996.
67. Лазука, Б.А. Культурная ариентацыя асобы і мастацкая спадчына (гістарычны аспект) / Чалавек. Культура. Экалогія // Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. – Мінск, 1998.
68. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы / П.К. Анохин // Философские проблемы биологии. – М.: Наука, 1973.
69. Сеченов, И.М. Избранные философские и психологические произведения / И.М. Сеченов. – М.: ГИПА, 1947.
70. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 3-е изд. – М.: Изд. МГУ, 1972.

71. Миттельштедт, Х. Управление и регулирование при ориентации живых существ / Х. Миттельштедт // Процессы регулирования в биологии. – М.: Иностранная литература, 1960.
72. Бертон, Р. Чувства животных / Р. Бертон. – М.: Мир, 1972.
73. Мантейфель, Б.П. Биологические исследования ориентации мигрирующих животных / Б.П. Мантейфель, И.Е. Якоби // Вопросы биологии. – М.: Наука, 1967.
74. Гальперин, П.Я. Введение в психологию / П.Я. Гальперин. – М.: Изд. МГУ, 1976.
75. Ориентировочная деятельность // Философская энциклопедия. – Т.4. – М., 1967.
76. Каган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М., 1974.
77. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
78. Тейчман, Д. Философия. Руководство для начинающих / Дженни Тейчман, Кэтрин Эванс. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 1997. – 247 с.
79. Осипов, А.И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности / А.И. Осипов. – Минск: Наука и техника, 1989. – 219 с.
80. Крюков, В.М. Ориентационная деятельность и мировоззрение. Эко-философский аспект / В.М. Крюков. – Брест, 1999. – 122 с.
81. Павлов, И.П. Полное собрание сочинений / И.П. Павлов. – Т.4. – 2-е изд. – М. – Л., 1951.
82. Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – М.: Прогресс, 1972.
83. Соколов, Е.П. О моделирующих свойствах нервной системы / Е.П. Соколов // Кибернетика. Мышление. Жизнь. – М.: Мысль, 1964.
84. Шаров, Ю.В. Сущность и генезис познавательной потребности / Ю.В. Шаров. – М., 1968.
85. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1965.
86. Гальперин, П.Я. Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий / П.Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. – 1958. – №2.
87. Управление познавательной деятельностью учащихся / Под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. – М.: Изд. МГУ, 1972.
88. Шибаева, М.М. Человеческая субъективность и культура / М.М. Шибаева // Культура. Человек и картина мира. – М.: Наука, 1987.

89. Григорьян, Б.Т. Человек: его положение и призвание в современном мире / М. Григорьян. – М.: Мысль, 1986.
90. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика / Г.В.Ф. Гегель. – Т.2. – М., 1962.
91. Костиков, В. Тревожная кнопка России / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2006. – № 41.
92. Звягинцев, А. И закон, и духовность / А.И. Звягинцев // Аргументы и факты. – 2007. – № 8.
93. Гаджиев, К.С. Апология Великого Инквизитора / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2005. – №4.
94. Брюшинкин, В.Н. Феноменология русской души / В.Н. Брюшинкин. // Вопросы философии. – 2005. – № 1.
95. Маркарян, Э.С. Вопросы системного исследования общества / Э.С. Маркарян. – М., 1972.
96. Крапивенский, С.Э. Социальная философия: учебник для студентов вузов / С.Э. Крапивенский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998.
97. Ленин. Философия. Современность. – М.: Политиздат, 1985.
98. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – Т. 29. – М.: Политиздат, 1970.
99. Биbihин, В. Хайдеггер / В. Биbihин // Знание-сила. – 1989. – № 10.
100. Осипов, В.Е. Принцип неопределенности, соответствия и дополнителности в структуре стиля научного мышления / В.Е. Осипов. – Иркутск: Изд. Иркутского университета. – 1990. – Ч. 1-2.
101. Готт, В.С. Определенность и неопределенность как категории научного познания / В.С. Готт, А.Д. Урсул. – М.: Знание, 1971.
102. Кирвель, Ч.С. Новая парадигма социального познания // Социология. – Минск: БГУ, 2007. – №2.
103. Бриллиуэн, Л. Научная неопределенность и информация / Л. Бриллиуэн. – М.: Мир, 1966.
104. Квейд, Э. Анализ сложных систем / Э. Квейд. – М., 1969.
105. Достоевский, Ф.М. Сочинения: в 10 т. / Ф.М. Достоевский. – М., 1956. – Т. 4.
106. Крымский, С.Б. Истина и мнение / С.Б. Крымский // Философские науки. – 1980. – № 10.
107. Чанышев, А.А. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра / А.А. Чанышев // Философия и жизнь. – М.: Знание, 1990. – № 12.

108. Бородин, О. Народный депутат СССР / О. Бородин // Аргументы и факты. – 1990. – 2 марта.
109. Гранин, Д. До и после коммунизма / Д. Гранин // Комсомольская правда. – 1990. – 7 марта.
110. Касавин, И.Т. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / И. Т. Касавин. – М.: ИПЛ, 1990.
111. Быстрицкий, Е.К. Понимание и практическое сознание / Е.К. Быстрицкий // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991.
112. Поляков, Л.В. Понимание в истории как история понимания / Л.В. Поляков // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991.
113. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Планета, 1990.
114. Крюков, В.М. Мировоззренческо-ориентационный аспект педагогической культуры / В.М. Крюков, В.В. Гапич // Мировоззренческие основы формирования и развития педагогической культуры: материалы конференции. – Брест, 1990.
115. Рубакин, Н.А. Избранное: в 2 т. / Н.А. Рубакин. – М.: Книга, 1975.
116. Паульсен, Ф.Ф. Образование / Ф.Ф. Паульсен. – М.: Изд. Сабашниковых, 1900.
117. Степин, В.С. Философская мысль на рубеже двух столетий. Поиск мировоззренческих ориентиров / В.С. Степин // Философия и жизнь. – 1990. – № 11.
118. Степин, В.С. Философия в современном мире / В.С. Степин // Новое в жизни, науке и технике. – 1990. – № 11.
119. Юдин, Э.Г. Наука и мир человека / Э.Г. Юдин, Б.Г. Юдин. – М.: Знание, 1978.
120. Волков, Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники / Г.Н. Волков. – М.: Политиздат, 1976.
121. Швырев, В.С. Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма / В.С. Швырев, Э.Г. Юдин. – М.: Знание, 1973. – № 4.
122. Косарева, Л.М. Социокультурный генезис науки Нового времени. Философский аспект проблемы / Л.М. Косарева. – М.: Наука, 1989.

123. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (15век). – М., 1985.
124. Вебер, М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Самосознание европейской культуры 20 века. – М.: Политиздат, 1991.
125. Bertalanffy L. General Sistem Theory – A critical Review, «General Systems», vol. 5, 1962, p.1-20. Перевод Н.С. Юлиной.
126. Мамчур, Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания / Е.А. Мамчур. – М., 1997.
127. Аксенов, Г.П. Личность есть драгоценнейшая, величайшая ценность / Г.П. Аксенов. – М.: Знание, 1990.
128. Степин, В.С. Социокультурная размерность нормативных структур науки / В.С. Степин // Философские науки. – 1989. – № 7.
129. Философские науки. – 1989. – № 7.
130. Пуанкаре, А. Ценность науки / А. Пуанкаре. – М., 1906.
131. Алексеев, П.В. Наука и мировоззрение / П.В. Алексеев. – М.: Политиздат, 1983.
132. Фролов, И.Т. Жизнь и познание / И.Т. Фролов. – М., 1981.
133. Ханей, Ф. Проблема единства естественнонаучного знания как объект философского мировоззрения / Ф. Ханей // Мировоззренческие структуры в научном познании. – Минск, 1993.
134. Мигдал, А. Поиск истины / А. Мигдал. – М., 1983.
135. Стефанов, Н. Теория и метод в общественных науках / Н. Стефанов. – М., 1967.
136. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М., 1950.
137. Аронов, Р.А. Когнитивная стратегия А. Эйнштейна / Р.А. Аронов, О.Е. Баксанский // Вопросы философии. – 2005. – № 4.
138. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов / А. Эйнштейн. – Т. 3. – М., 1966.
139. Дилтс, Р. Стратегия гениев / Р. Дилтс. – М., 1998. – Т. 2.
140. Кувакин, В.А. Владимир Соловьев / В.А. Кувакин // Знание. – 1988. – №8.
141. Философские науки. – М., 1991. – № 6.
142. Программа-минимум кандидатского экзамена по философии и методологии науки: приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 30 декабря 2004г. – №179.
143. Мостепаненко, М.В. Философия и методы научного познания / М.В. Мостепаненко. – Ленинград, 1972.
144. Бунге, М. Философия физики / М. Бунге. – М., 1975.

145. Копнин, П.В. Диалектика как логика и теория познания / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1973.

146. Зотов, А.Ф. Структура научного знания / А.Ф. Зотов. – М., 1973.

147. Гастев, Ю.А. От редактора перевода / Карри Х // Основы математической логики. – М., 1969.

148. Сороко, Э.М. Человек: ориентации и устремленность // Чалавек. Грамадства. Свет. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2001. – №4.

149. Kriukow, W.M. Filozofski tekst jak pole wzajemnego oddziaływania dyskursów własności i bezpieczeństwa człowieka // Bezpieczeństwo człowieka wobec współczesnych i przyszłych wyzwań / Monografia nr. 1: Wydawnictwo ODN. – Siedlce, 2005.

150. Пригожин, И. Философия неустойчивости // Вопросы философии. – 1991. – №6.

151. Философия для аспирантов: учебное пособие / В.П. Кохановский и др; под общ. ред. В.П. Кохановского. – 2-е изд. – Ростов н /Д: Феникс, 2003. – 448 с.

152. Современная буржуазная философия / Под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвиля, И.С. Нарского. – М.: Высшая школа, 1978. – 582 с.

153. Крюков, В.М. Гносеолого-методологические основы научно-исследовательской деятельности / В.М. Крюков. – Брест: Издательство С. Лаврова, 2003. – 248 с.

154. Паустовский, К. Потерянные романы / К. Паустовский. – Калуга: Калужское книжное издательство, 1962.

155. Философские поиски и научная фантастика. Беседа за «круглым столом» // Новое в жизни, науке и технике. Серия «Философия и жизнь». – М: Знание, 1990. – №5.

156. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1979.

157. Данэм, Б. Гигант в цепях / Б. Данэм. – М: Издательство «Иностранная литература», 1958.

158. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания / Новые идеи в социологии. – Спб., 1914. – № 2.

159. Кузнецов, В.Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 – начала 19 века / В.Н. Кузнецов. – М., 1989.

160. Шлегель, Ф. История европейской литературы // Эстетика. Философия. Критика. – М., 1983. – Т.2.

161. Крюков, В.М. О природе философского догматизма и форм

мулировке предмета философии / И.И. Акинчиц, В.М. Крюков, С.Д. Шаш // Казимир Лыщинский и современность. – Брест: Брестский пед. институт, 1993.

162. Фихте, И. Первое введение в наукоучение / И. Фихте // Избр. соч. – М., 1916. – Т. 1.

163. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – Ленинград: «ЭГО», 1991. – Т.1. – Ч. 1. – 221 с.

164. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973.

165. Крюков, В.М. Трансформируемое общество и механизмы ориентации / В.М. Крюков // Трансформационные процессы в обществе: их последствия в экономической и духовной сферах жизни: материалы Междунар. конф. Бел. ассоц. полит. наук, Брест 2005 / под ред. В.М. Крюкова. – Брест: Издатель Лавров С.Б., 2003.

166. Крюков, В. Философско-ориентационная деятельность в науке и образовании / Крюков В., Крюков Д., Коклюхин В. // *Filosofia blizsza zyciu*. Tom 1, Wyzsza Szkola Finansow i Zarzadzania w Warszawie, 2005.

167. Малыхина, Г.И. Логика / Г.И. Малыхина. – Минск: Высшая школа, 2002.

168. Бриджмен, П.В. Логика современной физики / П.В. Бриджмен. – Нью-Йорк, 1954.

169. Козлова, М.С. Философия и язык / М.С. Козлова. – М., 1972.

170. Шептулин, А.П. Диалектический метод познания / А.П. Шептулин. – М.: Политиздат, 1983.

171. Арсеньев, А.С. Размышления о работе С.Л. Рубинштейна «Человек и Мир» / А.С. Арсеньев // Вопросы философии. – 1993. – № 5.

172. Гессен, С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С.И. Гессен. – Берлин, 1923.

173. Алексеев, Н.А. Личностно-ориентированное обучение в школе / Н.А. Алексеев. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.

174. Моисеев, Н.Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1989. – №8.

175. Мифологии древнего мира. – М.: Наука, 1977.

176. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – М.: ИПЛ, 1991.

177. Вениамин (Новик), игумен. Христианский социализм протоиерея Сергия Булгакова / Вениамин (Новик) – <http://humanities.edu.ru/db/vsg131773>.

178. Ламонт, К. Иллюзия бессмертия / К. Ламонт. – 2-е издание. – М.: издательство политической литературы, 1984.

179. Гусаковский, М.А. Предисловие от редактора / М.А. Гусаковский // Университет как центр культуропорождающего образования. – Минск: БГУ, 2004.

Научное издание

Крюков Валерий Михайлович

Бытие и ориентация

(Ориентационный подход в жизнедеятельности человека)

Монография

<i>Редактор</i>	Л.В. Новик
<i>Корректор</i>	Т.Т. Шрамук
<i>Верстка</i>	П.С. Кравцов
<i>Компьютерный дизайн</i>	А.А. Пресный

Подписано в печать 01.04.2008 Формат 60х84/16

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография

Усл. печ. л. 17,03 Уч.-изд. л. 17,3

Тираж 150 экз. Заказ № 338

Отпечатано в редакционно-издательском отделе

Полесского государственного университета

225710 г.Пинск, ул. Днепровской флотилии, 23